Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Макласова Людмила Эдуардовна

ГОЛОВНОЙ УБОР БОКТАГ XIII–XIV ВВ.: ТИПОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Специальность 5.6.3 – Археология (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор А. Г. Ситдиков

Казань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 3
ГЛАВА 1 История изучения женского головного убора боктаг ... 16
1.1 Исторические источники ... 17
1.2 Историография изучения боктаг в научной литературе ... 36
1.3 Семантическая составляющая боктаг ... 47
ГЛАВА 2 Типология берестяных каркасов и конструктивные особенности боктаг ... 53
2.1 Представление конструкции и технологии изготовления ... 54
2.2 Классификация и систематизация берестяных каркасов ... 70
ГЛАВА 3 Интерпретация и реконструкция образа ... 93
3.1 Боктаг в археологическом и этнографическом костюме ... 94
3.2 Ювелирные украшения и тканевые элементы боктаг ... 103
3.3 Исследование и интерпретация деталей и форм боктаг ... 117
Заключение ... 138
Список сокращений ... 144
Список литературы ... 146
Архивные материалы ... 146
Авторефераты и диссертации ... 149
Литература ... 149
Электронные ресурсы ... 173
Приложение А ... 175
Приложение Б ... 220

Введение

Актуальность темы. Вначале XIII в. мир характеризовался расширением границ Монгольской империи с огромным числом людей, включенных в управление и подчиненных иерархической системе. Социальное расслоение в разных группах нашло отражение в материальной культуре. Одним из первых изменению подвергся костюм, служивший ярким маркером власти и демонстрирующий социальный статус человека. Некоторые исследователи писали о нем, как о значимом элементе социальной стратификации, особо выделяя важную роль отдельных элементов. Описанный З.В. Доде «институт дарения» ярко демонстрирует власть таких элементов в визуализации наделения полномочиями и карьерным ростом военных и гражданских чиновников (Доде, 2014. С. 7–74). Подобными элементами власти были халаты, пояса, оружие, головные уборы.

Костюм – это восприимчивый, точный и безошибочный маркер, часть человека, страны, культуры, имеющий ряд отличительных признаков (Захаржевская, 2004. С. 31). Разные периоды истории имеют свой идеальный образ, свои правила, пропорции и детали. И костюм здесь как составная часть материальной культуры является показателем социальной и индивидуальной характеристики человека, его вкуса, возраста, пола. В понятие «костюм» входят много различных элементов, от белья до причёски и головного убора. С течением времени в костюме, как и в истории, происходят изменения, идет процесс развития от простого к сложному (и обратно), начинается трансформация простых элементов в символы власти.

Из всех элементов костюма представителей Монгольской империи XIII–XIV вв. боктаг вызывает интерес в большой степени из-за своей слабой изученности. Боктаг – это головной убор знатной замужней женщины, знаковый, статусный элемент костюма, содержащий в себе множество элементов. Он имел сложное конструктивно-технологическое исполнение и дополнялся множеством элементов: мягкими тканевыми шапочками, перьями, нашивным декором,

ювелирными украшениями, что в большинстве случаев делало его дорогим головным убором.

В последнее время проходит процесс обобщения широкого круга археологических материалов, полученных за многие годы исследований в раскопах разных регионов Евразийской степи и сопредельных территорий. Именно археологический материалы являются основой исследования данной работы, дают нам возможность предметно проанализировать особенности боктаг. Головные уборы, полученные в ходе археологических раскопок, всё чаще становятся предметом исследований. С каждым днем появляется больше работ, раскрывающих их потенциал, т. е., помимо описательной части археологической находки, в исследования включается конструктивный разбор его элементов. Но в научных работах головные уборы и их отдельные элементы рассматриваются чаще всего в рамках своей группы или своего памятника, что не даёт увидеть их обобщенный, полноценный облик во всех его проявлениях. Помимо этого, основным материалом для изготовления головного убора служила органика, которая плохо сохраняется в неблагоприятной среде. Активная работа в данном направлении только начинается, появляется больше памятников, анализируются как в целом комплексы, так и их части: украшения, ткани, берестяные конструкции. В научной литературе пока нет должного освещения вопросов систематизации и единой типологизации боктаг для выявления его конструктивных особенностей. Слабо раскрыты проблема их интерпретации и методики археологической реконструкции, особенно в памятниках с плохой сохранностью. Помимо этого, существуют разные точки зрения и подходы к вопросу возникновения и эволюции данного убора.

Поэтому сегодня актуальна потребность комплексного изучения головных уборов, показывающих специфику определенной части материальной культуры Монгольской империи XIII–XIV вв. У исследователей возникают различные противоречия в понимании и интерпретации некоторых конструктивных особенностей боктаг, влияющих на внешний облик. К примеру, использование в работе большого количества изобразительных источников и малой

археологической базы не до конца объективно (Су Донг, 2001. С. 99–100). Неправильная трактовка отдельных элементов ведет к появлению в научной литературе новых «типов» головных уборов (Пилипенко, 2013. С. 84–87). Несмотря на последующие опровержения (Пилипенко, 2019. С. 225–231; Пилипенко, 2019. С. 42–52), теории начинают активно тиражироваться другими исследователями.

И наряду с конструктивно-технологическим потенциалом актуальна проблема понимания генезиса и преемственности боктаг в костюме народов, включенных в управление Монгольской империей. Всё это составляет большую проблематику и для научного сообщества, и для данного исследования, которая вытекает из установленных противоречий.

Объектом исследования является головной убор замужней женщины в системе средневекового женского костюма, представленный в археологическом материале.

Предметом исследования являются семантические и технологические особенности и внешние характеристики каркасных головных уборов замужних женщин Монгольской империи в XIII–XIV вв. по данным археологических исследований и сведениям письменных источников.

Цель исследования – на основе материалов археологических исследований изучение элемента средневекового женского костюма боктаг и его изменений в период существования Монгольской империи XIII–XIV вв.

Задачи исследования:

1. Провести анализ и оценку имеющихся источниковых материалов, представленных в письменных и изобразительных материалах.

2. Рассмотреть проблемы истории изучения данного элемента женского костюма в работах отечественных и зарубежных исследователей.

3. Показать на основе историко-культурного анализа письменных источников семантическую основу термина «боктаг».

4. Установить хронологию трансформации берестяного каркаса и региональную специфику боктаг по материалам археологических исследований.

5. Построить типологию каркасных головных уборов на основе технологии изготовления с учетом данных археологии и письменных источников.

6. Создать историко-культурную интерпретацию внешнего вида боктаг на основе изучения происхождения и преемственности, в сравнительном анализе археологических и этнографических материалов.

7. Произвести графические реконструкции основных типов и выполнить фактическую реконструкцию некоторых боктаг на основе предложенных типологических разверток.

Степень разработанности темы исследования. На данный момент накоплено достаточно археологического материала, касающегося истории и костюмов кочевников Монгольской империи. Формируется обширная публикационная база исследований не только костюмного комплекса в целом, но и его отдельных элементов. Первые разговоры о берестяных каркасах боктаг в научной литературе появились в 1913 г., после опубликования А.А. Кротковым отчета о работе на Увекском городище (Кротков, 1915. С. 111–133). Его работа явилась одним из самых значимых открытий в материальной культуре Золотой Орды, позволивших познакомиться с женским головным убором XIII–XIV вв. не только по письменным и изобразительным источникам, но и по археологическому артефакту. Это дало возможность по-новому взглянуть как на боктаг, так и на женский костюм эпохи Монгольской империи в целом. Впоследствии головной убор был найден и на других памятниках Степной Евразии. Имеются многочисленные публикации исследований, посвященных воссозданию конструкций женских головных уборов.

Проблемы изучения материальной культуры Монгольской империи, а также исследования средневекового костюма этого времени получили широкое отражение во многих научных исследованиях отечественных и зарубежных авторов, охватывающих обширные территории Евразии (Федоров-Давыдов, 1966, 1983, 1994; Кригер, 1980, 1983; Иванов, 1988; Мажитов, 1977; Мыськов, 1995, 2015; Доде, 2008; Юрченко, 2012; Тишкин, 2002, 2003, 2016; Крадин, 2016;

Красноперов; Эрдэнэбат, 2010; Цзя Си Цзэн, 2011; Ду Вэнь, 2015; Дуань Веньцзе, 1991; Сун Цзянбинь, 2017; Allsen, 2019 и др.).

В научной литературе не имеется ясной единой классификации головных уборов. Некоторыми исследователями делались попытки классифицировать боктаг по отдельным памятникам, не касаясь всего археологического массива. К примеру, в работе Е.П. Мыськова была затронута тема некоторых типов головных уборов народов Нижнего Поволжья и Подонья. Автор считал, что на этой территории встречались головные уборы двух типов – шапки-колпаки и бокки, и на этом строил свою «типологию» (Мыськов, 1995. С. 36–43). Ещё один вариант классификации опирался на внешний вид головных уборов и из изобразительных и из письменных источников (Горелик, 2010. С. 16–79). Однако ни одна из предложенных классификаций и типологий не отражала реального положения дел. Для решения сложившейся проблемы необходимо изучение не только письменных источников (будь то археологический отчет или историческая хроника), но и непосредственно самого материала, являющегося основой всего исследования. При изучении боктаг иногда возникает вопрос о несоответствии друг другу имеющихся деталей и предполагаемой автором конструкции. Это происходит от того, что объект находился в неблагоприятных условиях и с течением продолжительного времени сильно деградировал от первоначального состояния. Данные головные уборы выполнялись из органического материала, которые подвергаются деформации и разрушению. Более устойчивы к неблагоприятной среде украшения, выполненные из металла, камня, кости и т. д. Боктаг в относительно хорошей сохранности мало, в основном это берестяные каркасы, у которых зачастую остались только ствол, реже ствол с фрагментами капители. Уникальные объекты с полностью сохранившейся конструкцией единичны, на их основе проводится анализ частей уборов из других памятников и проверяется правильность интерпретации деталей. Такими аналогами могут быть боктаг, хранящиеся в Фонде Марджани, в ВОМК (Россия), в Музее Внутренней Монголии, в Музее шелка в Ханчжоу (КНР) и т. д.

Все головные уборы несут в себе не только половозрастную, социально-семантическую, но и этнокультурную информацию и представляют научную и художественную ценность. В широком доступе посредством всемирной связи Интернет появляются выкладки и реконструкции различных независимых исследователей как по одежному комплексу в целом, так и по отдельным элементам костюма человека, включенного в систему Монгольской империи. На наш взгляд, она не полна (так как база данных постоянно расширяется и быстро видоизменяется, что ведет к заблуждениям в некоторых вопросах) и не всегда имеет четкую научную базу под собой. На данный момент, несмотря на обширный пласт имеющихся источников и исследовательских работ, головные уборы боктаг XIII–XIV вв. изучены недостаточно тщательно и подробно. Они представляют собой некоторую разрозненную картину, не собираемую в единый костюмный комплекс.

Источниковая база. Основным достоверным источником, на который опирается каждая археологическая работа, является вещественный материал, дополненный и подтвержденный письменными и изобразительными источниками. В работе рассматриваются боктаг из 114 памятников XIII–XIV вв. с территории Степной Евразии и сопредельных регионов, соответствующих тематике и проблематике. При анализе элементов головных уборов были отобраны данные из 182 погребений с подтвержденным их наличием и разной степенью сохранности.

Работа с вещественным материалом велась с 2019 г., визуально осмотрено и проанализировано 45 головных уборов, хранящихся в фондах следующих музеев: Саратовский областной музей краеведения – 10 ед., Волгоградский областной краеведческий музей – 12 ед., Волжский историко-краеведческий музей – 1 ед., Астраханский музей-заповедник – 7 ед., Ростовский областной музей краеведения – 1 ед., Ставропольский краеведческий музей – 1 ед., Национальный музей Республики Калмыкия – 1 ед., Уфимский музей археологии и этнографии – 5 ед., Стерлитамакский историко-краеведческий музей – 3 ед. Отдельно выделены головные уборы, исследованные нами до принятия их в собрание музеев:

Астраханский государственный университет – 1 ед., держатель коллекции археолог И.А. Гордин – 1 ед., Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Алматы, Казахстан) – 1 ед., Международный научно-исследовательский центр «Археология KZO» (Кызылорда, Казахстан) – 1 ед. Предметы, которые были визуально осмотрены, имеют учетные обозначения и представлены в колонке «Источник поступления» таблицы А.2 Приложения А.

Остальные 137 погребений изучены по отчетам, хранящимся в архиве ИА РАН, и публикациям исследователей из России, Казахстана, Киргизии, Украины, Монголии и КНР. Основными образцами выборки для анализа конструкции и построения типологии послужили 26 боктаг с хорошей и удовлетворительной сохранностью бересты и просматриваемыми технологическими приемами. В выборке превалируют богтаг погребений памятников с территории России (Поволжье, Южный Урал и Алтай) – 2/3 от общего числа, оставшиеся головные уборы, найдены в погребениях на территориях Монголии, Казахстана, Киргизии и КНР.

Также были использованы другие типы источников: письменные, изобразительные. Основными письменными источниками выступили записи, дневники, донесения и другие документы, фиксирующие такую часть материальной культуры, как женский костюм. Вначале XIII в. начался небывалый культурный обмен между Азией, Европой и Ближним Востоком. При дворе монгольских ханов побывало немало путешественников, миссионеров, купцов из различных стран, от европейских до арабских, оставивших в своих сочинениях упоминания о костюмах, головных уборах и его элементах (Винсент из Бове, 2006. С. 84–116; Джувейни, 2004. С. 690; Золотая Орда…, 2003. С. 448; Золотая Орда…, 2009. С. 336; Золотая Орда…, 2019. С. 320; История монголов…, 2013. С. 124; Карпини, 1957. С. 23–86; Клавихо, 1990. С. 216; Краткие сведения…, 1960. С. 160; Полное описание…, 1975. С. 286; Рикольдо де Монте Кроче, 2006. С. 147–200; Си Ю Цзи, 1995. С. 280–378; Козин, 1941. С. 619; Рашид ад-Дин, 2011. С. 540).

Изобразительные источники представлены миниатюрной живописью различных мастеров Ирана (Персии), сценической и портретной живописями китайских мастеров. Одними из ценнейших источников можно назвать миниатюры «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина (The Topkapi Saray Museum, 1986. 280 p.) и парадные портреты императриц из коллекции Национального дворцового музея Тайбэя (Wang Yao-t'ing, 2005. S. 298–411). Но и тот и другой источник показывают нам только один тип костюма и головного убора, распространенного в улусах Хулагу, Чагатая и на территории Китая эпохи династии Юань. Изображений золотоордынских женщин в боктаг нам пока не известно. Вся сохранившаяся крупная и мелкая каменная пластика малоконструктивна, чтобы говорить о ней, как об отдельном виде источника.

Тем не менее не надо забывать о том, что источники сами по себе не раскрывают полностью предмет исследования, каждый по отдельности несет свой собственный информационный потенциал и имеет определенные ограничения. Письменные источники ограничены воображением и культурой автора, изобразительные – мастерством художника, археологические находки – неблагоприятными условиями нахождения в земле и отчасти последующим неправильным хранением. Но в совокупности эти источники могут показать достаточно информативную картину, позволяющую реконструировать не только определенный предмет, но и облик замужней женщины в целом.

Хронологические рамки нашего исследования – начало XIII–XIV вв. эпохи Монгольской империи, где в этот период произошли изменения в политической, социальной и культурной жизни. В период формирования империи устанавливается новый социально-экономический и политический порядок, отразившийся на материальной культуре.

Археологические находки предметов костюма на разных территориях Монгольской империи указывают, что мода и манера их ношения формировались на первоначальной территории ее сложения. Поэтому начало XIII в. свидетельствует о становлении данной традиции костюма в период формирования империи. В XIV в. начинается ослабевание единой имперской традиции и с

сохранением некоторых неизменных элементов, появляются новые, особенно ярко это видно по костюмному комплексу Золотой Орды.

Географические рамки исследования. География нашего исследования широкая – от Дальнего Востока до Подунавья, включая территории, связанные со Степной Евразией. По имеющимся вещественным материалам на рассматриваемых территориях выделяются три региона, требующие самостоятельного рассмотрения с учетом их специфики и особенностями сведений исторических источников по боктаг: Центральная Азия, Сибирь и Восточная Европа.

Методическая основа исследования. В работе были использованы общенаучные методы и подходы: комплексный, системный, семантический, ретроспективный. Определенные задачи решались с помощью обще- и специальных научных методов: систематизации, анализа, сравнения, типологии, аналогии и экспериментально-практической реконструкции. Для практической части работы дополнительно привлекались методы визуального осмотра, моделирования, фотографирования, графической и фактической реконструкции, а также узкоспециализированные – фотограмметрия, 3D-моделирование, работа с графическими редакторами.

При изучении головного убора особое значение придавалось такому методу, как типологическая классификация, при котором использовался весь корпус источников, помогающий реконструировать головной убор в образе женщины XIII–XIV вв. При таком методе вторичные детали не важны, за основу берутся крой и силуэт предмета (Яценко, 2002. С. 26). Отдельно надо отметить методику реконструкции, опирающуюся на обратную ретроспективу. Историческая действительность привязывается к фактическому материалу и на основе этого делается воссоздание утраченных приёмов и конструкций.

Научная новизна исследования состоит в том, что осуществлен первый опыт комплексного исследования боктаг. Впервые предложена единая типология женского каркасного головного убора с привлечением материала с широкого круга археологических памятников. Определены территориальные различия в

конструкциях, показывающие хронологию изменения и региональную специфику боктаг. Найдены общие признаки в некоторых типах головных уборов. На основе детального анализа разобраны конструкции и технология изготовления боктаг, предложен иллюстративный ряд графической развертки берестяных каркасов. По-новому использованы экспериментально-практические методы в исследовании головных уборов – с дополнительным применением компьютерных программ Agisoft PhotoScan и Polycam-3D сканер, позволяющих отсканировать археологический предмет для последующего изучения и построить трехмерную модель на основе снятых размеров и лекал. Затронута тема семантической особенности слова «боктаг», дан развернутый анализ терминов «бокка» и «бокта», поднят вопрос об уместности использования слова «бокка» в отечественной научной литературе. Основываясь на вышеперечисленном анализе, созданы графические и художественные реконструкции, наиболее ярко иллюстрирующие те или иные различия в головных уборах между улусами Монгольской империи. Ранее исследователем введены в научный оборот элементы с двух головных уборов памятника Золотой Орды (Дядьковский 45 погребение 1 и 2), которые, несмотря на утраченную органическую часть боктаг, позволили определить тип головного убора с данной территории.

Теоретическая и практическая значимость. Выводы и положения работы можно применять для углубленного исследования костюма Монгольской империи XIII–XIV вв., в просветительской и лекционной деятельности, в музейном экспонировании и при экскурсионной работе, а также в реставрационной работе (для специалистов по органическим материалам). Собранная информация, сводная база, построенные таблицы и анализ ряда вопросов помогут в решении некоторых дискуссионных вопросов:

– при определении социальных, культурных, половозрастных, мировоззренческих аспектов и различий в головном уборе;

– при составлении характеристики головных уборов и их отдельных элементов у замужних женщин с разных территорий Монгольской империи;

– при выявлении конструктивных особенностей, декоративной отделки, семантической составляющей головных уборов монгол;

– в проблеме преемственности форм берестяных каркасов боктаг между империей Юань и Улусом Джучи;

– проблеме происхождения и последующей преемственности исследуемого головного убора в археологическом и этнографическом костюме.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы отражены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях: III Международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: исследования, реставрация, реконструкция» (Казань, 2016), V Международная Нижневолжская археологическая конференция «Проблемы археологии Нижнего Поволжья» (Элиста, 2016), XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Карачаевск, 2018), Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Пятигорск, Прасковея, 2018; Саратов, 2022; Пенза, 2024), Историко-археологическая конференция, посвященная памяти Е.П. Мыськова (Волгоград, 2019), Международная конференция в рамках VI–XI археологических школ «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». (Болгар, 2019–2022), Международная научная конференция Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Казань, 2018–2024), Международная научно-практическая конференция «Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность» (Казань, 2021–2024).

Помимо этого, выполнены реконструкции боктаг (с сопутствующими элементами): из погребения 51 могильника Маячный Бугор II – для экспозиции в ГБУК АО «Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник»; из погребения 2 погребений Башкир-Беркутовского курганного могильника – для Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (г. Уфа); из погребения 4 мавзолея Батыс-Кесене

некрополя Сыгнак – для экспозиции в Кызылординском областном историко-краеведческом музее (Казахстан); из погребения 290 могильника Ушарал-Илибалык в рамках совместного исследования на базе научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (Казахстан) – для экспозиции в краеведческом музее г. Алматы.

Основные результаты работы были опубликованы в 13 научных статьях и материалах конференций, в том числе 3 из них в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, и 2 статьи в Scopus.

Степень достоверности. Достоверность результатов исследования определена большим массивом использованной источниковой базы, включающей в себя не только письменную, изобразительную и отчетную документацию, но и большой массив археологического материала, на котором базируется данное исследование.

Положения, выносимые на защиту:

1. Закономерности этапов изучения археологических материалов, связанных с головными уборами боктаг. Первый этап включает сбор и первичную фиксацию археологических данных без детальной интерпретации. Второй этап предполагает изучение головных уборов в контексте костюма или археологического комплекса. Третий этап подразумевает систематизацию и типологизацию головных уборов, что позволяет выделить их особенности и эволюцию.

2. Типология каркасного головного убора боктаг, существовавшего в XIII–XIV вв., включающая четыре типа и два подтипа. Выявлена территориальная дифференциация боктаг, отражающая региональные особенности конструкции и декора.

3. Метод идентификации таксонов на основе анализа следов производства, позволяющий реконструировать крой, геометрию и силуэт боктаг. Метод основан на изучении археологических остатков и способствует точной классификации головных уборов.

4. Эволюция технологии изготовления боктаг в XIII–XIV вв., характеризующаяся упрощением конструкции и формы. Установлено, что ранние формы боктаг перестали изготавливаться к началу XV в., а дальнейшее развитие головного убора не связано с этнографическими и современными аналогами.

5. Графические реконструкции боктаг, основанные на археологических данных и верифицированные с использованием объективных источников. Практическая реализация исследования представлена в виде методического материала, включающего графические развертки и реконструкции, которые достоверно отражают особенности головных уборов.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы, приложений, включающих в себя таблицы и иллюстрации.

ГЛАВА 1 История изучения женского головного убора боктаг

Костюм – самая выразительная система, идентифицирующая человека его социальное положение, статус и культурно-хозяйственный тип общества в целом. По мнению А.Г. Юрченко, всякая разница внешнего вида в различных сообществах осуществляет функцию культурного знака (Юрченко, 2003. С. 63–68). Костюм представителей монгольской империи привлекал исследователей ещё с эпохи Средневековья. Сначала им заинтересовались послы и путешественники, оставившие описания в своих трудах, а затем ученые, на протяжении последующих столетий внимательно изучавшие эти описания. Сегодня растет заинтересованность в исследованиях как костюма в целом, так и его отдельных элементов, повышается уровень количества и качества публикаций, и особое внимание в некоторых исследованиях уделяется боктаг – головному убору знатной замужней женщины как одному из ярких и знаковых элементов женского костюма.

В данной главе рассматривается достоверность и информативность различных источников по головным уборам боктаг в Монгольской империи XIII–XIV вв. через анализ средневековых письменных и изобразительных источников, подкрепленных предметами археологии[1]. В контексте истории исследования археологического материала большой группой источников выступают отчеты и публикации, для упрощения анализа поделенные на два периода по выделенным проблематикам.

Для сравнительного анализа был привлечен этнографический материал, но в ходе работы было установлено, что рассматриваемые головные уборы, помимо отличий во внешнем виде, имеют совершенно другую технику исполнения. Небольшое сходство наблюдается в некоторых материалах изготовления и в декоративных решениях (подробнее этот вопрос рассмотрен в Главе 3). Только

[1] Весь использованный в работе археологический материал по берестяным каркасам боктаг объединён в две сводные таблицы: с общей информацией по погребениям (Приложение А, таблица А.1) и с описанием комплексов с головными уборами боктаг (Приложение А, таблица А.2).

соединив, сравнив и проанализировав весь спектр имеющихся данных, можно составить наиболее полное представление о внешнем облике существовавших головных уборов, а также проследить их эволюцию и территориальные различия.

1.1 Исторические источники

Работа основана на материальных источниках – непосредственно археологических находках боктаг. Письменные и изобразительные источники служат дополнением к археологическим, что позволяет создать целостное историческое восприятие этого важного элемента женского костюма. Источниковедческий материал рассматривается на основании типов отражения информации, включающих в себя нарративные, изобразительные и вещественные источники.

Нарративные источники разделены по письменной языковой традиции их формирования. Выделяются следующие группы: монгольские, китайские, арабские, персидские, армянские и европейские[2]. Впервые мир познакомился с боктаг в XIII в. по записям путешественников, миссионеров, послов и пр. Головной убор был настолько необычен и непривычен, что средневековые авторы оставили их описания в текстах на разных языках.

Китайские источники подробно описали как истории Монгольской империи, так и принятые в ней обычаи. Известно, что китайские элиты подчинились монголам и надели монгольский костюм, стали говорить на монгольском языке (У Хань, 1980, С. 131). Это связано с тем, что многонациональный характер Монгольской империи составлял основу государства: мужчины и женщины, входящие в имперскую элиту и связанные с традицией имперской моды, своим костюмом подчеркивали приобщенность и подчинение новой системе. Как и любая другая система, она имела определенные

[2] Восточноевропейские источники XIII в. в отчетах и хрониках рассказывают о нашествии монгол, боевых действиях и в целом о политической обстановке в Европе и Византии, вопросы материальной культуры (если они не касаются вышеперечисленных тем) в них не поднимаются (Золотая Орда…, 2021. С. 336; Золотая Орда…, 2019. С. 320).

законы, правила и порядки. В Монгольской империи царило строгое соподчинение, нашедшее отражение как в костюме в целом, так и в отдельных его частях. Все люди, включенные в структуру управления, а также приезжие, послы, просители и прочие гости следовали определенным порядкам.

В этот период существовало множество запретов и установок, регулирующих не только определенные шаги или периоды жизни самих кочевников, но и ношение костюма с аксессуарами. Эти запреты касались как мужчин, так и женщин. Один из указов[3], установленный Угэдэем на курултае 1234 г., давал четкие предписания, не только какую следует носить одежду замужней женщине и когда, но и предусматривал наказание за несоблюдение этих законов. В записях Ли Чжи Чана есть упоминание о строгом запрете на прикосновение к боктаг мужчин и посторонних людей. Существовал ряд обычаев, соблюдение которых также было обязательным: к примеру, на похоронах необходимо было снимать украшающие головной убор перья (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 83).

Говоря об одежде и аксессуарах, а также о распространении «имперской» моды, нельзя не упомянуть и об «институте дарения», популярном на всей территории империи. Практически в каждой цзюани[4] «Юань-ши» имелась информация об одаривании, раздаче, подкупе не только золотом, серебром и отрезами золототканого шелка, но и предметами костюма и аксессуарами (Храпачевский, 2019. С. 40, 43, 53, 89, 96, 99, 101 и т. д.).

Одно из самых ранних упоминаний боктаг можно найти у китайских путешественников, например, в «Мен-да бэй-лу» Чжао Хуна говорится, что жены вождей носят шапку гу-гу, сплетенную из проволоки и очень высокую[5] (Полное описание …, 1975. С. 79–81). Чуть позднее Сюй Тин вкратце описал, как

---

[3] Он же описан в «Юань-ши». В «Основных записях», под 6-м годом царствования Тай-цзуна (китайское посмертное имя третьего сына и преемника Чингисхана Угэдэй-хана (Мункуев, 1965. С. 224)) сказано «...Признаются виновными все те женщины, которые носят парадную и домашнюю одежду, не соответствующую законам; а также те, которые ревнивые – их провозить верхом на неоседланных коровах по всему их обоку после чего сразу же взимать [с них] приданное для [отдачи] в новое замужество» (Золотая Орда в источниках, 2009. С. 75).

[4] Цзюань – свиток с большим содержанием информации (Храпачевский, 2019. С. 7).

[5] В своих записях Чжао Хун дает сравнение головного убора с «китайской бамбуковой женой», но несмотря на то, что это приспособление для сна имело большие размеры и плетеный каркас, мы полагаем, что значение этого словосочетания кроется в том, что некоторые головные уборы на территории Китая были изготовлены из бамбука.

изготавливались боктаг (Золотая Орда в источниках, 2009. С. 38). Анализ археологического материала преимущественно с территории современной Монголии подтверждает это описание (Эрдэнэбат, 2010. С. 71−113). Следующий автор – Ли Чжи Чан – привел размер, материал изготовления и этимологию слова гу-гу (Полное описание…, 1975. С. 80). Существует два перевода этого текста, которые немного отличаются друг от друга. Возможно, первый перевод говорит о форме головного убора, верхняя часть которого напоминает гуся или утку, но второй перевод не дает представления о форме в верхней части, а, возможно, только об украшении. Несколько проще и схематичнее перевел данный текст П.И. Кафаров (Си Ю Цзи…, 1995. С. 300), написав про бересту в два фута, покрытую фатой, и с хвостами шапок, похожих на гусей. Чаще исследователями используется более подробный перевод Н.Ц. Мункуева (Полное описание…, 1975. С. 80).

Арабские источники представлены единственным письменным свидетельством, изложенном в работе известного средневекового автора Ибн Батутты. Он сравнивал боктаг с маленькой короной (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 134). Несмотря на то, что Ибн Баттута в основном говорил только об украшениях и сопровождении хатуни, он обозначил главное – форму, о которой свидетельствуют многочисленные археологические находки на территории Золотой Орды (Мыськов, 2015. С. 484). Все найденные боктаг были Г-образной формы и отличались от головных уборов в династии Юань небольшим диаметром ствола.

Персидские источники. Единственной работой на персидском языке, содержащей информацию о боктаг, является труд государственного деятеля Джувейни (Джувейни, 2004), дважды побывавшего в Монголии в середине XIII в. В своей работе «Истории завоевателя мира» он дает описание дарения женского головного убора. В главе XXXVII «О царевне Огуль-Гаймиш и её сыновьях» описан очень интересный момент: «…она, следуя своему собственному желанию, отправилась в город Эмиль. И Соркотани-беки, по их обычаю, послала ей одежду и боктаг и письмо со словами совета и утешения. И Бату выразил ей соболезнования и оказал поддержку таким же манером…» (Джувейни, 2004.

С. 180–181). В связи с вышеописанным можно допустить, что «институт дарения» был обычным явлением среды монгольской знати.

Следует упомянуть *армянский источник* 60–70-х г. XIII в. «История народа стрелков» за авторством инока Магакия (Григор Акнерци). По мнению К. П. Паткапова, работа написана «безыскусным и простым языком» «малограмотного средневекового монаха». Но вместе с тем в ней есть пара упоминаний о боктаг, хотя и противоречивых (История монголов инока …, 2013. С. 1–8, 17–18, 28, 77; История монголов … Выпуск 1, 2013. С. 106; История монголов ... Выпуск 2, 2013. С. 148).

Боктаг встречается *в исторических источниках европейских авторов*, а именно записках путешественников – Плано Карпини, Симона де Сент-Квентин и Вильгельма Рубрука. Одним из первых европейцев, посетивших монгол, был Иоанн де Плано Карпини, написавший, что женщины носят что-то круглое из коры и прутьев, длинное, расширяющееся с четырехугольной площадкой наверху (Карпини, 1957. С. 23–86). Винсент из Бове писал, что только после замужества женщины носили на голове «корзинку», высокую, круглую и широкую вверху (Винсент из Бове, 2006. С. 84–116). Вильгельм де Рубрук описывал головной убор круглым, большим, длинным, четырехугольным вверху, внутри пустым и украшенным навершием (Путешествия…, 1957. С. 100). Тут нужно упомянуть, что Рубрук для обозначения различных частей головного убора первым ввел в употребление архитектурные термины (колонна, капитель). Анализируя описания ранних европейских авторов, нельзя не заметить совпадения у Карпини и Рубрука, что, возможно, свидетельствует об одном типе боктаг.

После Карпини, Рубрука и Сент-Квентина в империи монгол побывал Рикольдо де Монте-Кроче. Он писал, что татарские женщины носят на головах очень высокие шапки, формой напоминающие стопу (Рикольдо, 2006. С. 147–200). Одорико де Порденоне также пишет о высокой стопе в 4,5 фута, украшенной журавлиными перьями и очень крупным жемчугом (Юрченко, 2012. С. 163–165).

Если проанализировать письменные источники начала и середины XIII в., можно увидеть схожесть в описании головных уборов у разных авторов с

выделением общей для всех Y-образной формы, характерной для Монгольской империи. Но при разборе более поздних источников можно увидеть видоизменение формы в зависимости от территориального расположения улусов. Анализируя описание боктаг XIII–XIV вв., можно сделать вывод, что данный головной убор оставался преимущественно высоким, но, в зависимости от территории и времени её посещения путешественниками, изменялась форма. Так, Ибн Батутта описывал маленький головной убор, распространённый в Золотой Орде, а Одорик и Монте-Кроче напротив, – большой боктаг в виде «стопы», распространенный в династии Юань и государстве Хулагуидов. Это говорит об изменении конструкции и размера головного убора с течением времени на определенных территориях.

Изобразительные источники самые яркие и репрезентативные. Они показывают большой, высокий, круглый в основании, кверху расширяющийся в прямоугольную площадку головной убор, описанный ранними путешественниками. Одно из ближайших, подходящих по временному контексту изображений, точно соответствующее описанию Рубрука – стенопись склепа 1269 г. в Дунерсун (Горелик, 2010. С. 16–79; Watt, 2010. P. 82–83) (Приложение Б, рисунок Б.2а). В пещерном комплексе, расположенном в провинции Ганьсу КНР, имеется 735 пещер IV–XVI вв. (Дуньхуан, Юйлинь, Западные и др.) (Дмитриев, 2011. С. 108–115; Елихина, 2021. С. 296–309). Часть их долгое время исследовал профессор Дуань Венцзе и 10 пещер Дуньхуан отнёс к династии Юань (№ 1, 2, 3, 95, 149, 462–465, 477). На северной стене пещеры № 463 изображены женщины-донаторы[6] (в боктаг и красных халатах) с сопровождением (Duan Wenjie, 1991. С. 339). В пещерах Юйлинь (№ 3, 4, 6) и Могао (№ 332, реконструированной в династии Юань) найдены изображения молящихся женщин в боктаг (Сун Цзянбинь, 2017. С. 3–6). По мнению Д. Матсуи, со ссылкой на один из монгольских указов, эти настенные росписи выполнены под влиянием тибетского буддизма (Matsui, 2008. С. 159–178). В пещере № 6 находится фреска с

[6] 女供养人 – дословно «женщина кормилица», в китайских источниках об 供养人 говорится: «Последователи религии, кто из-за веры предоставляет денежные средства, предметы или труд для создания религиозных мест, прокладывания пещер, сотворения священных статуй…» (Су Донг, 2001. С. 99).

изображением женщины в так называемом «лотосовом боктаг»: украшение верхней шапочки напоминает цветок лотоса (Чжу Сяоэнь, 2013. С. 59–61).

Акцентируя внимание на определении формы боктаг в виде «ноги», нужно учитывать, что это понимание не является современным. Если рассматривать изображения боктаг на миниатюре 1300 г. «The King and his Wife» из книги Калила и Димна (Приложение Б, рисунок Б.2б) (Yuka Kadoi, 2009. 286 p.) и миниатюрах начала XIV в. «Джами-ат-Таварих» (Приложение Б, рис. Б.2в), не находится подтверждения описания Монте-Кроче. Но такую форму, приближенную к термину «мужская стопа», можно увидеть на портретах императриц династии Юань из собрания Национального дворцового музея Тайбэя[7] (Приложение Б, рисунок Б.2г) и на мандале Ямантаки (Приложение Б, рисунок Б.2д) с императрицами Будашири и Бабушу (Watt, 2010. P. 112–113). Все изображенные там боктаг имеют ассиметричную форму по причине смещения капители вперед, и с определенных ракурсов напоминают «сапог». Монгольский исследователь Д. Баярд писал о женских головных уборах на изваяниях в Восточной Монголии. На этих изображениях можно увидеть верхнюю шапочку без берестяного каркаса с очень четко просматривающимися лентами крепления, украшенными обшитыми жемчугом ромбами (Табалдиев, 1996. С. 133).

Y-образную форму можно увидеть на фарфоровой подушке Цычжоу[8] (Приложение Б, рисунок Б.3). Несмотря на то, что боктаг нарисован схематично, виден узнаваемый силуэт, что говорит о типичной форме, присущей головным уборам Монгольской империи того времени (Ду Вэнь, 2017. С. 47).

Возвращаясь к миниатюрной иранской (персидской) живописи начала XIV в., можно отметить, что боктаг выглядят однотипно на большом количестве изображений женщин вне зависимости от рангового положения, как на миниатюре «Празднование середины лунного года» из рукописи «Джами-ат-

[7] В собрании тайваньского дворцового музея имеется 15 портретов монгольских императриц, собранных во второй альбом (размер листов 61,5x48 см). У портретов сверху была срезана кромка вместе с частью головных уборов, у основания крышки капители или посередине навершия (эгрета). По мнению М.А. Неглинской, это могло произойти где-то в середине XVIII в. в процессе реставрации полотен и оформления их в альбом (Неглинская, 2012. С. 398).

[8] Место изготовления – г. Цычжоу. На подушке изображена сцена «Ван Чжаоцзюнь покидает пределы родины», согласно легенде, «это вторая по красоте девушка древнего Китая» в монгольском костюме с характерным головным убором.

таварих» или «Тронная сцена» (Приложение Б, рисунки Б.4а, б) (Юрченко, 2012. С. 381, 384). Исследуя их, нельзя не заметить сходств и различий исполнения сюжетов: зачастую грань между женой хана и присутствующими знатными дамами размыта, однако на некоторых миниатюрах встречаются изображения боктаг, представленные различными формами (Приложение Б, рисунок Б.5).

В целом, все приведенные иллюстрации показывают большое разнообразие головных уборов, но фактически они иллюстрируют определенную форму, распространенную на территории Китая, Чагатайском улусе и в государстве Халагуидов. Единственное известное изображение головного убора в Золотой Орде, носящее спорный характер, – это непонятный убор на костяном футляре[9], датированном XIII–XV вв.

В музее «Хархорум» аймака Уверхангай (Монголия) хранится редкий экземпляр каменной пластики эпохи ранних монгол. В секции, посвященной Монгольской империи, представлен балбал, найденный на террасе Хулуун (Терраса Памятников), недалеко от Каракорума. Балбал изображает женскую фигуру со сложенными спереди руками, на голове женщины находится боктаг с широким диаметром ствола и утраченной капителью (Приложение Б, рисунок Б.6).

Вещественные источники боктаг, представленные археологическими материалами, достаточно обширны. Из различных археологических находок следует выделить достаточно полно сохранившиеся головные уборы и находки составных частей боктаг (ткани, берестяные части каркаса, раковины каури, бусины, бисер, шапочки и т. д.). Следует отметить, что ряд памятников описаны подробно и тщательно, а часть из них такого описания не имеет. В отдельную группу из-за особенностей обращения с ними выделяются китайские археологические источники.

В XVIII в. Российская академия наук организовывала экспедиции в разные регионы. Д.Г. Мессершмидтом, возглавлявшим первую Санкт-Петербургскую археологическую экспедицию в Забайкалье в первой четверти XVIII в. было обнаружено и обследовано Хирхиринское городище, а в конце XVIII в.

[9] Фондовый № КМ 10120/70, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына».

П.К. Фроловым начато изучение Кондуйского дворца (Крадин, 2016. С. 17–43). П.С. Паллас исследовал территории Предуралья, Волги, Кавказа, и, помимо природных ресурсов, описал ряд археологических памятников (Маджар, Сарайчик и др.) (Матюшко, 2014. С. 8–9). Большая работа по исследованию Нижнего Поволжья проведена А.П. Клейтманом. Первые раскопки на этой территории были проведены И. Шиловским (незадолго до масштабных на тот момент исследований Царевского городища А.В. Терещенко в 1843–1851 гг.) (Глухов, 2015. С. 66–68). В свою очередь, данные раскопки А.В. Терещенко сводились к раскапыванию и извлечению предметов с последующим делением на «красивое» и «массовое», о научном подходе речи не шло (Федоров-Давыдов, 1983. С. 50). На территории Северного Кавказа в XVIII в. первые научные исследования затрагивали вопросы этноса, народностей, геологии или сельского хозяйства. Толчок для развития кавказкой археологии был дан в 1881 г. на V Археологическом съезде в Тифлисе. В конце XIX в. начали появляться местные археологические общества, на регулярной основе стали работать научные археологические экспедиции. В 20-х гг. XX в. сильное влияние имели взгляды А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицина, В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, В.А. Городцова. В 1923 г. создана Северо-Кавказская археологическая экспедиция, проработавшая около 50 лет, в крупных городах организовались разнообразные комиссии (Ермоленко, 2017. С. 59–62). А.А. Евгеньевым проделана работа по систематизации археологических исследований на территории Оренбургского Предуралья с XVIII в. и до современности, в которой он анализирует деятельность всех видных деятелей данного региона: Р.Г. Игнатьев выявил и картографировал памятники Южного Урала, Ф.Д. Нефедов открыл много средневековых памятников (Пчельник, Мертвые Соли, Мертвецкий I и II, Тимашев Колок I и II, Лиман и т. д.), И.А. Зарецкий, продолживший эту работу в 20–30 гг. XIX в., и др. (Евгеньев, 2017. С. 104–116). Анализ всех этапов археологических исследований Поволжья и Урала с XVIII в. представлен в работе Г.Т. Обыденновой[10] (Обыденнова, 2002. С. 334).

[10] В диссертации уделено много внимания этнокультурным исследованиям, отраженным в археологии с

Структуризация всего массива археологических находок выполнена по территориальному признаку с разделением материалов по трем основным регионам – Восточно-Европейскому, Центрально-Азиатскому и Сибирскому, имеющим свою специфику, обусловленную составом материалов, их сохранностью, интенсивностью проводимых исследований, подходом к изучению и накоплению археологического материала (Приложение Б, рисунок Б.1).

Восточноевропейский регион включает в себя территорию Поволжья, Южного Урала, Северного Причерноморья и Кавказа. Он характеризуется самым большим количеством археологических памятников, где были обнаружены боктаг разной степени сохранности. На этой территории найдено всего 100 головных уборов, это 55,5 % от общего числа описываемых в данном исследовании боктаг. Археологические работы в этом регионе начали проводиться с конца XIX в., и наиболее раннее исследование проведено Ф.Д. Нефедовым и К.А. Фишером. В 1884 г. исследовалась курганная группа Пчельник недалеко от г. Соль-Илецка Оренбургской области, где в четырех курганах были зафиксированы фрагменты головного убора. В 1887 г. Ф.Д. Нефедов продолжил исследования и зафиксировал в кургане 6 фрагменты боктаг (Гарустович, 2014. С. 51–54, 57). Стоит отметить археологические работы, начатые в начале XX в. в Воронежской губернии. В 1902 г. недалеко от с. Олень-Колодезь Л.М. Савеловым открыт курганный могильник, где впоследствии в кургане 9 найдены ряд находок погребального инвентаря высокого статуса, в том числе и боктаг (Ефимов, 1999. С. 102–107). В материалах XIII Археологического съезда в Екатеринославле (1905 г.) в статье Д.И. Эварницкого о раскопках в Екатеринославской губернии у села Афанасьевка упоминается погребение знатной женщины-номада[11], датированное автором по находящимся там монетам Джанебека (1341–1355 гг.) (Эварницкий, 1907. С. 116–117). По аналогам, найденным на территории Северного Причерноморья, можно предположить, что обнаруженный головной убор относился к типичным золотоордынским, т. е. имел Г-образную конструкцию.

древнейших времён (неолит) и до Средневековья.

[11] Курган 7, район с. Афанасьевка (сегодня с. Панасовка, Днепропетровская область, Украина).

Среди всех работ начала XX в. самыми значимыми можно считать раскопки 1913 г. на Увекском городище П.И. Шишкина, а в 1915 г. научную общественность взбудоражил описанный А.А. Кротковым женский костюм из мавзолея 1 (Кротков, 1915. С. 111–113) (Приложение Б, рисунок Б.7а). Найденный головной убор А.А. Кротков описывал, как «печатная буква Г», что по форме характеризует боктаг с территории Поволжья (Приложение Б, рисунок Б.7б). В целом на этот период приходится мало археологического материала по золотоордынскому костюму, так как исследование средневековых памятников находилось еще в самом начале пути.

При анализе археологического материала Восточно-Европейского региона было выделено четыре микрорегиональные зоны: Нижневолжская, Южно-Уральская, Северо-Кавказская, Северо-Причерноморская. Большое количество памятников, где были обнаружены остатки боктаг, приходится на Нижнее Поволжье – это 72 головных убора из 72 погребений (39 % от всего количества исследованных в работе боктаг) (Приложение А, таблицы А.1, А.2).

Исследования, начатые в Нижнем Поволжье в начале XX в., продолжены Ф.Д. Баллодом, С.Н. Черновым, С.А. Щегловым, П.Н. Шишкиным, А.И. Тереножкиным, П.С. Рыковым, Б.П. Граковым, П.Д. Рау и Н.К. Арзютовым. К концу первой трети XX в. в Саратовской и Волгоградской областях раскопано ещё 17 погребений с боктаг в населенных пунктах: Энгельс (бывший Покровск) (Гарустович, 1998. С. 100–101, 110–111; Малов, 2017. С. 39–40), Увек (Гарустович, 1998. С. 102–103), Усть-Курдюм (Гарустович, 1998. С. 209–211), Давыдовка (Гарустович, 1998. С.117), Лысые горы и Рудня (Археологическая энциклопедия …, 2009. С. 223), Суслы (упразднено) (Гарустович, 1998. С. 125–130), Блюменфельд (Гарустович, 1998. С. 137–139), Белокаменка (Гарустович, 1998. С. 176–177, 182), Лесное (Гарустович, 1998. С. 153–156, 198). С 30-х гг. XX в. география расширяется: на территории Калмыкии П.С. Рыковым и А.Н. Дашуком раскопаны три памятника, где найдено пять боктаг: на Станции 8 (Белая гора) (Гарустович, 1998. С. 153–156), Три Брата I и II (Шилов, 2009. С. 128–129, С. 153–155; Гарустович, 1998. С. 163), Басы I (Гарустович, 1998. С. 205).

С середины XX в. начинают активно вестись археологические работы. Наиболее значимыми памятниками Нижнего Поволжья можно назвать могильники Бахтияровский в Волгоградской области и Маячный Бугор в Астраханской области. С могильником Бахтияровским связаны имена В.А. Кригера и И.П. Лисицина, которые за 19 лет с 1967 г. раскрыли 10 погребений с боктаг Г-образной конструкции с разным диаметром ствола. В двух погребениях имелась дополнительная деталь – феска, довольно редкая находка (Кригер, 1983. С. 13–16; Кригер, 1984. С. 28–30, 31–33; Кригер, 1985. С. 13–14, 18–20; Кригер, 1986. С. 18, 42–45; Мыськов, 2015. С. 359–361). На Маячном Бугре в разное время работали С.А. Котеньков, С.И. Четвериков, П.В. Казаков[12], было раскопано восемь погребений, среди которых выделялось одно богатое, определенное по вещевому набору Д.В. Васильевым как половецкое (Васильев, 1998. С. 101–112; Недашковский, 2011. С. 106). В остальных регионах Поволжья (Калмыкии, Ростовской, Саратовской, Самарской областях) также велись активные археологические изыскания, в результате которых И.В. Синицыным, Е.В. Цуцкиным, Е.В. Шнайдштейном, В.П. Шиловым и В.В. Верещагиным, Г.И. Матвеевой, Н.И. Шишлиной было изучено 10 памятников с 17 головными уборами: Архара (Синицын, 1962–63. С. 65–66), Большой Царын (Цуцкин, 1977. Дело 8. С. 21–24, 34–38, 42), Адрг (Цуцкин, 1978. С. 9–12, 30–33), Гува (Шнайдштейн, 1979, С. 55–68), Джангар (Васюткин, 1985. С. 158–160), Малые Дербеты (Кольцов, 2018. С. 74–75, 77), Усть-Курдюм (Гарустович, 1998. С. 209–211, 213–216; Макласова, 2019. С. 221–224), Гвардейцы (Гарустович, 2014. С. 196), Комсомольский (Павленко, 2001. С. 74–76), Песчаный (Леонова, 2023. С. 175, 178), Большие Копены-2 (Захариков, 2006. С. 161–165).

Но самые активные и продуктивные раскопки в Волгоградской области проводились В.И. Мамонтовым, А.В. Ситниковым, А.С. Скрипкиным, В.И. Мажитовым, Е.П. Мыськовым, В.М. Клепиковым, Е.В. Кругловым, А.А. Глуховым и А. В. Цыбрием. За 60 лет, включая период до 2014 г., исследовано 15 погребений с боктаг: Ленинск (Недашковский, 2011. С. 232),

[12] На погребение 70 Маячного Бугра I, обнаруженное П.В. Казаковым в 1999 г., отчет не составлялся.

Бережновский (Синицын, 1960. С. 40), Молчановка[13] (Синицын, 1960. С. 129–130; Попов, 2011. С. 132–133), Глазуновский (Кравец, 2005. С. 129–130), Быково (Мажитов, 1976. С. 23–24), Аксеновский[14] (Пилипенко, 2019. С. 42–43, 47–48), Шляховской (Кравец, 2005. С. 125–126; Круглов, 1993. С. 138–151), Солодовка (Приложение Б, рисунок Б.10а) (Мамонов, 1989. С. 56–58; Глухов, 2003. С. 32–35; Мыськов, 2015. С. 354; Пилипенко, 2017. С. 41−46), Царев (Приложение Б, рисунок Б.9а) (Мыськов, 2015. С. 300, 310–313), Линево (Сергацков, 2006. С. 37–80), Маляевка (Мыськов, 2015. С. 228, 326–327), Тингутинский (Доде, 2018. С. 331).

В целом, все вышеперечисленные памятники Поволжья содержали находки боктаг, типичные для территории Золотой Орды (кроме Аксеновского, Тингутинского, Маляевского), главное отличие которых друг от друга состояло в диаметре ствола: головные уборы с широким диаметром ствола (5–9 см) на территории Поволжья встречаются реже, чем с узким (3–5 см).

На Южном Урале первые активные исследования начинают проводиться в начале XX в. (Гарустович, 2014. С. 14–105) (Приложение А, таблицы А.1, А.2; Приложение Б, рисунок Б.1, часть 1). С конца 1960-х – начала 1970-х гг. Н.А. Мажитовым и В.А. Ивановым на этой территории велись обширные археологические работы. Н.А. Мажитовым в Башкирии и Оренбуржье исследованы Башкир-Беркутовские (Приложение Б, рисунки Б.8б, в) (Мажитов, 1968. С. 12; Мажитов, 1969. С. 3) и Имангуловские II курганы (Мажитов, 1974. С. 3; Камалеев, 2021. С. 52–55; Пилипенко, 2021. С. 53–57), где было найдено четыре головных убора. Все памятники Среднего Приуралья и Южного Урала Н.А. Мажитов относил к «башкир-беркутовскому типу» (Обыденнова, 2002. С. 237, 243). В этот же период под руководством Г.А. Кумаева и Б.Ф. Железчикова проводились археологические исследования на памятнике

[13] Этот боктаг примечателен тем, что определение типа каркаса несколько затруднительно, так как в наличие имеется деталь передней части капители, не характерная для уборов Улуса Джучи (т. е. Г-образных с широким диаметром ствола), но встречающаяся на других территориях Монгольской империи в Y-образных головных уборах.

[14] В кургане 20 был найден ряд предметов, в том числе от головного убора. Если соотносить размеры навершия с площадью крышки капители, то размеры сравнимы с головным убором из коллекции Фонда Марджани (различия колеблются в пределах 1 см), так что это дает возможность предположить о Y-образной конструкции боктаг, в отличие от вышеперечисленных.

Мокринский I (Уральская область Западный Казахстан) (Попов, 2011. С. 84–86, 95) (Приложение Б, рисунок Б.11а).

Огромную работу в исследовании памятников Южного Урала проделал В.А. Иванов (Иванов, 1988. С. 92; Иванов, 2004. С. 74–83). В 1988 г. при исследовании Приуральского Линевского I и II могильников в трех погребениях им были найдены головные уборы, два из которых можно отнести к так называемому «башкир-беркутовскому типу» (Приложение Б, рисунок Б.9б) (Иванов, 1988. С. 4–5, 15–16, 19–20; Матюшко, 2012. С. 349–350).

В 2000-е гг. в Оренбуржье продолжалась работа на могильнике Мустаево V (Моргунова, 2005. С. 14; Матюшко, 2011. С. 147–149, 154) и Андреевка I (Харламов, 2024. С. 99, 120–123, 126). В целом, Южно-Уральский регион демонстрировал три знаковых памятника с совершенно новым типом каркаса боктаг – Башкир-Беркутовский, Имангуловский и Линевский.

В Северо-Кавказском регионе исследование памятников с находками боктаг начато в 80-х гг. XX в. работами Н.А. Охонько, Л.С. Илюкова и В.А. Ларенок и продолжено в 2000-х гг. И.Н. Парусимовым и И.А. Гординым. За этот период исследовано пять памятников с боктаг: Новый, Новопавловск, Семенкин, Рябичев и Дядьковский 45 (Приложение А, таблицы А.1, А.2; Приложение Б, рисунок Б.1, часть 1). Головной убор из погребения 5 могильника Новый показал типичный золотоордынский силуэт (Илюков, 2019. С. 212–214) (Приложение Б, рисунок Б.10б). В остальных случаях каркасы сложно атрибутировать: из-за плохой сохранности, как в Новопавловском (Нарожный, 2007. С. 173; Макласова, 2020. С. 26–28) и Рябичеве (Парусимов, 2009. С. 26–27, 47–48), или из-за полностью утраченной бересты, как в Дядьковском 45 (подробнее – в Главе 3.3) (Макласова, 2020. С. 159–168). Вызывает дискуссионные вопросы альтернативная атрибуция каркаса, как в случае с боктаг из Семенкина, интерпретированного В.А. Ларенок как конусовидный, бытовавший, по её мнению, на территории Юга России и низовий Дона в период Золотой Орды (Ларенок, 1992. С. 158–189).

Северное Причерноморье характеризуется малым количеством памятников с двумя боктаг плохой сохранности (Приложение А, таблицы А.1, А.2; Приложение Б, рисунок Б.1, часть 1): могильник Сторожевский, где был найден головной убор

спорной конструкции и датировки[15] (Коваленко, 2011. С. 334–336, 342–344) (Приложение Б, рисунок Б.13), и курганная группа Волошино II (Супруненко, 2011. С. 273–284).

Таким образом, в Восточно-Европейском регионе можно выделить две микрорегиональные зоны, демонстрирующие все разнообразие боктаг на территории Золотой Орды с некоторыми вариациями в силуэте, деталях каркаса и украшениях – Нижнее Поволжье и Южный Урал.

Сибирский регион включает в себя территории от Уральских гор до Хабаровского края и, если сравнивать его с Восточно-Европейской зоной по количеству памятников с боктаг, то довольно большой перевес будет у памятников, относящихся к Восточно-Европейскому региону. На территории Сибирского региона найдено всего 10 головных уборов, что составляет 5,5 % от общего числа боктаг. Такое незначительное количество находок можно объяснить плохой сохранностью материалов, слабой изученностью региона или действительно малым числом самих археологических памятников (Приложение А, таблицы А.1, А.2; Приложение Б, рисунок Б.1, часть 3).

Наиболее ранние исследования проведены в первой половине XX в. (в 1929 г.) А.Н. Глуховым. Им была открыта группа памятников Кудырге (Гаврилова, 1965. С. 44–45). В 1946 г. А.П. Дульзон изучал разновременной Басандайский курганный могильник в Томском Приобье (Дульзон, 1947. С. 113; Плетнева, 2021. С. 114), а в 1946–1949 гг. М.П. Грязнов проводил исследования памятника Ближние Елбаны VI[16] близ с. Большая Речка в Алтайском крае (Грязнов, 1951. С. 109, 112–113). В 1970–1980 гг. И.В. Асеевым, Г.В. Длужневской и Г.И. Галяминым проводились раскопки Крутской могильной группы (Пилипенко, 2017. С. 203), могильника Сагыр-Хая (Длужневская, 2007. С. 163–165) и Крохалевки (Марченко, 2015. С. 297–306; Поздняков, 2018. С. 74–82). Спорные атрибуции боктаг возникают в случае сильной деформации каркаса

[15] Конец XII – начало XIII вв., установлено с помощью радиоуглеродного анализа.

[16] В погребении 4 был обнаружен разнообразный инвентарь, фрагменты костюма и головного убора, но датировка, поставленная археологом, довольно спорна – XVI–XVII вв. по аналогичным украшениям в курганах типа Тоянова городка, а сам комплекс отнесен к телеутам, проживавшим на этой территории в составе Джунгарского ханства.

в погребении, как на памятнике Сагыр-Хая (Приложение Б, рисунок Б.14б)[17], что позволило Р.Р. Каримовой выделить боктаг с биконической капителью (Каримова, 2013. С. 11).

Самым знаковым памятником на территории Сибирского региона можно назвать Телеутский Взвоз I, изучаемый с 1956 г. За 1996–1997 гг. А.А. Казаковым было найдено четыре головных убора (Тишкин, 2009. С. 49–53, 58) с Y-образной конструкцией (Пилипенко, 2019. С. 227–228).

Головные уборы Сибири показали один тип каркаса на всей территории, однако различия были в вариациях кроя (Телеутский Взвоз I курган 9 – 13 деталей), высотах боктаг (Крохалевка 5 курган – 75 – до 21 см) и украшениях. За весь период на семи памятниках было найдено 10 уборов разной степени сохранности. Все найденные боктаг имели широкий диаметр ствола и предположительно Y-образную конструкцию капители, характерные для боктаг династии Юань и государства Халагуидов и имеющие многочисленные аналоги на памятниках Центральной Азии.

Центрально-Азиатский регион является самым большим по протяженности из всех описываемых в работе и характеризуется большим количеством археологических памятников. На этой территории найдено 72 головных убора, что составляет 39,5 % от общего числа исследуемых боктаг. При анализе и структурировании материала этого региона можно выделить две географические зоны – Уральскую и Семиречье, находящиеся в некотором отдалении от основного ареала (Приложение А, таблицы А.1, А.2; Приложение Б, рисунок Б.1, часть 2, 3).

Самые ранние раскопки средневековых погребальных комплексов Уральской зоны Центрально-Азиатского региона приходятся на 30–40-е гг. XX в. Первый памятник с боктаг исследовался Б.Н. Граковым в 1932–1933 гг. на группе «каменных площадок» Худайберген (Гарустович, 2014. С. 121–122). В 1948–1949 гг. велись работы на насыпях курганной группы Кара-Оба (Новая Казанка), в разное время памятник исследовали И.В. Синицын, А.Н. Харузин, Т.Н. Сенигова.

[17] Но по аналогии с памятниками на данной территории и по сохранившемуся фото погребения можно смело утверждать, что головной убор имеет капитель Y-образной конструкции.

Во второй половине XX в. работы продолжены М.Г. Мошковой, С.Н. Заседателевой, В.А. Ивановым, и на шести памятниках найдено восемь головных уборов: Кара-Оба[18] (Синицын, 1950. С. 1–10; Синицын, 1956. С. 152, 160; Сенигова, 1956. С. 140–156) (Приложение Б, рисунки Б.11б, в), Хабарный (Иванов, 2004. С. 76), Новый Кумак (Бытковский, 2014. С. 214–228) (Приложение Б, рисунок Б.8а), Салтак (Бисембаев, 2019. С. 66–68), Уральский (Иванов, 1982. б/н, С. 21–22), Калыбай (Хасенова, 2017. С. 72). В представленных памятниках боктаг имел Г-образную конструкцию капители, но разный силуэт. В могильнике Хабарный I и Новый Кумак III каркасы схожи с «башкир-беркутовским типом», но в виду малочисленности материала говорить об их широком распространении было бы ошибочно, однако с привлечением большего количества источников вероятность встретить все типы каркасов боктаг в этой зоне возрастает.

Несмотря на то, что первый памятник, Ждановский курганный могильник, был открыт в 1955 г. и исследован в 1960–61 гг. (Арсланова, 2013. С. 166; Пилипенко, 2021. С. 255–265; Пилипенко, 2017. С. 105–106), на территории зоны Семиречья выявлять погребения с боктаг начали довольно поздно. Основные работы приходились на 1990-е и 2000-е гг. и связаны, в основном, с именем К. Ш. Табалдиева. Из 23 погребений с головными уборами в этой зоне 11 изучены под его авторством: Секи, Бел-Саз, Чап (Орозбекова, 2016. С. 177) и Боз-Адыр (Орозбекова, 2016. С. 178–180; Таболдиев, 2014. С. 189) (Приложение Б, рисунки Б.15а, б, в, г, д). Помимо К.Ш. Табалдиева, в этом регионе работали А.Е. Касеналин, К.А. Акишев и Ю.А. Мотов, Д.А. Воякин, А.Д. Искандерова, вели археологические изыскания на памятниках Сюттуу-Булак (Табалдиев, 1996. С. 133; Орозбекова, 2016. С. 177–178), Болган Ана (Пилипенко, 2021. С. 259–263), Жетим-Кыркол (Орозбекова, 2016. С. 178), некрополе Бозок (Хасенова, 2011. С. 448; Пилипенко, 2021. С. 107–109), Сыгнак[19], Ушарал-Илибалык[20] (дали 12

[18] В отчетах И.В. Синицына от 1950 г. и Т.Н. Сениговой от 1956 г. есть некоторые спорные моменты по курганам 4 и 12. В кургане 4 И.В. Синицын упоминает только металлические предметы (серьги, зеркало, нож), а Т.Н. Сенигова говорит про большой фрагмент каркаса боктаг. Курган 12 описан И.В. Синицыным как мужской, но Т.Н. Сенигова говорит о наличии фрагмента каркаса боктаг.

[19] URL: https://24.kz/ru/news/culture/item/629028-v-kyzylorde-prezentovali-rekonstruirovannyj-obraz-sakskogo-voina-i-syganakskoj-printsessy

боктаг). Следует упомянуть о головном уборе Кырчын, найденном на «трассе Великого Шелкового пути», который отличается б*о*льшим размером от вышеописанных боктаг и оригинальным декорированием верхнего края капители (Приложение Б, рисунок Б.14а). Найденные в этих памятниках каркасы по форме стандартны, почти в каждом погребении находятся берестяные ромбики, однообразные украшения, аналоги которых можно встретить на парадных портретах императриц династии Юань.

Большая часть памятников Центрально-Азиатского региона приходится на Монгольское плато. Известный монгольский исследователь У. Эрдэнэбат проделал огромную работу по их анализу и систематизации. По его данным, на этой территории за весь период исследований было раскопано более 600 средневековых погребений и более 100 пещерных захоронений, и в некоторых из них находили женские головные уборы (Монголын …, 2016. С. 240, 264–265; Харинский, 2018. С. 108). Работы проводились с конца 50-х гг. XX в. Советско-монгольской экспедицией и Монгольской академией наук.

Одним из первых памятников с такими находками стал разновременной могильник Хаан Уул, исследованный в 1959 г. (Erdenebat, 2009. С. 219). Позднее, с конца 1960-х – 1980-х гг. был найден 21 боктаг на 16 памятниках: Долуд (Erdenebat, 2009. С. 144), Чанан (Erdenebat, 2009. С. 124, 135–141), Залаа (Erdenebat, 2009. С. 274), Чандаган[21] (Erdenebat, 2009. С. 173–174), Чар Аараг (Erdenebat, 2009. С. 211, 213–215), Зараа Толгой[22] (Erdenebat, 2009. С. 17), Каракорум (Erdenebat, 2009. С. 231), Нарийны Ам (Erdenebat, 2009, С. 238–241), Булган Уул[23] (Erdenebat, 2009. С. 9), Шар Гозгорын Чар Узююр (Erdenebat, 2009. С. 165–166), Булган Чошуу (Erdenebat, 2009. С.182), Халзан Чошуу (Erdenebat, 2009. С. 97, 187), Бурхан Толгой[24,25] (Erdenebat, 2009. С. 105–116; Горелик, 2014. С. 86, 150), Морин Толгой (Erdenebat, 2009. С. 206, 208, 210), Чадат Толгой

---

[20] URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html

[21] Предметы хранятся в архиве Института археологии Монгольской академии наук в Улан-Баторе.

[22] Предметы хранятся в архиве Института археологии Монгольской академии наук в Улан-Баторе.

[23] Предметы из погребения 1 частично хранятся в архиве Монгольской академии наук в Улан-Баторе.

[24] Предметы из погребений 3 и 5 хранятся в архиве Института археологии Монгольской академии наук в Улан-Баторе.

[25] В погребении 5 находились три бронзовые монеты, датированные правлением Шан Цзун (1068–1086 гг.) и Хуэй Цзун (1101–1126 гг.), династии Сун.

(Erdenebat, 2009. С. 276, 278), Буурал Уул[26] (Коновалов, 2017. С. 67–69, 78; Портнягин, 2017. С. 173; Erdenebat, 2009. С. 243–257). С 1990-х – 2000-х гг. в регионе расширяются горизонты сотрудничества, начинается совместная работа с французскими коллегами на памятниках Эльст Чётёль[27] (Erdenebat, 2009. С. 52) и Таван Толгой[28], считающихся могильником знати XIII–XV вв., и возможно, представителей золотого рода (Монголын …, 2016. С. 240, 240–264). Продолжаются работы российских и монгольских археологов на памятниках: Нартын (Харинский, 2018. С. 109), Сайхан Овоо (Erdenebat, 2009. С. 222), Ногоон Гозгор и Урд-Хяр (Харинский, 2011. С. 108; Портнягин, 2017. С. 172–174; Харинский, 2018. С. 97–102, 105–109; Портнягин, 2020. С. 343–346) (Приложение Б, рисунок Б.12а), Баянгол (Монголым …, 2016. С. 257) (Приложение Б, рисунок Б.16), Ясангий хар (Монголым …, 2016. С. 260), Гоожур (Мунхбаяр, 2015. С. 223–226).

В отдельную группу из-за специфики работы выделились памятники, расположенные к юго-востоку от основного центрально-азиатского скопления. По ряду причин археологический материал для личного исследования был не доступен, поэтому работа велась по публикациям и фотографиям, легшим в основу исследования материалов этого региона. Еще со времен советско-китайских отношений формирование проблематики в исследованиях шло по тому же вектору, что и в СССР. С конца 50-х гг. XX в. в Сиане, провинции Шеньси, проводились раскопки гробниц династии Юань (Исследования …, 2017. С. 1–6, 328–331; Ду Вэнь, 2015. С. 48–49). Первой работой, показавшей нам памятник с боктаг, стали частичные раскопки гробниц семьи Ван в 1972–79 гг. (Приложение Б, рисунок Б.17в). Позднее были исследованы Дурбэд (Су Донг, 2001. С. 100; Гэ Лиминь. 2004. С. 92–96; Цзя Си Цзэн, 2011. С. 84, рис. 7), М 14, (Су Донг, 2001. С. 100; Цзя Си Цзэн, 2011. С. 83–85) и Ханчжоу (Ли Минь, 2016. С. 5–6; Неглинская, 2012. С. 399). Наиболее значимым головным убором, с точки зрения

[26] Предметы из погребения 7 хранятся в архиве Института археологии Монгольской академии наук в Улан-Баторе.

[27] Предметы хранятся в архиве Института археологии Монгольской академии наук в Улан-Баторе. В 10 погребении найдены фрагменты берестяного каркаса, в университете Жюссье (Париж, Франция) был проведен анализ и установлена дата бытования – 1284–1394 гг.

[28] URL: https://ikon.mn/opinion/2ud9

научно-исследовательского потенциала, можно считать боктаг, хранящийся в Фонде Марджани, найденный при раскопках в провинции Цинхай, впоследствии выкупленный из частной коллекции А. Липера и повторно реставрированный (Горелик, 2014. С. 82–88) (Приложение Б, рисунок Б.17б). Сун Цзянбинь считает, что на сегодняшний день это самый сохраненный боктаг из всех найденных (Сун Цзянбинь, 2017. С. 4).

Считаем нужным затронуть вопрос распространенной практики частного коллекционирования за рубежом, при котором предметы из археологических памятников не привязаны к месту их выявления. Часть этих материалов опубликована и доступна в каталогах этих коллекций, как в случае с головным убором с нетипичной конструкцией каркаса, выкупленном и хранящемся в музее Внутренней Монголии г. Хух-Хото КНР, представленном в 2005 г.[29] на выставке «Золото, шелк, голубой и белый фарфор – мода в эпоху Марко Поло» в Китайском музее шелка Цзиси (г. Ханчжоу, КНР). По «легенде», этот головной убор найден в Тибете с датой бытования XIII–XIV вв. (Приложение Б, рисунок Б.17а) (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 86–87). Еще один головной убор, происходящий из частной коллекции, был представлен на выставке проф. Кюсун Чхои (Сеул, Корея) (Приложение Б, рисунок Б.17г).

Главной особенностью изучения погребений этого региона можно назвать сохранность фрагментов боктаг, изготовленных из органических материалов (берестяных каркасов, тканей). О головных уборах с представленных нами памятников можно сказать, что они все Y-образной конструкции, с симметричным и ассиметричным строением капители (с легким уклоном вперед), с широким диаметром ствола, в большей части богато украшены и типичны для региона. В целом, археология периода XIII–XIV вв. показывает нам только один вид каркасного женского головного убора (Портнягин, 2020, С. 345).

Весь использованный в работе археологический материал по берестяным каркасам боктаг объединён в настоящем исследовании в две сводные таблицы: с общей информацией по погребениям и с отдельными сведениями по головному убору в вышеперечисленных памятниках (Приложение А, таблицы А.1, А.2). В

[29] По некоторым китайским источникам, указывается 2007 г.

таблицах А.3 и А.4 представлен анализ и бытование боктаг на разных территориях (Приложение А, таблицы А.3, А.4). Превалирующие число боктаг локализовано в памятниках с территории России (108), остальные 74 головных убора приходятся на Монголию (33), Киргизию (17), Казахстан (14), Китай (7) и Украину (3). С помощью секторных диаграмм наглядно показано расположение погребенных (с преобладанием З, С, С-З и С-В ориентировки) и соотношение расположения головного убора в погребении относительно различных частей тела (подавляющее число боктаг находилось в районе головы) (Приложение А, таблицы А.6, А.7).

Таким образом, все каркасы разделяются по силуэту на Г- и Y-образные, однако выделяются спорные конструкции. Гистограмма с соотношением боктаг между типами Г- и Y-образной конструкции капители выявила территорию России с бытованием всех типов каркасов (Приложение А, таблица А.5). Для определения распространения и взаимосвязи между разными «типами» боктаг был применен корреляционный анализ в программе PAST. Линии зависимости головных уборов друг от друга (черные линии на гистограмме) указывают на тенденцию сходного распространения Y- и Г-образных с широким и узким стволами боктаг на восточно-европейской территории и северо-западной части Центрально-Азиатского региона.

1.2 Историография изучения боктаг в научной литературе

Изучение национального костюма, в том числе и исторической динамики его развития, является важным предметом как этнографии, так и археологии, а также ряда смежных наук, таких как культурология, социальная антропология. Это поможет в решении проблем типологии, классификации, историко-культурной интерпретации отдельных предметов или костюма в целом. Одежда выполняет не только практические функции защиты от внешних условий, но и осуществляет культурные функции – выступает как метонимический заместитель тела, маркер этнической и социальной идентичности, отражает в себе ключевые элементы культурной жизни народа и т. д.

История изучения материалов, полученных в ходе археологических раскопок, становится объектов всестороннего исследования, представленного в научных публикациях. При рассмотрении историографии учитывались особенности изучения данного вопроса согласно результатам археологических исследований учеными по материалам Восточной Европы, Центральной Азии и Сибири. Каждый из регионов имеет свою исследовательскую специфику, которые выделяются в работах специалистов. Они характеризуются несколькими подходами, особенностями постановки вопроса в изучении проблематики, определяемыми состоянием археологической источниковой базы, спецификой вещевого материала и кругом проблем, рассматриваемых исследователями. Важно отметить, что подходы с накоплением новых материалов и проработки проблем претерпевали со временем изменения и складывались новые методы.

Историография вопроса хронологически делится на два периода, каждый из которых отличается направленностью научного поиска и проблематикой исследований. Первый этап определен рамками с 1900-х по 1990-е гг. и характеризуется накоплением археологического материала, формированием исторической источниковой базы[30]. К концу первого периода формулируются и выделяются актуальные проблемы в изучении костюма Монгольской империи и боктаг. Второй период начинается с 1990-х гг. и продолжается по сегодняшний день. В нем идет дальнейшее накопление археологического материала и начинается осмысление и выделение специализаций и направлений, подходов к изучению и более функциональный и детальный анализ головного убора.

Первый период. 1900-е – 1990-е гг. В этот период в результате археологических раскопок впервые выделяется в материальной культуре эпохи Монгольской империи в погребениях элемент костюма, представленный головным убором – боктаг. Происходит активное накопление и систематизация археологического материала. Формулировки вопросов в исследовании костюма и

[30] Причем в различных регионах археологическая наука развивалась по-разному (спонтанно или систематически). Во все периоды её развития главную роль играло государство – организация экспедиций, комиссий, впоследствии научных и образовательных организаций (и далее по снисходящей на места). С другой стороны стоят различные общества, работающие по личной инициативе (ученые, архивные комиссии, провинциальные музеи и т. д.) (Обыденнова, 2002. С. 284–287).

боктаг поднимаются только к 1980-м гг. При анализе изучения остановимся на специфике представления материла по регионам, учитывая их специфику по степени изученности, своеобразию вещевого материала из раскопок, а также с учетом рассматриваемых проблем в каждом из них.

Первый период *в Восточной Европе* представлен заметками, публикациями материалов раскопок (Эварницкий, 1907. С. 116–117). Важной в представлении материалов полевых исследований в начале XX в. стала публикация А.А. Кротковым отчета раскопок Увекского городища в 1915 г., в котором был впервые предложен ряд художественных реконструкций золотоордынского костюма (Кротков, 1915. С. 111–113) (Приложение Б, рисунок Б.7а). Впоследствии, именно благодаря этой работе, из-за позднейших утрат, сохранилась возможность увидеть комплекс вещевого материала из его раскопок.

Целой серией публикаций характеризуется активная работа по выявлению и изданию материалов археологических исследований. Публикации в большинстве своем носили только описательный характер. Исследования в Поволжье и на Южном Урале в XX в. представлены работами И.В. Синицына, Н.А. Мажитова, С.М. Васютина, В.А. Кригера и др. (Синицын, 1960; Мажитов, 1977; Кригер, 1980; Васютин, 1985).

Во второй половине первого периода, помимо получения новых артефактов, появляются публикации, посвящённые отдельным элементам костюма: ювелирным украшениям, поясам, оружию, головным уборам, нумизматике и т. д. В частности, в работах Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 250), В.А. Кригера (Кригер, 1980. С. 301–306; Кригер, 1983. С. 171–188), В.А. Иванова (Иванов, 1988. С. 92).

Ключевой фигурой изучения золотоордынского археологического наследия является Г.А. Фёдоров-Давыдов – выдающийся советский и российский археолог, чьи работы посвящены изучению кочевых культур и золотоордынских городов Восточной Европы. В своих работах он подробно анализирует материальную культуру, искусство и архитектуру кочевых народов, их взаимодействие с оседлыми цивилизациями, также в его работах есть материалы погребений с

фрагментами боктаг (Федоров-Давыдов, 1966; Федоров-Давыдов, 1976; Федоров-Давыдов, 1983 и т. д.).

Анализ научной литературы Восточной Европы показал небольшое количество работ, но тем не менее на их основе в 1980-х гг. возникают предпосылки формулирования проблематики изучения костюма эпохи Монгольской империи. К концу периода в археологических исследованиях упор делается на анализ и интерпретацию полученных данных: используются единичные подходы, авторские темы, свои для каждого региона, но тема изучения боктаг как самостоятельной части костюма в этот период не сформировалась.

На *территории Сибири* первой работой, позволившей А.А. Гавриловой выделить часовеногорский тип памятников группы Кудырге, считается их открытие в 1929 г. (Гаврилова, 1965. С. 44–45). Следующая подобная работа будет проведена в середине 1950-х гг. с открытием памятника Телеутский Взвоз I, в будущем послужившем формированию и выделению научных проблематик по головному убору (Тишкин, 2009. С. 49–50). Все остальные работы в 1970–80 гг. носят только накопительный характер, формируя археологический фонд для будущих исследователей (Марченко, 2015. С. 297–306; Пилипенко, 2017. С. 203; Поздняков, 2018. С. 74–82).

В исследовании историографии работ специалистов из Сибири была выделена их характерная особенность – незначительный археологический источниковый потенциал. К 1990-м гг. в работах исследователей Сибири появляются публикации, затрагивающие проблематику изучения боктаг.

Масштабная работа на первом этапе исследований женского костюма периода Монгольской империи в *Центральной Азии* связана с раскопками гробниц семьи Ван в 1972–79 гг., привлекшими внимание не только краеведов провинции Ганьсу, но и ряда ученых из Китая и Японии. В общей сложности было исследовано 27 гробниц с более 750-ю предметами погребального инвентаря. Итогом работы явились публикации, диссертации, каталоги, выпущенные с 1982 по 2017 гг. (Исследования …, 2017. С. 1–6, 328–331).

В общей череде исследуемых памятников выделяются погребения с богатым инвентарем и наличием датирующего материала в виде монет, что дает толчок к дальнейшему всестороннему исследованию. Изучение одного из таких погребений – Морин Толгой, было начато в 1980–1984 гг. Д. Навааном и П.Б. Коноваловым (Коновалов, 2017. С. 67–69, 78; Портнягин, 2017. С. 173; Erdenebat, 2009. С. 243–257). В одном из женских погребений были найдены три китайские монеты, датированные правлением Тай Цзун (976–989 гг.), Чжэнь Цзун (1008–1016 гг.), Жень Цзун (1023–1031 гг.), династии Сун (Erdenebat, 2009. С. 276, 278). Следующая такая находка встретилась в погребении на памятнике Бурхан Толгой, где были найдены три бронзовые монеты, датированные правлением Шан Цзун (1068–1086 гг.) и Хуэй Цзун (1101–1126 гг.), династии Сун (Erdenebat, 2009. С. 105–116; Горелик, 2014. С. 86, 150).

Что следует отметить, так это погребения памятников Центральной Азии с наличием абсолютного датирующего материала – монет. Наиболее ранние датировки, подтвержденные монетами X–XII вв., встречаются в погребениях Бурхан Толгой, Буурал Уул и Халзан Чошуу. Для Восточной Европы материал для изучения представлен находками из Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV вв.

Второй период представлен материалами публикаций с 1990-х гг. и по сегодняшний день. В этот период ведутся активные полевые исследования, появляются новые методы и технологии для решения научных задач. В этот период продолжается накопление археологического материала, но уже обозначается тематическое направление, охватывающее в том числе и вопросы изучения и интерпретации отдельных элементов костюма.

В этот период выделяются работы Е.П. Мыськова, Г.Р. Голдановой, Г.Н. Гарустовича, в которых поднимаются вопросы семантики свадебных обрядов, систематизации и классификации предметов золотоордынского времени, вводятся в научный оборот материалы костюма из многочисленных археологически изученных погребений и проводится анализ письменных источников (Голданова, 1992; Мыськов, 1995; Гарустович, 1998). Обобщающими

работами, определяющими вектор развития исследований по вопросу костюма и головных уборов Монгольской империи и Золотой Орды в XXI в., считаем исследования У. Эрденебата, З.В. Доде, М.В. Горелика и А.Г. Юрченко.

Второй период публикации по материалам раскопок в Восточной Европе характеризуется большим количеством научных работ по монгольскому костюму, аксессуарам и другим предметам материальной культуры. Существенный вклад в изучение костюма Монгольской империи внес Е. П. Мыськов, не только обобщив материал по Золотой Орде, но и составив свой вариант «типологии» женских головных уборов (Мыськов, 1995. С. 36–43; Мыськов, 2015. С. 484 и др.). Е.П. Мыськов согласился с Г.А. Федоровым-Давыдовым в вопросе появления боктаг на восточноевропейской территории во второй половине XIII в. от пришедших монгол (Мыськов, 1995. С. 42).

Обобщающей работой выступает исследование В.В. Кравеца «Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды». Оно представляет собой значительный вклад в изучение истории и культуры кочевых народов, населявших Средний Дон в период Золотой Орды. Книга содержит детальное описание археологических памятников, включая курганы и поселения, что позволяет реконструировать образ жизни кочевников, и отличается тщательным анализом источников и широким использованием сравнительного материала. В.В. Кравец проанализировал одежду и украшения и описал четыре головных убора (Кравец, 2005. С. 37–38, 125–126).

З.В. Доде внесла значимый вклад в изучение костюма и головных уборов. Первая подробно разобрала, классифицировала головные уборы в Монгольской империи и Золотой Орде, и представила собственную типологию боктаг (Доде, 2008). Работая с материалами Восточной Европы, она привлекала широкий круг археологических материалов, показывающих особенности и разнообразие костюмов всех регионов Монгольской империи.

Работа Р.Р. Каримовой представляет собой важное исследование в области изучения материальной культуры кочевых народов Золотой Орды. Автор сосредотачивается на типологическом анализе элементов костюма и аксессуаров, таких как украшения, головные уборы, пояса и другие детали, которые играли

значительную роль в социальной и культурной жизни кочевников (Каримова, 2013. С. 7).

Существенный вклад в изучение археологического наследия внесли Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов (Гарустович, 2014. С. 14–105). Их работа стала важным этапом в изучении монгольского костюма, предоставив исследователям ценный материал для дальнейших изысканий.

В XXI в. к стандартным методам исследования подключаются экспериментально-практические, начинают применяться новейшие технологии. В 2011 г. на базе реставрационного отдела ГИМ группой специалистов был проведен анализ каркаса, тканей и сделана попытка графической реконструкции боктаг памятника Маячный Бугор II погребение 51 (Васильев, 1998. С. 101–112; Недашковский, 2011. С. 106; Мамонова, 2012. С. 122–126) (Приложение Б, рисунок Б.33а). Некоторые погребения вызывают затруднения в установке типа каркаса и соотнесении некоторых элементов друг другу, как в памятнике Тингутинский I курган 7 погребение 1, где береста была утрачена. После анализа комплекса в лаборатории ООО «Наследие» З.В. Доде было выявлено несколько тканевых головных уборов – нижняя и верхняя шапочки, фата (скорее всего, крепившаяся к нижнему краю ствола) и «навершие» (Доде, 2018. С. 132, 139–144, 331). Ряд исследователей-реставраторов проводили анализ различных элементов костюма; такие работы интересны, прежде всего, с точки зрения конструкции и технологии, помогающей понять нюансы изготовления, и позволяют в дальнейшем использовать их как аналоги на схожих памятниках с плохой сохранностью органики (Орфинская, 2013. С. 151–162; Мамонтова, 2012. С. 122–126). Важным направлением считается изучение текстиля, помогающее лучше понять и представить в целом внешний вид средневековой монгольской женщины (Доде, 2008. С. 52–63; Доде, 2014. С. 7–74; Доде, 2018. С. 331–346 и др.).

Второй период в научных публикациях *Сибири* характеризуется малочисленностью материала и научной специализацией. Основными исследователями становятся А.А. Тишкин и С.А. Пилипенко. А.А. Тишкин исследует и анализирует памятники Алтая и Западной Сибири, содержащие

костюмные комплексы (Тишкин, 2002. С. 276; Тишкин, 2009. С. 59–60; Тишкин, 2016 и др.). С.А. Пилипенко в ряде работ рассматривает боктаг непосредственно как предмет изучения (Пилипенко, 2017. С. 96–113; Пилипенко, 2020. С. 112–119; Пилипенко, 2021. С. 52–57 и др.).

В 2001 г. были проведены исследования сохранившихся материалов Басандайского курганного могильника и по аналогам из близлежащих памятников головной убор был отнесен сначала к томско-алтайской разновидности (Пилипенко, 2003. С. 156–162), потом к монголо-тяньшаньской (или юаньской), тем самым поставив его в один типологический ряд с находками Y-образной конструкции каркаса в Центральной Азии (Пилипенко, 2019. С. 227–228). Продолжаются исследования погребений памятника Телеутский Взвоз I (Тишкин, 2009. С. 49–53, 58; Тишкин, 2020. С. 107–118). Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин, М.С. Кишкурно, Г.И. Галямина, Л.В. Назарова в своей работе приводят новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Марченко, 2015. С. 297–306). А.А. Тишкиным и С.А. Пилипенко была проведена совместная работа по реконструкции женских головных уборов монгольского времени на основании археологических данных памятников в Верхнем Приобье (Тишкин, 2016. С. 20–24).

Проблематика исследований научных работ Сибири состоит в малом количестве погребений с боктаг и начавшимся в XXI в. выделением тем и подходов, анализируемых кругом специалистов.

Второй период в научной литературе *Центральной Азии* получает новый виток с развитием современной археологической науки. Создаются различные международные экспедиции, налаживаются связи, исследуются памятники, делаются открытия, но проблематика по большей части остается прежняя – это сбор и накопление археологического материала. Лишь в XXI в. можно говорить о постановке новых специализированных задач и привлечении дополнительных методов в решении выделенных проблем в вопросах сохранения археологического наследия: антропологии, реставрации, реконструкции и др.

В 90-х гг. XX в. продолжаются археологические работы в Центральной Азии, идет накопление материала по головному убору, но детального анализа конструкций и элементов боктаг в исследованиях не представлено. Есть только упоминание о наличии головного убора при изучении пещерного комплекса «Невысокие пещеры» Ду Вэнем. По его мнению, на северной стене пещеры № 463 изображены женщины-донаторы (в боктаг и в красных халатах) с сопровождением (Duan Wenjie, 1991. С. 339). Еще одна работа Ж. Орозбековой приводит примеры выполнения некоторых «реконструкций», сделанных ещё на «заре экспериментальной археологии» (прим. 1997 г.) (Орозбекова, 2016. С. 182).

Огромная работа по анализу монгольского костюма проделана М.В. Гореликом (Горелик, 2006; Горелик, 2009; Горелик, 2010; Горелик, 2014), на основе письменных и изобразительных источников (с привлечением археологии для подтверждения исследования) автором разобраны аксессуары, составлена типология женских головных уборов, подробно рассмотрено защитное и наступательное вооружение, представлены яркие художественные реконструкции. Первый подробный анализ боктаг, найденных на территории Монголии, выполнил У. Эрденебат (Эрденебат, 2006). Работы с акцентированием на определенных тематиках, погребальных памятниках или элитарных комплексах появляются в 2000-х гг. в работах А.А. Бисембаева (Бисембаев, 2019. С. 66–68) и П.Б. Коновалова (Коновалов, 2017. С. 67–69). В работах У. Эрдэнэбата, Ч. Мунхбаяра, Д. Цэвээндоржа, Д. Баяра, Я. Цэрэндагва, Ц. Очирхуяг охарактеризованы памятники с выделением научных вопросов по отдельным элементам костюма, погребальному обряду, углеродному датированию (Эрденебат, 2006; Цэвээндорж, 2008). Об исследовании и анализе боктаг говорится в работах Су Донга (Су Донг, 2001. С. 99–100) и Ф.Х. Арслановой (Арсланова, 2013). Цзя Си Цзэн подробно разобрал китайские письменные и археологические источники по головным уборам (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 80–95). С изобразительным материалом в пещерном комплексе «Невысокие пещеры» в пещерах Юйлинь (№ 3, 4, 6) и Могао (№332, реконструированной в династии Юань) работали Сун Цзянбинь (Сун Цзянбинь,

2017. С. 3–6), Ду Вэнь, анализировал изображение на фарфоровой подушке Цычжоу (Приложение Б, рисунок Б.3) (Ду Вэнь, 2017. С. 47).

Некоторые авторы рассматривают символизм монгольской культуры и сложные политические события в XIII–XIV вв. неотрывно от археологических артефактов. Работы А.Г. Юрченко посвящены истории и археологии Монгольской империи. По его мнению, всякая разница внешнего вида в различных сообществах осуществляет функцию культурного знака (Юрченко, 2003. С. 63–68). А.Г. Юрченко писал, что обмен дарами помогал закреплению связей между регионами (Юрченко, 2012. С. 37). С ним согласен Е.А. Шишка, считавший, что такой «институт», помимо прочего, был процедурой включения в монгольскую элиту других родов и правителей, тем самым укрепляя отношения, строя иерархию власти и запуская процесс интеграции в Монгольскую империю (Шишка, 2020. С. 90–91). А.Г. Юрченко анализирует женскую моду сквозь срез источников, приводит собственную интерпретацию и теоритическую реконструкцию боктаг (Юрченко, 2012. С. 141–172).

Современная археология существенно продвинулась вперед, применяются новые методы в изыскании и последующем анализе данных. Экспериментально-практическая археология и реконструкция головных уборов выходят на качественно новый уровень (Пилипенко, 2003. С. 156–162; Пилипенко, 2017. С. 41–46; Макласова, 2018. С. 130–135; Макласова, 2020. С. 159–168 и др.).

В вопросе экспериментальных подходов к изучению головного убора выделяются два погребения – Ушарал-Илибалык и Сыгнак. В 2023 г. погребение 290 памятника Ушарал-Илибалык[31] было изъято блоком и расчищено в лабораторных условиях с применением рентгенографии. Впоследствии с помощью экспериментально-практической реконструкции были восстановлены утраченные части каркаса, выполнены графические реконструкции и построена натуральная модель. На памятнике Сыгнак ситуация совсем другая. Несмотря на то, что все органические материалы были полностью утрачены, характер находок

[31] URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html

говорил о наличии в погребении богатого костюма и головного убора боктаг[32]. Задача группы исследователей (археологов, антропологов, реконструкторов) состояла в том, чтобы воссоздать внешний облик и костюм женщины по аналогии с предметами гардероба с ближайших памятников.

С 2000-х гг. начинается углубленное изучение материальной культуры Монгольской империи в зарубежной научной литературе по всему миру. Освещаются различные аспекты, начинается подробный анализ боктаг, от происхождения и семантики термина до конструкции. Много материалов поступает с выставок, из каталогов или из частных коллекций. Вопросы истории костюма разных династий появляются в публикациях довольно давно. Немало работ по костюму и головному убору династии Юань можно найти у китайских и японских исследователей. Они вводят в научный оборот предметы археологии, соотносят их с разнообразными источниками, анализируют элементы костюма, ткани, орнаменты (Yuka Kadoi, 2009. С. 286; Чжу Сяоэнь, 2013. С. 59–64; Ду Вэнь, 2015. С. 47–55 и др.).

Европейские и американские исследователи зачастую касаются больше вопросов истории Монгольской империи (Mostaert, 1950. С. 285–361; Nugteren, 2019. С. 153–170; Allsen, 2019. С. 240), нежели археологии, если издают работы, то совместно с авторами раскопок/исследователями из регионов бытования памятника (Bemmann, 2012. С. 199–217). В основном информацию по археологическому костюму можно почерпнуть из научных изданий и каталогов выставок (Watt, 2010. С. 342; Исследование …, 2017. С. 331). Вопросы трактовки изобразительного материала в пещерном комплексе «Невысокие пещеры» поднимаются в работе Д. Матсуи. По мнению Д. Матсуи, со ссылкой на один из монгольских указов, эти настенные росписи выполнены под влиянием тибетского буддизма (Matsui, 2008. С. 168). Д. Ватт анализирует китайское искусство времён Хубилая на пещерных фресках (Watt, 2010. P. 82–83).

[32] URL: https://24.kz/ru/news/culture/item/629028-v-kyzylorde-prezentovali-rekonstruirovannyj-obraz-sakskogo-voina-i-syganakskoj-printsessy

Анализируя историографию второго периода и сравнивая её по географическим зонам, мы пришли к выводу, что большинство исследований в вопросе изучения боктаг приходится на Восточную Европу. Такое соотношение в сравнении с другими регионами объясняется доступностью материалов, заинтересованностью исследователей разного профиля и их активным всесторонним изучением головного убора. В Сибири наблюдаются малая локализация погребений с боктаг и, соответственно, небольшая историографическая часть. В Центральной Азии исследование по проблемам происходит скачкообразно с большими временными промежутками. Но с привлечением большего количества источников историографическая кривая может выправиться.

Археология средневековых памятников привлекает большое количество ученых, и она представлена значительным количеством научных публикаций. Это связано в первую очередь с масштабами Монгольской империи и распространением кочевой культуры. Женский головной убор боктаг встречается и упоминается различными отечественными и зарубежными авторами, однако именно российские авторы в современный период заостряют на нём особенное внимание, так как исследования этого женского головного убора позволяют проследить как рамки распространения монгольской культуры, так и историческую динамику её изменения.

1.3 Семантическая составляющая боктаг

Ранее в публикациях автора диссертации уже рассматривался вопрос о семантическом значении некоторых элементов головных уборов (Макласова, 2019. С. 129–132). Сегодня назрела необходимость в определении смыслового значения самого названия – «боктаг» – головного убора замужней женщины XIII−XIV вв. В отечественной историографии и научной литературе часто можно встретить другое определение этого убора – бокка. В исторических источниках словарный диапазон шире, можно прочитать о таких головных уборах, как бохто,

боктог, гугуин, гу-гу, гу-гу гуань. Последние три названия идут из китайских источников и используются в зарубежной литературе, описывающей такой же убор в Китае при династии Юань. Так где правильное наименование этого убора, откуда пошло такое количество названий и что послужило первопричиной их появления?

В своих работах современные исследователи (Е.П. Мыськов, Л.С. Илюков, Ж. Орозбекова и др.), изучающие головной убор боктаг, ссылаются на статью 1992 г. Р.Г. Голдановой (Голданова, 1992. С. 71–89), в которой дано толкование значения некоторых обрядовых элементов свадебного ритуала. Например, использование монголами берцовой кости для части ритуала бракосочетания между женихом и невестой. Со ссылкой на А. Мостарта, который перевел глагол «богтолхо» как «причесывание девушки в день замужества» и «отдавать её замуж» (Mostaert, 1950. P. 285–361), утверждалось, что в XIII в. данный свадебный обряд проходил с помощью мозговой кости передней ноги. По мнению Г. Гамбоева (Гомбоев, 1958. Ч. 1, вып. 5), это богточомог, и именно от этой кости пошло название головного убора замужних монгольских женщин (Галданова, 1992. С. 71–89). Однокоренное слово «бокта» созвучно с «бокточомог», но не является его лексемой. Считаем, что сравнивать головной убор с костью только по названию не корректно, так как Р.Г. Голданова ссылается на исследователя, а не на исторический источник. Г. Гамбоев занимался переводами с монгольского в середине XIX в., его работы носят больше этнографический характер, он рассматривал средневековые ритуалы, обычаи, суеверия сквозь призму своего времени, так как по прошествии 600 лет костюм поменялся полностью, возможно, и ритуал мог видоизмениться.

Вернемся к А. Мостарту, он ни разу не упомянул слово кость в своих переводах «Сокровенного сказания» (Юань-чао би-ши), а связывал значение «бохтала» с причесыванием, свадьбой, девушкой. Переводя отрывок о истории Оэлун-фужень, слово «бохтала» (boytalaju, boytolaju), которое является глоссой для китайского выражения «chout'eout chao», он транслировал его как «причесав свои волосы», «расчесывать голову» (возможно, что это китайское выражение

употребляется в значении «причесываться и делать укладку волос»), а словосочетание «koukou kouantait chao» перевел как «причесываясь koukou kouan», то есть boytay (эти слова равны по значению). И именно этот последний смысл он принял за истинное значение глагола – причесываться, прическа (Mostaert, 1950. P. 331–334). В переводе того же самого отрывка С.А. Козиным «Оэлун-фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку…» смысл немного изменился, слово boqtalaqu стало иметь значение одевать свекровью (?) шапку (Козин, 1941. С. 89, 530). Несмотря на неточности, С.А. Козин был ближе А. Мостара к истинному значению слова «боктала», переведя его как «надевать головной убор», а не «прическа».

Немецкие исследователи Х. Нуттерен и Дж. Уилкинс в своей работе о женских головных уборах по уйгурским документам (Nugteren, 2019. P. 153–170) приводят этимологию двух слов, известных в Монголии как «боктаг» и в Китае как «гу-гу гуань». Слово «боктаг» на монгольском языке предлагается с тюркской этимологией, а именно существительное, образованное суффиксом – «к» от доминационного глагола[33] bogta – (связывать): bog + ta-k. Форма с произношением boqtaq есть в словаре Мукаддимат ал-Адаб (Поппе, 1938. С. 453–566), где говорится, что монгольское слово было скопировано в чагатайский и тюркский языки и сделало его повторным заимствованием. Следует упомянуть, что глагольные формы из «Тайной Истории Монголов» указывают на базовое существительное без велярного окончания[34], что говорит против воссозданного глагола bogta в тюркском языке. Это монгольское слово может быть заимствованным из языка, не похожего на тюркский. Чередование между формами boqta – boqtaq – необъяснимый феномен монгольской фонологии (Nugteren, 2019. P. 155).

В «Тайной Истории Монголов» гу-гу гуань, в китайских глоссах появляется как эквивалент boqta из монгольских текстов. Чтобы быть точным,

[33] Полученного из существительного.
[34] Тембровое изменение корневых гласных.

существительное boqta(q) не задокументировано как таковое в «Тайной Истории Монголов», но только трижды встречается в производном глаголе boqtala – «надеть boqta». Отрывок «uki tala boqtala ǰuqoǰi tala büse leǰü» переводится как: «надела плотно свою высокую шапку на свою голову, завязывала крепко свой пояс, чтобы укоротить свой подол» (Nugteren, 2019. С. 157). Гу-гу гуань упоминается в нескольких китайских источниках. В Мен-да бей-лу (Полное описание монголо-татар) можно прочитать: «Жены племенных вождей все носят головные уборы гу-гу» (Полное описание…, 1975. С. 80).

Выделившееся среди всех источников слово «бокка», упомянутое Рубруком в «Путешествии в Восточные страны», по мнению А. Мастарта, является гортанной окклюзией слова бокта или боктаг, то есть это неправильно услышанное европейцами монгольское название головного убора. В настоящее время зарубежные исследователи в своих работах используют оба этих термина (к примеру, монгольский археолог У. Эрденебат). Что касается головных уборов, хранящихся в музейных коллекциях Китая, то их называют «гу-гу гуань». Название «бокка» используется только при ссылке на письменный источник Гильома де Рубрука. В данной работе использовано слово «боктаг», так как отдано предпочтение тюркскому звучанию.

Кочевая империя сформировала свой dress code и принуждала всех, включенных в систему правления нового политического сообщества, менять привычный костюм на монгольский. Изучение источников XIII–XIV вв. позволило отметить, что многие аспекты ношения костюма в целом регулировались на законодательном уровне, что унифицировало одежду. Головной убор боктаг в жизни средневековой женщины играл огромную роль, совмещая в себе семантическую, социальную и половозрастную составляющие. Ряд средневековых авторов в своих трудах обозначили его важность. И если вначале XIII в. путешественники, впервые познакомившиеся с женским костюмом и боктаг, не увидели разнообразия его форм, то это, по нашему мнению, может говорить о единообразии головного убора на данный период, т. е. на всей территории Монгольской империи до разделения на отдельные государства существовал один тип головного убора. В XIV в. исследователи

и путешественники уже замечают трансформации в образе и форме, и из большой Y-образной, похожей на «стопу» или «сапог», боктаг превращается в «маленькую драгоценную корону».

Большое разнообразие показывают изобразительные источники, которые, в отличие от письменных, более информативны в изображении боктаг, несмотря на разность художественных стилистик. И самые точные – археологические, проанализировав которые различными методами de facto и по публикациям, было выявлено 182 памятника с подтвержденным наличием головного убора разной степени сохранности на территории России, Монголии, Казахстана, Киргизии, Украины и Китая. Археологические находки позволяют нам установить границы распространения того или иного вида головного убора замужней женщины на территории государств монгольской империи. К примеру, тип *B* и *C* находят исключительно на территории Золотой Орды, а тип *A* на территории Чагатайского улуса и Китая при династии Юань (о фактическом наличии каркасов боктаг на территории Халагуидского Ирана нам не известно). Но не надо забывать о единичных проникновениях того или иного типа на территории, не свойственные их обычному бытованию, что может говорить о торговых, политических или других контактах. Во многих письменных и изобразительных источниках наблюдается сходство между европейскими, китайскими и арабскими памятниками, которое находит подтверждение в археологическом материале. Принимая во внимание субъективное мнение каждого автора, можно говорить о множестве вариантов боктаг, но сравнивая информацию, становится понятно, что разговор идет о двух типах головных уборов. Авторы, дополняя друг друга, нарисовали четкую картинку образа головного убора монгольской дамы в том или ином регионе.

Проанализировав историю изучения археологического материала, мы выделили три этапа в исследовании боктаг. В начальные периоды не рассматривался широкий спектр вопросов, основным аспектом было накопление материала: наблюдение, фиксация находок, публикации носили больше отчетный характер. В последующий период растет археологическая база, переосмысляются

старые данные, возрастает публикационная активность, начинает развиваться экспериментальная археология и реконструкция образа. Сегодня перед исследователями стоит ряд проблем, связанных с изучением боктаг. Во-первых, использование только публикаций без анализа археологического материала дает искаженное представление о конструкции и сохранности головного убора. Во-вторых, мало работ, освещающих анализ и эволюцию как форм каркасов боктаг, так и головного убора в целом. В-третьих, плохо сохраняющаяся органика, как следствие, не позволяет атрибутировать некоторые элементы в каркасе или целые головные уборы. Эти моменты требуют учета в дальнейшей работе.

Семантический разбор слова «боктаг» показал большое разнообразие в терминологии данного головного убора. Прежде всего, было разобрано значение слова боктаг в работах разных исследователей, определено смысловое значение слова – головной убор – и выявлены разнообразные термины, заменяющие боктаг в некоторых публикациях. Проанализированы некоторые обрядовые элементы, от которых, как считалось, пошло это слово, и их значения, не найдено связи между созвучными и однокоренными словами (боктаг, богто чомог), но выяснено что эти слова не являются лексемами друг другу. Объяснено значение термина боктаг в китайских источниках и сделана попытка объяснить, откуда пришло слово боктаг в монгольский язык.

Обобщая выводы по главе, можно сказать, что на данный момент исследователями накоплен разнообразный материал по костюму и, в частности боктаг, который создает узнаваемый облик средневековой замужней женщины. Часть информации по костюму со временем изменяется, пересматриваются гипотезы, используются новые или усовершенствуются старые методы и классификации (Яценко, Доде, Горелик, Тишкин). Но в целом в костюме сохраняется основной «имперский» обычай и, можно сказать, о его типичности и единообразии по всей территории Монгольской империи XIII–XIV вв. По представленным материалам можно составить общее видение головных уборов женщин, внешний облик которых диктует не только мода, но и определенные правила.

ГЛАВА 2 Типология берестяных каркасов и конструктивные особенности боктаг

В Монгольской империи XIII в. проходили перемены, касающиеся всех сфер жизни кочевника, в том числе и материальной культуры – одежды и аксессуаров. В этот период происходят изменения в моде, теряют свою значимость или трансформируются некоторые виды головных уборов, появляются новые типы шапок. Головные уборы у женщин, наряду с поясом у мужчин, являлись важным атрибутом кочевой элиты Монгольской империи. Как уже писалось выше, много современников их описывало в своих работах, мы знаем большое количество миниатюр и картин с разной степенью детализации и можем сказать, что головной убор, как и костюм в целом, не оставил никого равнодушным и в меру профессионализма и воображения был описан в средневековых памятниках. Большое число из известных уборов датируется XIII–XIV вв. На территории бывшей Монгольской империи в настоящее время исследовано множество погребений с костюмными комплексами разной сохранности. Не во всех погребениях встречается головной убор. Это зависит от двух факторов: его могло не быть там изначально или он не сохранился. Иногда о наличии несохранившегося головного убора могут сказать его украшения.

Для понимания значения боктаг в костюме замужней женщины, а также условий возникновения их особенностей и различий в работе использован метод обратной ретроспективы, когда в разрыве эпох каркасный головной убор рассматривается как археологически зафиксированное прошлое и на его основе воссоздается утраченная конструкция и полноразмерная модель. В данной главе представлена систематизация боктаг с известных нам памятников с последующим составлением типологии берестяных каркасов женских головных уборов. Одной из задач работы является выявление типов и форм уборов, а также установление их сходств и различий на разных территориях империи в рамках XIII–XIV вв.

2.1 Представление конструкции и технологии изготовления

Археологические находки головных уборов боктаг встречаются в различных памятниках не только на территории России. Ранее уже говорилось, что проблема органики в её неспособности сохраняться, а так как боктаг в основе своей состоит из органического материала, то редкий головной убор, изъятый из погребения, будет иметь хорошую сохранность каркаса и тканевых элементов. Поэтому перед исследователями и музейными работниками встает вопрос хранения и реставрации предмета. В погребениях лучше всего сохраняются металлические предметы. Это всевозможные украшения головного убора. Хуже всего сохраняется из органики: ткань, жемчуг и береста. В свою очередь, в берестяных каркасах лучшая сохранность наблюдается у крупных деталей – ствола, крышки и передней части капители (Приложение Б, рисунки Б.9, Б.10, Б.11, Б.12, Б.14, Б.15, Б.16, Б.28б, Б.29а, Б.30, Б.31, Б.33а). Более мелкие детали сохраняются реже, и иногда экспериментальная археология помогает восстановить примерную конструкцию каркаса. Тканевая часть сохраняется еще хуже, чем мелкие берестяные детали, причем сохранность может быть такова, что восстановить технологию обтяжки уже невозможно и исследователи для реконструкции боктаг привлекают письменные источники и головные уборы с других памятников.

Перед описанием нашей методики выявления конструкции, технологии изготовления боктаг, способа снятия размеров и фиксации деталей каркаса обратимся к публикации, показавшей возможность её осуществления. Впервые графический способ воссоздания формы каркаса была увидена нами в работе специалистов-реставраторов А.А. Мамонтовой, О.Б. Лантратовой и О.В. Орфинской, которые в 2011 г. реконструировали боктаг из погребения 51 могильника Маячный Бугор II, расположенного в Красноярском районе Астраханской области (Мамонтова, 2012. С. 122–126). Сохранность каркаса была хорошая, несмотря на утрату задней части капители и поломку деталей на более мелкие фракции. С помощью фотофиксации, обрисовки, анализа старых технических приёмов и свежих сколов им удалось воссоздать крой

сохранившихся деталей боктаг. Предложенный ими вариант включал в себя лекала трех деталей (ствол, передняя часть капители и крышка), схематичный рисунок соединения ствола с частью капители и пояснение по прутикам, тканям и навершию. В работе данная методика взята за основу.

Основным материалом для изготовления каркаса боктаг являлась березовая береста, дополнительными – тонкие ветки кустарника и деревьев[35], за исключением некоторых регионов Китая, где прутики могли заменить на бамбук, но в археологии подтверждения этому не найдено[36]. Главный индикатор отличия бересты от других разновидностей коры – наличие своеобразного поперечного рисунка на поверхности – дыхательных чечевичек более темного цвета. По внутренней стороне бересты специалисты могут определить место сбора и период заготовки[37]. При анализе каркасов надо знать, что сухой берестяной материал не дает усадки/усыхания при длительном или неблагоприятном хранении, но имеет склонность к пересыханию, растрескиванию и ломкости. Более подробно заготовки, инструментарий и другие технические вопросы описаны в работе В.Г. Махнюка (Махнюк, 2008. С. 16–24). О первичной обработке и некоторых приемах при сшивании бересты на примере этнографических материалов ваховских хантов пишет М.Б. Шатилов (Шатилов, 2000. С. 82–85, 86–89).

Инструментарий, используемый при снятии размеров и форм: линейки, лупа, кисточки для снятия остаточного грунта и сильных загрязнений, штангенциркуль для измерения толщины небольших фрагментов бересты и расстояния между отверстиями; сантиметр портновский для измерения больших фрагментов, а также фрагментов деформированных, с разными изгибами; прозрачная плёнка для

---

[35] В погребениях изредка встречаются каркасы с частично сохранившимся усилением из прутиков. Часто на них даже сохраняется кора, но анализа на видовую принадлежность прутиков нами не проводилось.

[36] Основная причина – недоступность китайского археологического материала, так как все головные уборы данного региона были нами исследованы по публикациям. Но в некоторых источниках дается информация по материалу, которую можно трактовать по-разному. У Рубрука говорится о древесной коре или другом более легком материале (Путешествия…, 1957. С. 100), у Карпини – прутья или кора (Путешествия…, 1957. С. 27), у М.В. Горелика материалом указаны ветви, береста, бамбуковые планки, проволока, но основные ссылки даны на изобразительные источники (Горелик, 2010. С. 34–37).

[37] URL: https://www.greencross.by/sites/default/files/files-for-download/2020/beresta-12-05-2020.pdf

прорисовки сложных форм и создания лекала детали или составной части, миллиметровая бумага, фотоаппарат для фиксации.

Описанная методика А.А. Мамонтовой и др., с анализом фрагментов деталей, фиксацией их различными способами и графическим восстановлением технологии и сохранившейся части кроя, была расширена и дополнена следующими этапами:

– анализ отчетов, чертежей, рисунков, фото на предмет расположения каркаса in situ и относительно него, деталей декора и предметов, относящихся к боктаг. Такая тщательная предварительная работа поможет восстановить сохранившиеся детали, сделать прогноз по утраченным частям головного убора и более полно воссоздать картину расположения вещей в момент погребения;

– если детали фрагментированы, то предварительно идет сбор разрозненных фрагментов в целую форму, на таких фрагментах свежий слом всегда имеет очень светлый оттенок, в отличие от основного полотна бересты. Для последующего выявления размеров деталей в первую очередь мы определяем и распределяем фрагменты по их остаточной форме и направлению чечевичек в том или ином фрагменте. При сборке анализируются все отверстия, ровные срезы, кромки. Особое внимание уделяется сколам/сломам с темным краем, т. е. нанесенным в период бытования боктаг (это может быть ремонт, разрушение перед погребением);

– определение отверстий по назначению: для сшивания деталей между собой, для пришивания усиливающих прутиков и тканевых элементов, для нашивания декора. Иногда о наличии внутреннего каркаса могут говорить только отпечатки прутиков на бересте, если сохранность деталей каркаса очень плохая;

– замер деталей и собранных фрагментов ведется с учетом высот и осей сшивания. Самое главное – это определение размеров ствола боктаг, для этого замерялось расстояние по бересте между отверстиями сшивания детали, что давало длину окружности и позволяло определить диаметр по формуле $D = L / \pi$[38].

[38] Где L – это измеренная длина, а π – это константа, которая равна отношению длины окружности к диаметру, т. е. 3,14.

Если ствол состоит из большего количества деталей, то так же необходимо замерить расстояния на каждой детали, сложить их в общую длину окружности и рассчитать диаметр. Остальные детали, как правило, плоскостные и имеют симметричную форму, при сохранности одной из половин с явными контурами и отверстиями от сшивания деталей или пришивания усиливающего прутика, такой фрагмент можно отобразить зеркально, тем самым получив конечную форму детали. Далее идет их перенос на прозрачную пленку, на которой фиксируются расположения всех отверстий и отпечатков прутиков;

– анализ полученного кроя и по его геометрии определение, к какой разновидности относится каркас головного убора (разновидности см. ниже). Если в погребении сохранились не все детали, то утраченные части восстанавливаются по памятникам со схожим набором деталей и силуэтом каркаса;

– перенос полученных лекал на берестяное полотно, в том числе всех отверстий, что и на оригинальной детали. Вырезание. Крой всегда выполняется поперек волокон бересты (конструкцию каркаса см. ниже). Нам известно одно исключение на памятнике в Оренбургской области, Соль-Илецком районе – Линевский I могильник курган 5 погребение 1, где на стволе расположение чечевичек было не вертикальным, а горизонтальным;

– соединение всей конструкции вместе (технологию сборки см. ниже). При сшивании проверяется правильность кроя сохранившихся деталей, недостающих элементов и чередование технологических процессов. Стоит упомянуть, что в большинстве своем каркасы собираются по схожей технологии, если они из «типологической группы» со схожим кроем (с небольшими отклонениями по высотам, ширинам, длинам). При сшивании береста может принимать некоторые формы только при помощи поперечных надрезов или надрывов припуска, это необходимо для упрощения загиба под определенными углами или загибами и снятия напряжения материала в этих местах (Приложение А, таблицы А.9, А.10). К примеру, в обоих погребениях Башкир-Беркутовского курганного могильника Кугарчинского района Башкортостана, в верхней части капители, в местах скругления сделаны надрезы/надрывы припуска поперек среза и отгибание под нужным углом для удобного пришивания крышки. В Линевском I могильнике

кургана 5 погребения 1 надрезался припуск на задней детали капители в месте пришивания к ней крышки. В погребении 60 могильника Маячный Бугор II в месте крепления передней части капители и ствола внутренний припуск надрезался, так как он не загибался под нужным углом. Эта процедура необходима для снятия напряжения бересты в этом месте, во избежание разрыва бересты вдоль волокон, иначе она треснет по всей длине, тем самым испортив деталь.

В каждом головном уборе есть элементы, поддающиеся общим характеристикам и типологизации: детали кроя, усиление, набор украшений и др. Но, в свою очередь, набор этих элементов порой уникален, и в разных погребениях может сильно отличаться. Из-за этого каждый боктаг несет в себе индивидуальность своей хозяйки.

Все каркасные головные уборы были пока условно разделены на боктаг монгольского типа и золотоордынского, т. е. с Y-образной и Г-образной формой в своей конструкции. Основная разница между типами – в способе формирования капители. Различия в высоте головных уборов в своей категории не влияют на качество или конструкцию, а только на визуальное восприятие в целом. К Y-образным боктаг относятся головные уборы с территорий современных Китая, Монголии, Казахстана, Киргизии, части России (Приложение Б, рисунки Б.12, Б.14, Б.15, Б.16, Б.17) (Макласова, 2018. С. 120–126). Г-образная форма у боктаг с территорий современных Украины, Казахстана, России (Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал) (Приложение Б, рисунки Б.7, Б.9, Б.10, Б.11, Б.28б, Б.29а, Б.30, Б.31, Б.33а) (Макласова, 2021. С. 299–307). Для более наглядного представления каркасов составлена общая сводная таблица с основными деталями и элементами (Приложение А, таблица А.8).

Конструкция всех берестяных каркасов боктаг состоит из двух главных частей – ствола и капители[39]. Детали каркаса вырезались с учетом рисунка, это облегчало сшивание и обеспечивало прочность конструкции при последующей

[39] У многих исследователей разные представления о конструкции. К примеру, Д. Баярд считал основными деталями боктаг «вертикально стоящую конструкцию с верхушкой в форме расширяющийся к верху трубы и шапку, плотно облагающую голову, с широким назатыльником, спускающимся на плечи. И украшенную ромбическими подвесками, крепящимися около висков» (Табалдиев, 1996. С. 133).

носке. Количество элементов в головном уборе варьировалось от 2 до 13, это зависело от региона, количества материала и опыта мастера. Самые простые в конструктивном плане головные уборы с территории Южного Урала – Линевские и Башкир-Беркутовские курганы, III Новокумакский могильник. Самый многочастевой каркас у боктаг с Алтая – Телеутский Взвоз I. Вырезая лекала из бересты, мастера могли совмещать некоторые части по прямым линиям, получая одну деталь, береста при таком способе производства не экономится, но облегчается процесс сшивания. Пример такого раскроя – крышка от капители, совмещенная с боковыми планками, в боктаг, хранящихся в Фонде Марджани и у Крохалевки V. С другой стороны, стоит экономия и рациональность в использовании дефицитного материала, это происходит в регионах, где нет бересты должного качества, и её доставляют с других территорий.

Ствол – это основа, держащая остальную конструкцию на голове, его редко сшивали из двух и более фрагментов, чаще использовалось цельное берестяное полотно. В Г-образных стволах задняя деталь капители могла объединяться или быть отдельной (это одно из отличий между Г- и Y-образными боктаг). В единичных случаях ствол объединялся с капителью, пришивной деталью являлась только крышка, примером служит боктаг из Линевских курганов. Капитель Y-образного каркаса могла состоять из 3, 5 и 9 составных частей (передней, задней, боковых частей, крышки), быть симметричной или ассиметричной (с наклоном вперёд за счёт разности длин передних и тыльных деталей). Размеры крышки варьировались, в Г-образных длиной от 4,5 до 28 см и шириной от 3,3 до 8,5 см, в Y-образных длиной от 17 до 28 см и шириной от 7 до 14 см[40]. Она могла производиться как из одного куска бересты, так и собираться из нескольких. Иногда на крышках капители Г-образной конструкции использовалась дополнительная деталь – усиление «пяточки».

Передние детали капители производились из одного–трех частей, которые могли быть симметричными и асимметричными. Хочется отметить, что задние детали доходят очень редко, у боктаг с узким стволом зачастую вообще не

[40] По исследованным головным уборам.

сохраняются, из-за своего маленького размера. Боковые детали капители также имеют маленький размер и сохраняются очень редко, такие случаи единичны.

Внутри каркаса могло быть дополнительное усиление, выполненное из прутьев ивы, тростника, лозы и других гибких веток, из прямых или/и загнутых в кольцо прутиков. Внутреннее армирование прутиками особенно необходимо в головных уборах с большим диаметров ствола, это помогало сильнее укрепить каркас, в том числе по швам сшивания. В боктаг с узким диаметром ствола (3,5–4 см) усиление могло быть частичным и располагаться только на капители. К примеру, в могильнике Солодовка I курган 8 погребение 2 Ленинского района Волгоградской области усиление находилось только в передней части капители и вдоль крышки для предотвращения разрыва бересты и выворачивания из-за пришитого навершия под перьевую систему.

Отверстия в местах соединения больших деталей в основном прокалывалась попарно на расстоянии 0,3–0,7 см и с шагом от 1 см друг от друга. Но эти цифры не касаются головных уборов с нетипичным качеством сборки. Отличие идет в худшую сторону. Подобный головной убор встретился в Саратовской области на памятнике Усть-Курдюм в кургане 7. Это может говорить о неумелости мастера, скрывавшего огрехи под слоями обтяжки, или об изготовлении специально для погребения, то есть можно говорить о вотивном характере головного убора.

Важным моментом после раскроя было сшивание отдельных деталей в единую конструкцию (Приложение А, таблица А.9). Здесь надо упомянуть, что из-за небольших конструктивных отличий Y- и Г-образных каркасов подходы к их производству тоже отличались. Нитки использовались шелковые или сухожильные. Этапность сборки боктаг сложной, многочастевой Y-образной конструкции представляется следующим образом:

1. Берестяное полотно ствола сшивается в цилиндрическую форму. Если в конструкции предполагается дополнительное усиление прутиками, то они вшиваются после.

2. Если передние или задние детали капители состоят из нескольких составных частей, то сначала они сшиваются вместе, а затем готовые детали

пришиваются к стволу на соответствующих местах. Если в конструкции предполагается дополнительное усиление, то прутики вшиваются одновременно или после.

3. Следующий шаг – пришивание боковых планок, соединяющих переднюю и заднюю части капители.

4. Крышка пришивается в самом конце и ведется подрезка припуска, сильно выступающего за прилегающие детали капители (если требуется).

5. Если в конструкции предполагается феска, то она пришивается после крышки. Эта деталь помогала более плотно прилегать боктаг к голове за счет большей площади соприкосновения.

В некоторых Y-образных конструкциях встречается дополнительная берестяная деталь в виде полоски, для сглаживания угла перехода в шве между стволом и капителью, для последующей тканевой обтяжки.

Боктаг Г-образной формы с широким диаметром ствола имеет небольшие отличия в технологическом аспекте от Y-образной конструкции, это отличие заключается в количестве деталей передней части капители, но процесс сборки каркаса схож с вышеописанным. Боктаг Г-образной формы с узким диаметром ствола имеет отличия в конструкции и более простую сборку (Приложение А, таблица А.10):

1. Берестяное полотно ствола сшивается по переднему шву в цилиндрическую форму. Дополнительное усиление не требуется, так как диаметр ствола маленький и форма держится за счет перехлеста припуска. Небольшая величина диаметра мешает прокалывать и сшивать ровно по припуску шва соединения, чтобы соединить два края приходится прокалывать ствол насквозь.

2. Если передняя деталь капители состоит из нескольких частей, то сначала они сшиваются вместе, а затем готовая деталь вшивается в ствол.

3. Если в конструкции имеются боковые планки, то они пришиваются к передней части капители и к задней (в некоторых случаях к стволу).

4. Если требуется усиление «пяточки», то сначала пришивают деталь «пяточки» к задней части крышки.

5. Крышка пришивается в самом конце и ведется подрезка припуска, сильно выступающего за прилегающие детали капители (если требуется).

Некоторые головные уборы Г-образной формы выделяются иной конструкцией каркаса и методом сшивания капители со стволом, под углом не 90°, а 130°. За счет этого меняется силуэт, упрощаются конструкция до двух деталей и технология сборки:

1. В таких каркасах капитель может целиком или частично объединяться со стволом. Если объединение выполнено целиком, то нет задней и передней частей капители, геометрия кроя в нижней части прямоугольная, а к верху с одной стороны имеется небольшое расширение – все, что осталось от передней части капители. Верхний край, под крышечку, имеет плавно-фигурный срез, в передней части сильно завышенный. Вертикальный шов может быть как спереди, так и сзади.

2. Если объединение частичное, то от капители остаётся только передняя часть, которая может идти как одна деталь или состоять из нескольких. Задняя часть идет как прямое продолжение ствола. Спереди ствол имеет фигурно-подпрямоугольный крой под вшиваемую капитель. Часто шов сшивания на стволе расположен спереди.

3. При такой конструкции нет усиления прутиками. За счет узкого диаметра сшивание идет насквозь, т. е. игла протыкает основной шов и противоположную «стенку» каркаса, образуя ряд симметричных стежков с двух противоположных сторон.

4. Крышка пришивается последней[41] и, если требуется, подрезается наружный припуск.

[41] В случае если было полное объединение ствола и капители, крышка – это единственный пришивной элемент.

Коснемся некоторых особенностей изготовления и последующей эксплуатации – ремонта, экономии бересты и использования дополнительных деталей (например, фески). Экономия и рациональность в использовании материала прослеживается не только в изготовлении дорогих шелковых халатов, но и берестяных каркасов головных уборов. Как писалось раньше, это вероятно происходит от того, что основной материал – бересту, приходилось везти издалека. Не стоит забывать, что основные детали могли быть составными, это позволяло бережно и расчетливо использовать имеющийся материал, но усложняло производство. В процессе изготовления каркаса, в случае расхождения чечевички, ремонт производился методом сшивания, как пример можно привести могильник Маячный Бугор I погребение 104, как простой вариант ремонта, и Ушарал-Илибалык погребение 290, как сложный вариант – с подкроенной деталью под отломавшийся фрагмент ствола (Приложение А, таблица А.9ж, з). В данном случае этот ремонт позволил сохранить и использовать материал более рационально.

Такая дополнительная деталь, как «феска», помогала фиксировать и удерживать боктаг на голове, она пришивалась к нижней части ствола головного убора (Маляевка VI сооружение 2 погребение 2 Ленинского района Волгоградской области). Сохранившиеся фрагменты представляют собой остатки своеобразной фески, с центральным круглым вырезом, в который вставлялся ствол. Феска была из двух симметричных половин и имела полусферическую форму (Мыськов, 2015, С. 327). У каркаса этого головного убора диаметр ствола около 4 см, феска состояла из двух составных частей, изготовленных из двойного слоя бересты, на которых прослеживаются многочисленные отверстия в местах сшивания их между собой и стволом. Аналоги можно встретить в следующих памятниках Волгоградской области: Бахтияровка II курган 70, Бахтияровка III курган 91, Маляевка сооружение 4 погребение 1, Маляевка VI сооружение 2 погребение 2. Некоторые технологические приемы наглядно показаны в таблице Приложения А (Приложение А, таблица А.9). В боктаг Г-образной формы с задранным «носиком» капители под 130° (Башкир-Беркутовский курган 2,

курган 3, Новый Кумак I курган 7, Хабарный I курган 7, Линевский I курган 15, Линевский II курган 1) феска могла не использоваться. Так как эта конструкция очень лёгкая из-за малого количества материалов в его изготовлении, она имеет обтекаемый силуэт и минимальный набор украшений. Полагаем, что для плотной фиксации достаточно парных лент и верхней мягкой шапочки с высоким подъемом под ствол каркаса (более подробно см. в Главе 3).

Следующий этап после сшивания берестяного каркаса – это двойная обтяжка головного убора тканью, в основном шелковыми тканями полотняного переплетения и узорчатыми, парчовыми, с вытканным или набитым золотым рисунком. Но попадаются головные уборы, обтянутые шерстяной тканью (к примеру, в памятнике Хабарный I Гайского района Оренбургской области). Первоначальная обтяжка производилась узорчатой тканью, вторая ткань – тонкая газовая, через которую виден рисунок первой обтяжки. Технология обтягивания каркаса у боктаг Y-образной и Г-образной конструкции отличается (с некоторыми допущениями).

Первая обтяжка делалась очень плотно, без складок и заломов, чтобы поверхность оставалась максимально ровной. Для такой обтяжки необходимо выкраивать ткань по лекалам берестяной конструкции с припуском на подгиб по срезам бересты и прошивать по открытым срезам бересты насквозь. Обтягивание Y-образных головных уборов тонким газовым шелком могло производиться двумя способами (Приложение А, таблица А.11).

Первый вариант – обтяжка производилась одним отрезом шелкового полотна прямоугольной формы. Длина полотна равна длине головного убора, измеренного от точки нижнего края ствола на тыльной стороне боктаг, через центр, по всей поверхности, до точки в центре на нижнем крае ствола спереди, с припуском на подгиб. Ширина полотна равна окружности обтягиваемого ствола плюс припуски на швы. Обтяжка начиналась с тыльной стороны каркаса, одна из коротких сторон полотна соединялась с низом ствола (оставлялся припуск на подгибку низа), полотном оборачивался ствол и боковые края сшивались, формируя шов, проходящий по центру передней части ствола. Далее обтягивалась капитель,

начиная с тыльной части, перемещая полотно ткани по крышке и передней части капители, закладывая боковые свисающие «уши», создавая узнаваемый стиль, видный миниатюрах начала XIV в. Джами-ат-Таварих (Юрченко, 2012. С. 381, 384) и на портретах императриц Китая при династии Юань из собрания Национального дворцового музея Тайбея (Ван Яо-тин, 2005. С. 298–411). Оставшимся полотном обтягивался ствол спереди, формировался шов теперь уже на тыльной стороне каркаса, последним подшивался припуск низа с подгибом остатков ткани вовнутрь. При таком способе полотно верхней обтяжки сильно перекрывало рисунок нижней ткани на стволе боктаг из-за двойного наложения ткани.

Второй вариант – обтяжка производилась двумя отрезами ткани, сначала обтягивалась капитель, затем ствол. Сначала капитель обтягивалась сзади (фиксировался край полотна по низу капители спереди, в одной точке), и как в предыдущем варианте, полотном ткани оборачивали крышку и переднюю часть капители, закладывали боковые свисающие «уши» и фиксировали полотно по низу капители сзади. Далее обтягивался ствол, спереди одним отрезом полотна оборачивался ствол, пришивался к низу капители (прятал припуск на шов вовнутрь) и формировался задний шов. Последним подшивался низ. Такой способ обтяжки минимально скрывал узор нижней ткани.

Эти способы обтяжки подходят и для некоторых золотоордынских боктаг с широким диаметром ствола и крышкой капители, к примеру, с памятников: Маячный Бугор погребение 70, Маячный Бугор II погребение 51, Молчановка III. Для Г-образных каркасов с маленьким диаметром ствола и первая, и вторая обтяжка производились с помощью выкроек по форме деталей каркаса, сшивающихся плотно, без заломов и складок[42]. Характерных, свисающих по бокам капители «ушей», как в Y-образных головных уборах, и видных на юаньских портретах, не наблюдается.

[42] Если в каркасах имеется выступ крышечки за заднюю часть капители (к примеру, как в Солодовке I курган 8 погребение 2 или в Усть-Курдюме курган 7), то, по нашему предположению, первая/вторая обтяжка в этой части огибает выступ, формируя прямой спуск от заднего края крышки до линии соединения ствола с капителью.

В последнюю очередь к каркасу подшивались фата и парные ленты, с помощью которых на голове могла держаться вся конструкция. Фата представляла собой кусок прямоугольного полотна газовой ткани, подшитой с задней стороны каркаса и ниспадающей на шею, плечи и часть спины. Во время пришивания фаты к стволу закладывались бантовые складки. Для боктаг высокого и с широким диаметром ствола необходимо две пары лент, причем задние соединены между собой небольшим отрезком ленты таким образом, чтобы прилегать к затылку, когда ленты плотно завязываются под подбородком. Передняя пара также фиксируется. Это необходимо для большей устойчивости конструкции боктаг на голове (если нет фески), так как она громоздкая и тяжелая, и при неправильной фиксации будет качаться и мешать своей хозяйке. В случае небольшого размера боктаг и малого диаметра ствола рациональнее всего пришивать к нижнему краю ствола феску, а уже потом парные ленты. Но фески находят редко в таких погребениях, и встаёт вопрос: либо они изготавливались из других плотных материалов (кожа, войлок) и не сохранялись, либо для удобства ношения был придуман какой-то иной способ фиксации. Доказательств наличия фаты у боктаг с узким диаметром ствола пока не обнаружено.

Интересный взгляд на конструкцию, высоту каркаса и методы крепления на голове Y-образных уборов (распространенных на территории Китая) можно увидеть в работе некоторых китайских авторов. Цзя Си Дзэн представляет записи различных хронистов с упоминанием высоты головного убора: китайские авторы – «1 чи[43] – можно петь и танцевать», «5 чи – ветер трепещет и убор похож на крылья птицы»; европейские авторы были более конкретны – Плно Карпини – 45 дюймов, Рубрук – до 22 дюймов. Археология показывает более низкую высоту, один из каркасов с территории Внутренней Монголии высотой 34 см, и высота остальных головных уборов колеблется в пределах 30–40 см. По мнению Цзя Си Дзэна, причин таких колебаний несколько: для номадов в костюме главное – удобство и требования к высоте убора были несущественные, но в целом высота

[43] 1 чи в Китае при династии Юань равнялся 34 см.

показывала статус; в начале династии Юань боктаг изготавливали по «старым требованиям», позднее стало уделяться больше внимания украшению и форме, рос уровень качества и технологии изготовления, а вот высота наоборот уменьшалась; и последний фактор – это различные точки зрения на высоту боктаг у разных очевидцев (Цзя Си Дзэн, 2011. С. 80–95). Согласно этой информации, им были построены схема и таблица, показывающая различия, но с некоторыми выводами по этому вопросу мнения разнятся (подробнее см. в Главе 3).

Следующий вывод китайского исследователя касается трех способов одевания и ношения боктаг. Первый способ касается боктаг с измененной конструкцией, т. е. к низу гиперболической конструкции пришита полусферическая жесткая шапочка (нетипичный убор, описанный в Главе 1) (Приложение Б, рисунок Б.17а). Внутри конструкции специально предусмотрена поддерживающая подкладка с отверстием для волос и ленты. По нашему мнению, одна пара лент фиксировала убор на голове, другая носила декоративную функцию. Второй способ предполагает ношение убора со стандартными нижними и верхними шапочками (через нижнюю шапочку собранные волосы прятались в стволе каркаса), все крепилось с помощью лент на шее, далее все закрывалось верхней шапочкой (Приложение Б, рисунки Б.17б, г). Третий способ – это ношение боктаг с дополнительными тканевыми шапками, защищающими и прикрывающими от непогоды (Приложение Б, рисунок Б.5, первый ряд). Ряд китайских исследователей считают, что конструкция каркаса боктаг состоит из трех частей: верхняя – это украшение «линцзы»[44] (навершие, перья и др.); средняя – берестяной/бамбуковый[45] каркас (капитель и ствол, внутри имеется усиление из прутиков), обтянутый двумя видами тканей; нижняя – та часть, которая крепится на голове, тканевые шапочки (как пример приведена верхняя шапочка из коллекции Музея этнического костюма г. Пекин, КНР). Впервые

[44] 翎子 «lingzi» – может переводиться как «плюмаж».

[45] Цзя Си Дзэн говорит о частичной смене материала с бересты на бамбук, которая произошла с приходом монголов на Центральные равнины Китая, и преимуществами бамбука названы его гибкость и прочность, облегчающая процесс изготовления (Цзя Си Дзэн, 2011. С. 84–85).

появилась такая точка зрения у Су Донга в публикации 2001 г., до сих пор она используется, в том числе молодыми специалистами (к примеру, у Сун Цзянбинь) (Су Донг, 2001. С. 99; Сун Цзянбинь, 2012. С. 1–2).

Более объективное представление конструкции Y-образных боктаг можно встретить у М.В. Горелика (на примере головного убора, найденного в провинции Цинхай КНР и хранящегося в Фонде Марджани), хотя он считал некоторые дополнительные тканевые элементы частью каркаса. Помимо этого, он утверждал, что размер и конструкция головного убора зависят только от этнических и социальных различий, а территориальное разделение никак не влияет, т. е. во всех регионах империи встречаются все виды каркасов (Горелик, 2014. С. 85–88). Полагаем последнее утверждение не до конца верным, большая протяженность в пространстве повлияла на не только на размер и конструкцию, но и на остальные элементы головного убора (украшения, шапочки и пр.).

Ткани, использующиеся монголами для изготовления одежды и аксессуаров, преимущественно шелковые, изготовленные в мастерских Китая, Азии, Ирана[46]. Ассортимент разнообразен большим количеством видов и техник (от простого полотняного переплетения до золототканого nashiqiu), использованием стилей, орнаментов и декора (от простой геометрии до разнообразных сюжетов и композиций) с глубокой символической и семантической нагрузкой (Доде, 2007. С. 350–408; Доде, 2007. С. 39–44; Горелик, 2014. С. 83–84, 88). Подробный анализ происхождения, технологических аспектов, влияния различных культур на орнаментацию китайских парчовых шелков (с приведением разнообразных примеров) имеется в работе Мао Хуэйвей (Mao Huiwei, 2020. С. 13–18). У Цзя Си Дзэна ткани для обтяжки описаны кратко (со ссылкой на Ли Чжи Чана), выбор мастера зависел от статуса и финансовой обеспеченности женщины, т. е. богатые/знатные использовали шелковую, преимущественно красную[47] ткань (существовало пять цветов со строгими ограничениями использования), более

[46] Помимо этого, шелк использовали в интерьере, из него делали свитки, знамена, ткали мандалы и мн. др. (Доде, 2007. С.39–40).

[47] Красный цвет соотносился с огнём и культом огня – «все очищается через огонь».

простые/бедные женщины – темно-коричневую шерсть. Также исследователь говорит о выборе монголами ярких цветов, «чтобы убрать безмолвие красок и разнообразить бытовую жизнь» (Цзя Си Дзэн, 2011. С. 84–86). Для более детального изучения узорчатых тканей можно использовать методическое пособие О.В. Орфинской с анализом археологических тканей в музейных собраниях (Орфинская, 2019. С. 122).

Система украшения и декорирования головных уборов разнообразна. Нашивки, амулеты, жемчужные композиции в основном пришивались к ткани, но тяжелые элементы крепились непосредственно к бересте (Приложение А, таблица А.9б). Часто для того чтобы спрятать шов, на его месте вышивали узоры жемчугом и стеклянным бисером, к примеру на боктаг из Фонда Марджани (Приложение Б, рисунок Б.20а, б). Элементом, для пришивания которого надо пробивать насквозь готовую конструкцию, является навершие под перьевую систему, крепящееся на крышку капители в последнюю очередь (Приложение А, таблица А.9а).

Небольшие отличия в конструкции при изготовлении каркаса не влияли на качество и внешний вид готового изделия, только показывали разность подходов мастеров к изготовлению боктаг. Монгольские женщины многие вещи шили сами (сапоги, халаты) и, можно предположить, что некоторые головные уборы изготавливались «на дому». В противовес этому имеются документы, подтверждающие существование специализированных мастерских, где изготавливались под заказ костюмные комплексы. Археология нам показывает много примеров как идеально собранных каркасов, так и грубо выполненных, практически «тремя стежками» сшитых стволов и капителей. Такое неуверенное шитьё может говорить только о непрофессионале со своим видением технологии изготовления боктаг, либо об его изготовлении для похоронного ритуала.

2.2 Классификация и систематизация берестяных каркасов

Для составления типологической таблицы рассмотрим берестяные каркасы боктаг с широкого круга памятников. К сожалению, не в каждом захоронении находят такой головной убор, часто органические части полностью истлевают и сохраняются только ювелирные украшения. Задача исследователей попытаться восстановить комплекс по имеющимся артефактам до того, как он полностью будет разрушен временем. В данной части исследования целью является анализ деталей конструкции каркасов боктаг, поиск особенностей, выявление разности подходов к производству и составление типологии берестяных каркасов.

Всестороннее исследование археологических находок предполагает надёжно выработанную классификацию и терминологию изделий. Однако в описании данных головных уборов до сих пор нет общепринятой системы, что порождает большую разноголосицу в терминологии и создаёт определённые трудности при сопоставлении материалов различных памятников. Потребность в выработке четких классификаций становится актуальной в связи с увеличивающимися обращениями к данной проблематике (Горелик, Доде, Мыськов, Пилипенко, Каримова и т. д.). Несмотря на, казалось бы, остро стоящую проблему дифференциации женских головных уборов по типам, на данный момент такая типология отсутствует. Для выработки единой типологии берестяных каркасов боктаг мы имеем достаточное количество археологического материала с различных регионов России и ближнего зарубежья. Безусловно, дальнейшее изучение и расширение (при необходимости) типологии головных уборов возможно при привлечении источников с других территорий. В связи с геополитическими событиями последнего времени памятники с территории Украины для контактного исследования нам недоступны, поэтому работа с материалом этих памятников велась по существующим публикациям, хотя сделать однозначные выводы по конструкции с помощью такого анализа нельзя. Тоже касается материалов с памятников, расположенных на территориях

современных Китая, Монголии, Киргизии и Казахстана, работа проводилась по имеющимся публикациям.

Как писалось ранее, головной убор знатных монголок привлекал внимание практически всех исследователей. Он был до того необычен, что его сравнивали со шлемом (Карпини, 1957. С. 23–86), с короной (Золотая Орда…, 2003. С. 448), с гусем или уткой (Полное описание …, 1975. С. 286) и т. д. В письменных источниках, помимо вида и формы головного убора (упомянутых нами ранее), описываются материалы производства, внутренний каркас. Изобразительные источники, напротив, показывают единообразие боктаг, это видно на портретах императриц из собрания Национального дворцового музея в г. Тайбей, на мандале Ямантаки, со стенописей склепов пещер Дуньхуан и Юйлиньи на Тебризских миниатюрах из «альбома Дица» (Горелик, 2010. С. 16–79).

Перед построением типологии берестяных каркасов боктаг обратимся к теоретической базе, в центре которой лежит концепция историко-культурной реконструкции, использующей весь корпус источников (Яценко, 2002. С. 21–22, 26). Основным методом исследования археологического материала является сравнительно-типологический, «типом» считается совокупность предметов сходных по материалу, назначению, форме, т. е. имеющих в себе устойчивое сочетание ярких признаков, но с небольшими различиями в деталях (Археология, 2006. С. 13–14). И основоположником данного метода считается Оскар Монтелиус. Основа его метода – постепенное изменение, градация, эволюция в разные стороны (от простого к сложному и наоборот). Строя типологические ряды по части схожих признаков, он учитывал критерий неслучайности, т. е. проводил параллели сочетаемости подобных артефактов в подобных, замкнутых, одновременных комплексах и определял направление развития с помощью типологических рудиментов. С помощью этих методов можно получить информацию о хронологии и преемственности форм (Клейн, 2011. С. 446–451) и на основе этого строить уже собственно типологию. Л.С. Клейн подробно разобрал теорию О. Монтелиуса и сравнил с работами других теоретиков о поиске связей между типами (Клейн, 1991. С. 37–42). В.А. Городцов

усовершенствовал этот метод. Он сузил термин «тип» и начал собирать в отделы и группы. «Тип – это совокупность предметов, схожих по материалу, форме и назначению», тем самым были выделены четкие критерии и границы (типы, отделы, группы, категории) с некоторой вариативностью при необходимости. Несмотря на некоторые недочеты теории, такие как жесткие рамки, применение не ко всему материалу, а только к «чистым типам», его схемой пользуются и сегодня (Клейн, 1991. С. 42–45). В работе за основу взята концепция историко-культурной реконструкции С.А. Яценко (Яценко, 2002. С. 21–22), дополнена типологией О. Монтелиуса и В.А. Городцова, на базе этого удалось разобрать, проанализировать и классифицировать боктаг.

Ранее все каркасы были разделены на Y- и Г-образную формы капители, это разделение легло в основу типологии. Всего мы рассмотрели 182 головных убора. Соотношение в выборке между Y- и Г-образными формами примерно одинаковое, 70 боктаг определили к Y-образным, 72 – к Г-образным формам. Оставшиеся 40 каркасов не типологизировались: 39 из-за очень плохой сохранности бересты и других факторов; один из-за нестандартной конфигурации силуэта и кроя. Эти головные уборы были отнесены к спорным (Приложение А, таблица А.3). В «спорных» боктаг выделялся такой фактор, что все памятники с территории России, это объясняется широкой доступностью отечественной информации, нежели зарубежной. Возможно, с привлечением большего количества иностранных источников картина изменится. Ещё один количественный перекос наблюдался в территориальной гистограмме, 60 % головных уборов приходится на территорию России (108), тогда как на остальные страны – 40 % (74) (Приложение А, таблицы А.4, А.5).

Археологические находки головных уборов с Y-образной формой капители и хорошей сохранностью конструкции были выбраны из памятников с территорий Китая, России, Монголии и Киргизии. Это шесть каркасов (часть которых послужила аналогами для подтверждения конструкции): хранящиеся в Фонде Марджани, Дурбэд, Телеутский Взвоз I погребение 9, Боз-Адыр курган 11, Буурал Уул погребение 2 и Ногоон Гозгор I погребение 5, представляющих

симметричную/ассиметричную капители и некоторые вариации кроя деталей каркасов.

Археологические находки золотоордынских боктаг Г-образной формы имели разную сохранность, в основном в погребении сохранялись стволы. Как писалось ранее, у данных головных уборов разные диаметров стволов, соответственно можно выделить два типа – с узким и широким стволом. Форма данных боктаг однотипна, единственное отличие некоторых каркасов головных уборов – это формирование на стволе задней части капители. Для работы было выбрано 19 боктаг с удовлетворительной и хорошей сохранностью каркаса (часть из которых послужила аналогами для подтверждения конструкции).

Головные уборы с широким диаметром ствола выбраны из памятников Поволжья: Царёв 61 погребение 1, Маячный Бугор I погребение 70, Маячный Бугор II погребение 51 и 60, Линевский I курган 5 погребение 1 и Песчаный-I курган 8 погребение 2. Головные уборы с узким диаметром ствола выбраны из памятников Поволжья и Южного Урала: Увек мавзолей погребение 1, Солодовка I курган 8 погребение 2, Солодовка II курган 7 погребение 1, Усть-Курдюм курган 7, Маляевка VI сооружение 2 погребение 2, Маячный Бугор I погребение 188 и 224, Башкир-Беркутовский курган 2 и курган 3, Новый Кумак III курган 7 погребение 1, Хабарный I курган 7, Кара-Оба курган 1 и курган 4.

В отдельную категорию вынесен боктаг с нетипичной конструкцией берестяного каркаса (Приложение Б, рисунок Б.17а), хранящийся в Музее Внутренней Монголии КНР. Учитывая хорошую сохранность, нетипичность конструкции и отсутствие некоторых деталей капители, можно предположить, что данный убор имел датировку более позднего времени и/или был единичен.

Прежде чем перейти к составлению типологии, рассмотрим варианты классификаций, предлагаемых разными исследователями. В одной из работ Е.П. Мыськова затрагивалась тема золотоордынских головных уборов и его видение их систематизации. Он считал, что в женских погребениях Нижнего Поволжья и Подонья встречаются головные уборы двух типов – шапки-колпаки и «бокки», причем последние представляют собой усложненный вариант шапки-

колпака (Мыськов, 1995. С. 36–43), а позднее называл шапки-колпаки головным убором «бокка», выполненным из узорного золототканого шелка (примером выступила прорисовка шапки из могильника Царев курган 61 Ленинского района Волгоградской области) (Круглов, 2001. С. 8–9). То есть вся типология боктаг «по Мыськову» сводится к тому, что в Золотой Орде существовало два вида женских головных уборов – в виде остроносого сапожка и мягкой матерчатой шапки-колпака. Считаем данную типологию по золотоордынским боктаг спорной, и мягким шапочкам-колпакам в ней нет места.

Более детальный разбор головного убора с привидением своего варианта «типологии» можно найти в работах З.В. Доде. Она поделила боктаг на головные уборы династии Юань (с разной конструкцией капители), схожие с ними из царства Ильханов и золотоордынские (в сочетании со всеми элементами). Золотоордынские боктаг в свою очередь делились на «сапожковые» – монгольские головные уборы (по многочисленным находкам в Поволжье) и конические – продолжатели тюркских традиций (по некоторым памятникам Калмыкии, Северного Кавказа и Южного Урала) (Доде, 2007. С. 336– 346; Доде, 2008. С. 52–63). В сравнении наших данных с приведенной типологией имеются отличия, так как археологического материала на «ильханские» головные уборы нам неизвестно, а строить типологию только по иранским миниатюрам не совсем верно. Существование конических головных уборов в Золотой Орде ставится под сомнение, так как часто исследователи интерпретируют свернувшуюся бересту ствола каркаса как отдельный тип боктаг (подробнее см. в Главе 3).

М.В. Горелик в одной из своих работ по раннему монгольскому костюму подробно рассматривал мужские и женские комплексы, но боктаг внимания уделено мало, дальше описательной части (в основном по китайским изображениям) и сравнения с нетипичными головными уборами с Прииртышья (могильник Ждановский погребение 14 и 17, половецкая шляпа) дело не зашло (Горелик, 2010. С. 33–34). В более поздней работе по костюмам и аксессуарам XI–XIV вв. идет уже детализация, он подробно описывает конструкцию боктаг (Y-образную), но основными частями делает не ствол с капителью, а округлую

шапочку и ствол, к которому крепится все остальное. Одним из главных моментов данной публикации является подробный разбор головного убора из коллекции Фонда Марджани и полноценное введение его в научный оборот в России (Горелик, 2014. С. 85–88).

В работе Р.Р. Каримовой как таковой типологии не строилось, но приведено деление на формы навершия (капители) каркаса: капителеобразные, форма «сапожком», конусовидные, цилиндрические, равные по всей длине, воронкообразные и биконические. Помимо этого, приведена статистика по каркасным головным уборам на территории Золотой Орды (от Южного Урала до Нижней Волги и Левобережной Украины)[48] (Каримова, 2013. С. 10–11, 26, 127). Считаем, что из всех перечисленных форм только капителеобразные и в форме «сапожка» соответствуют реальным каркасам боктаг, остальные интерпретированы неправильно. Приведенные примеры конусовидных наверший – это не конечная форма головного убора, а всего лишь свернувшаяся в одном месте береста ствола, причем, скорее всего, капитель не сохранилась. Тоже с цилиндрической формой, только в этом случае береста не свернулась конусом при разрушившейся капители. Спорный вопрос с воронкообразным и биконическим навершием, так как приведенные автором примеры впоследствии пересмотрелись в пользу капителеобразных форм (Пилипенко, 2019. С. 225–231).

С.А. Пилипенко в своих работах также касался темы выделения типов боктаг с привязкой к разным регионам, заострим внимание на этих формах. Была произведена попытка выделения томско-омского, монголо-тяньшаньского и золотоордынского типов. В золотоордынских боктаг все сведено к одному типу – сапожковому. Монголо-тяньшанские головные уборы – это все Y-образные боктаг, бытовавшие шире представленных автором рамок. Томско-омский тип выделен из-за конструктивной особенности капители (форма в виде воронки), но это выделение ошибочно, так как впоследствии автором форма была пересмотрена сторону Y-образной с дополнительным элементом – феской

[48] Данная статистика актуальна на 2013 г. В ней из 467 золотоордынских погребений 73 содержали боктаг. Помимо этого, указано ещё 10 памятников с мягкими головными уборами, т.е. мы можем предположить наличие несохранившегося каркаса.

(Пилипенко, 2013. С. 84–87; Пилипенко, 2019. С. 225–231; Пилипенко, 2019. С. 42–52).

Схожая датировка памятников с каркасами боктаг, у которых, в свою очередь, имеется рад повторяющихся черт, позволяет создать собственную типологию женских каркасных головных уборов. После анализа выбранных памятников, взяв за основу археологические предметы хорошей сохранности, все головные уборы были поделены на четыре типы: типы ***A***, ***B***, ***C***, ***D***. Разделение происходило на основе способа формирования капители. В свою очередь, типы внутри различались некоторыми конструктивным особенностями. После анализа погребений археологические находки боктаг разделялись по типам для построения типологической таблицы.

К типу ***A*** отнесен 71 головной убор Y-образной конструкции с территорий Чагатайского улуса и Империи Юань (территории современных Монголии, России, Киргизии, Китая и Казахстана) (Приложение А, таблица А.3). В своей категории они отличаются по способу формирования капители (асимметричные и симметричные) и по высоте каркаса. Считаем не целесообразным внутри типа ***A*** вводить деление на подтипы, так как разница между передней и задней частью капители и расхождение в высотах ствола не влияют на конструкцию (несмотря на то, что в китайских источниках боктаг делятся по высоте на высшую, среднюю и низшую категории (Полное описание…, 1975. С. 286)).

К типам ***B*** и ***C*** отнесены 72 боктаг Г-образной конструкции, преимущественно с территории Золотой Орды[49] (территории современных России, Казахстана и Украины) (Приложение А, таблица А.3). Они отличаются стволом и иной формой капители, нежели тип ***A***. Тип ***B*** отличается широким диаметром ствола (5–9 см и более), тогда как тип ***C*** имеет более узкий диаметр (до 5 см)[50]. Внутри категории ***C*** головные уборы делятся по строению капители – с

[49] Мы не исключаем единичные случаи проникновения Г- и Y-образных боктаг на территории других улусов.

[50] В некоторых случаях диаметры ствола в определенных типах могут отличаться в сторону увеличения/уменьшения от заданных нами параметров, и критерием отбора в определенный тип становится только строение капители. Мы предполагаем, что с привлечением большего количества памятников могут появиться единичные случаи, выбивающиеся из общего ряда боктаг. Предложенная нами типология может быть скорректирована или расширена с появлением новых данных.

углом капитель-ствол 90° и с углом капитель-ствол 120° и более – то есть подтип ***C* I** и подтип ***C* II** соответственно.

К типу ***D*** отнесены иные конструкции со сложным технологическим решением в более поздних или единичных вариациях каркаса (Приложение А, таблица А.3). В данном случае убор из Музея Внутренней Монголии включен нами в типологию по причине его фактического наличия, но позднего, по нашему предположению, времени бытования (возможно, XV в.). Остановимся более подробно на разборе конкретных примеров боктаг и соотнесении их с выделенными нами типами.

Тип А

Головные уборы в этой категории имеют отличительные черты: подпрямоугольную крышку капители, симметрию и асимметрию. Симметрия достигается идентичностью передних и задних деталей капители, асимметрия – за счет разницы длин между передней и задней деталями капители, из-за этого создается небольшой наклон вперед.

Головной убор из Фонда Марджани, найденный в провинции Цинхай Китайской Народной Республики. Сохранность убора полная (за исключением трещин и изломов на бересте), каркас состоит из ствола, наклоненной несколько вперед капители и внутреннего каркаса из прутьев. Его главное отличие от остальных головных уборов – четыре детали каркаса (по нашему мнению, подобные малочастевые конструкции боктаг найдены в гробнице Ван и кургане Дурбэд): ствол, передние и задние детали капители, состоявшие из трех составных частей (центральные и две боковые), крышка, объединенная с верхними боковыми планками. В боктаг имеются два кольца внутреннего усиления, сверху и снизу ствола, и девять прутиков на капители. Размер ствола без учета швов 22 × 31 см. Высота капители 18 см. Длина крышки капители 27 см, ширина около 13 см. Это один из самых высоких головных уборов – 40 см, диаметр ствола около 10 см (Приложение Б, рисунок Б.17б).

Головной убор, найденный на территории могильника Буурал Уул погребение 2, расположенного в аймаке Сэлэнгэ сомона Хонгор современной

Монголии. Боктаг из данного памятника типичный и самый часто встречающийся в размерном ряде и в количестве элементов для Y-образных головных уборов. От каркаса сохранилось 10 деталей с небольшими утратами: ствол, передняя и задняя части капители (по три детали в каждой), боковые планки и крышка. Внутренний каркас из прутиков не сохранился (на внутренней стороне бересты ствола и капители имеются отпечатки). Ствол выполнен из целого фрагмента бересты размером 27 × 21 см, нижний срез полотна оформлен с прогибом вовнутрь в 2 см. В капители передние элементы больше задних по высоте на 2 см, длина центральной детали 17,5 см, боковые наклонные планки по 16 см (разница в ширине несущественна). Крышка подпрямоугольной формы размером 24 × 10,5 см. Боковые планки вытянутой трапециевидной формы размером около 4 × 10 × 14 см. Каркас средней высоты в 32 см, диаметр ствола 8,5 см (Приложение А, таблица А.12, верхняя строка).

Головной убор, найденный на территории могильника Телеутский Взвоз I погребение 9, расположенного в Павловском районе Алтайского края Российской Федерации. Согласно отчету, в погребении находились различные берестяные нашивки разной формы и размеров и головной убор типа «трубка и воронка». По факту, боктаг представлял собой отдельные части головного убора: двойная феска (сохранилась с небольшими утратами), двойной ствол, капитель, состоящая из задней и передней планок, боковых передних и задних наклонных планок и фигурной пятиугольной боковой планки – всего семь деталей (состоящих из 13 частей). Так как ствол состоял из двух слоёв бересты, усиление его прутиками, предположительно, не использовалось (возможно, прутиками усиливали капитель, но они не сохранились). Как и в капители из Буурал Уула погребения 2, передние детали длиннее задних. Крышка подпрямоугольной формы (спереди шире на 1,5 см) 22,5 × 11,5 × 10 см. Боковые планки отличаются от всех нами изученных и имеют фигурный нижний вырез, размер в максимальных ширинах 7 × 4 см. Ширина фески колеблется от 5,5 до 7 см, внешний диаметр детали около 20 см, внутренний 7–8 см. Данный убор – один из самых невысоких, расчетная

высота с учетом фески около 35 см, диаметр ствола 8 см (Приложение А, таблица А.12, нижняя строка).

Аналогичные каркасы (с небольшими вариациями в деталях) встречаются в ряде памятников России, Монголии, Китая и других стран, современные территории которых входили в чагатайский или «юаньский» улусы.

В Музее Внутренней Монголии хранится убор, найденный при раскопках кургана в хошуне Дурбэд округа Дацин провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики. От берестяного каркаса сохранились: ствол, передняя и задняя части симметричной капители (одна из которых пришита к стволу и соединена с другой деталью капители по нижним боковым сторонам), фрагменты внутреннего каркаса. В 2001 г. китайские специалисты описывали крышку подпрямоугольной формы, но к моменту реставрации в 2004 г. она была утрачена. Высота боктаг 34 см, диаметр ствола 9 см, утраченная крышка имела размер 11,5 × 22,5 см.

В погребении 5 могильника Ногоон Гозгор I аймака Хувсгел Хонгор, расположенного на территории современной Монголии, от сплющенного каркаса сохранилось 11 деталей: верхняя часть ствола, детали капители и согнутая пополам крышка. Сохранность бересты удовлетворительная, позволяющая целиком рассмотреть боктаг, с точки зрения технологии, детали сшиты между собой в некоторых местах, длина всего фрагмента 36 см. Фрагмент ствола состоял из двух частей шириной 13 см каждая, перехлест на швы по 1,5 см. Капитель симметричная, состояла из шести деталей (передняя, задняя части с наклонными планками, крышка, боковые планки). Расчетные размеры деталей: крышка 21 × 10 см, передняя/задняя часть капители длиной около 13 см, наклонные планки около 13 × 5 см, боковые трапециевидные планки 4 × 12 × 16 см. Высоту каркаса установить невозможно, но с учетом аналогов она составляет не менее 25 см, диаметр ствола 8–9 см (Приложение Б, рисунок Б.12а).

Головной убор в кургане 11 могильника Боз-Адыр, расположенного в Тонском районе на территории современной Киргизии, самый невысокий в нашей выборке. Боктаг деформирован, сохранность бересты удовлетворительная,

имеются утраты. От каркаса сохранились ствол (выполнен из одного фрагмента размером около 15 × 23 см), крышка (шириной до 10 см) и части ассиметричной капители (передняя часть намного больше задней, капитель сильно «уходит» вперед, по конструкции данный каркас уже приближается к типу ***В***). Ориентировочная высота каркаса 20 см и выше, диаметр ствола около 8 см (Приложение Б, рисунки Б.15г, д).

Тип В

Головные уборы данного типа имеют диаметр ствола 5–9 см, построение конструкции схоже с типом ***А***, но есть некоторые отличия. В первую очередь видно изменение размеров, идущих на уменьшение. Сама капитель стала ниже и ушла вперед (в то время как высота ствола преимущественно сохраняет свои размеры). И если в боктаг типа ***А*** крышка капители была со слегка скругленными краями, то в типе ***В*** крышка стала *у*же и края полностью скруглились. За счет изменения крышки трансформировалась тыльная и передняя части капители.

Головной убор, найденный на территории могильника Царев курган 61 погребение 1, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области Российской Федерации. Каркас боктаг найден в деформированном состоянии (сплюснут), сохранность бересты хорошая (с небольшими утратами). В головном уборе, согласно отчету, были обозначены прутики внутри берестяной конструкции, но на сегодняшний день их небольшие фрагменты находятся отдельно. Сам внутренний каркас из прутиков «читается» частично, по расположению следов на внутренней стороне бересты. При фиксации во время раскопок все детали каркаса располагались на своих метах (ствол, крышка, детали капители), но на сегодняшний день утрачены боковые планки и одна составная часть детали капители. Сплющенный ствол имеет высоту 17 см и обхват, с учетом перехлеста на шов, около 19 см. Передняя деталь капители – 15 × 15,2 см. Крышка капители 5,7 × 21,5 см. Задняя деталь капители была сформирована, по всей видимости, из трех частей, но сохранилось только две из них размером 2,5 × 5,5 см и 6 × 5,5 см. Расчетный диаметр ствола – 6 см, приблизительная высота каркаса с учетом утрат 23 см (Приложение Б, рисунок Б.9а).

Головной убор, найденный на территории могильника Маячный Бугор I погребение 70, расположенного в Красноярском районе Астраханской области Российской Федерации. Боктаг сохранился во фрагментарном состоянии (с утратами). Каркас состоял из ствола, широкой крышки, передней и задней деталей капители (боковые детали утрачены). На внутренней поверхности бересты имеются оттиски прутиков усиления каркаса (прутики не сохранились): на стволе отпечатки от трёх колец, по окружности шва на крышке (с отступом от края 0,5–1 см), в верхней части задней детали капители также имеются парные отверстия для крепления прутиков (без их отпечатков). От ствола сохранилось множество фрагментов разного размера, собирающихся в четыре составные части (по сохранившимся отверстиям от швов соединения можно понять, что части были одинакового размера). Две части сохранились почти полностью (размер 8,5 × 17 см), остальные во фрагментах (размер 3,5 × 5,5 и 15 × 4 см), перехлест на шов составил 2 см на каждой составной части. Ширина берестяного полотна ствола около 32 см, высота около 18 см. Передняя часть капители сохранилась в трех фрагментах, собирающихся в деталь размером 16 × 16,5 см. Задняя деталь капители сохранилась в пяти фрагментах, собирающихся в две части размером 8 × 8 и 9 × 7,5 см. В данном головном уборе выделяется самая широкая крышка из всех исследованных нами боктаг размером 24 × 9,8 см. На детали имеются небольшие утраты по краям, в центре, по всей длине имеются отверстия от пришивания навершия к крышке. Расчетный диаметр ствола около 10 см, приблизительная высота головного убора 25 см и выше (Приложение А, таблица А.13, верхняя строка).

Головной убор, найденный на территории могильника Маячный Бугор II погребение 60, расположенного в Красноярском районе Астраханской области Российской Федерации. Сохранность каркаса хорошая, имеются незначительные утраты, конструкция состояла из ствола (на внутренней стороне бересты прослеживается оттиск от нижнего усиливающего прутика, в верхней части отпечаток отгиба[51]), передней и фрагмента задней частей капители, крышки и боковой планки (утрачены боковые детали и планка). Ствол от каркаса был

[51] От плотного прилегания деталей друг к другу, в месте сшивания передней детали капители и ствола.

выполнен из целого куска бересты, свёрнутого в цилиндр, и имел длину 15,5 × 24,5 см (согласно отчету, края по длине сшиты кожей). Передняя деталь состояла из целого куска бересты, сохранилась в трёх фрагментах размером 10 × 18,5, 12 × 2,6, и 14 × 4,2 см. Задняя деталь была составная, из трёх частей сохранился фрагмент размером 5 × 7 см. Боковая планка имела форму вытянутой прямоугольной трапеции размером 11 × 1,8 см. Крышка выделяется большой длиной, сохранилась в трех фрагментах, деталь состояла из двух частей 27 × 6,5 и 5 × 2,3 см. Общий размер крышки 28 × 6,5 см (спереди на внутренней части бересты прослеживается оттиск усиливающего прутика, по центру имеется ряд отверстий от пришивания навершия). Диаметр ствола 6,5 см, приблизительная высота головного убора 27 см (Приложение А, таблица А.13, нижняя строка).

Схожие каркасы можно встретить: в могильнике Маячный Бугор II погребение 51, расположенном в Красноярском районе Астраханской области; в могильнике Линевский I курган 5 погребение 1, расположенном в Соль-Илецком районе Оренбургской области и в могильнике Песчаный I курган 8 погребение 2, расположенном в Ремонтненском районе Ростовской области.

Каркас из погребения 51 могильника Маячный Бугор II, расположенного в Красноярском районе Астраханской области Российской Федерации, представлял собой части конструкции неплохой сохранности: ствол (набран из множества фрагментов в полотно размером 14 × 27 см), крышка (деталь подовальной формы размером 24 × 8 см с многочисленными следами прошивки по краю и вдоль центра), передняя часть капители (сохранилась во множестве фрагментов собирающихся в деталь размером 19 × 15 см), боковые планки (вытянутой трапециевидной формы 9,5 × 2 см), восьми фрагментов прутиков от внутреннего каркаса (на внутренней стороне бересты имеются множественные отпечатки). Нами была произведена практическая модельная реконструкция и обозначена несохранившаяся задняя часть капители, с учетом аналогов она могла состоять из 1–3 деталей. Расчетный диаметр ствола около 8 см, приблизительная высота головного убора 25 см и выше (Приложение Б, рисунок Б.33б).

В *погребении 1 кургана 5 могильника Линевский I* каркас боктаг сохранился с небольшими утратами, состоял из сплюснутого ствола (приблизительный размер полотна 18 × 11 см) и невысокой капители (с передними, задними деталями, крышкой и боковыми планками. Ориентировочные размеры боктаг: высота 18 см, диаметр ствола не более 8 см (Приложение Б, рисунок Б.9б).

Боктаг из кургана 8 погребения 2 могильника Песчаный I схож в конструкции с убором из погребения 70 могильника Маячный Бугор I (ствол не набран из четырех деталей, это целый лист бересты). Каркас состоит из сплющенного ствола размером 14,7 × 9,3 см, передней, фрагмента задней частей капители и крышки размером 23 × 8 см (боковые планки утрачены). Расчетный диаметр ствола 6–6,5 см, приблизительная высота боктаг 20 см и более.

Тип С

Подтип С I – угол капитель–ствол 90°

Головные уборы данного типа имеют диаметр ствола от 3 до 5 см, отличаются от предыдущего типа возможностью объединения ствола с задней частью капители, с последующим уменьшением количества деталей в конструкции.

Головной убор, найденный в мавзолее Увека в погребении 1, расположенном в Заводском районе г. Саратова Саратовской области Российской Федерации. От каркаса боктаг сохранился ствол и фрагмент крышки капители (плюс фрагменты ткани от обтяжки капители). Ранее была произведена реставрация ствола методом наклеивания бересты на картонный цилиндр без учета совместимости некоторых фрагментов и перехлеста припусков при сшивании берестяного полотна в цилиндр, что привело впоследствии к неправильным выводам по размерам. В варианте А.А. Кроткова описан диаметр ствола 4 см и высота 21 см, при первоначальном исследовании нами был выявлен диаметр 5,3 см и высота 19 см. но, если уточнить все вышеперечисленные ошибки, размеры изменяются. Более точный диаметр мы можем установить только по ширине крышки капители, а конечную высоту головного убора только по описанию А.А. Кроткова (она не может быть меньше, но может превышать описываемую высоту из-за отсутствия

нижней и верхней частей ствола с отверстиями для пришивания других деталей каркаса). От крышки капители сохранился передний фрагмент с известной шириной 3,5 см. Установлению предположительной длины крышки могут помочь частично сохранившаяся ткань обтяжки (по своей форме она повторяет крой берестяных деталей) и аналоги с других памятников. Фрагмент ткани размером 8,7 × 3,5 см повторяет контур крышки капители и почти совпадает с берестяным фрагментом. Для определения длины можно воспользоваться аналогом из могильника Солодовка I курган 8 погребение 2, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области. Крышка боктаг из Солодовки совпадает по форме детали с крышкой из Увека и имеет размер 17,5 × 3,5 см. Для подтверждения правильных конечных выводов рассмотрим головной убор из могильника Маячный Бугор I погребение 224, где можно заметить сходство по основным деталям – крышке (17,0 × 3,3 см) и передней части капители (10,7 × 4,6 см). Принимая во внимание вышеописанное, можно с уверенностью сказать, что высота каркаса более 21 см, диаметр ствола составил 3,3–3,5 см (Приложение Б, рисунок Б.7).

Головной убор, найденный на территории могильника Солодовка II курган 7 погребение 1, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области Российской Федерации. На сегодняшний день от каркаса сохранились: сплюснутый ствол, крышка, передняя и задняя детали капители (сохранность средняя, береста с небольшими утратами и пропитана неизвестным полимером). Ствол состоит из одного прямоугольного листа бересты размером 14 × 16 см, свернутого пополам. Передняя деталь капители была произведена из двух составных частей, обе размером 16 × 4 см (боковые планки утрачены). От задней детали капители сохранился фрагмент размером 5,4 × 3,3 см, в верхней части имеется отгиб в 5 мм (для сшивания детали с крышкой), в нижней части наблюдается утоньшение бересты методом среза (для большего прилегания детали к стволу). Крышка капители состоит из трех составных частей: 15 × 4,5 см, 6,5 × 1,5 см и 7,5 × 1,5 см. Общая ширина детали после совмещения с учетом швов сшивания 5,3 см, длина сохранившейся части 15 см (задняя часть крышки не

сохранилась), её предполагаемая длинна, с учетом недостающих фрагментов, от 17,5 до 19 см. Расчетные размеры каркаса – высота 20 см (возможно, выше), диаметр ствола около 5 см (Приложение Б, рисунок Б.10а).

Головной убор, найденный на территории могильника Солодовка I курган 8 погребение 2, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области Российской Федерации. Сохранность каркаса хорошая, деформация средняя, имеются утраты по стволу и капители. От конструкции сохранились: ствол, передняя деталь капители (состоит из двух частей, сшитых посередине), крышка (с дополнительной деталью – усилением «пяточки»). Ствол состоит из одного прямоугольного листа бересты размером 18 × 12,6 см. Передняя деталь капители произведена из двух составных частей размером 15,5 × 2,8 и 16 × 2,6 см, шов соединения между ними утоньшен диагональным срезом (задняя деталь капители и боковые планки утрачены). Крышка капители сохранилась полностью, размером 17,3 × 3,3 см, вместе с ней использована дополнительная деталь, усиливающая выступающую «пяточку» размером 2,7 × 3,5 см (предполагается наличие прутика в месте сшивания крышки и капители). Сама усиливающая «пяточка» имеет куполообразный силуэт и П-образный вырез. Как писалось выше, каркас имеет сходство с увекским боктаг в размерах и конструкции (различается только в детали передней части капители, выполненной из двух частей). С учетом аналога из Солодовки II курган 7 погребение 1, для не сохранившейся задней части капители (и верхнего шва сшивания ствола с капителью около 2 см), приблизительная высота каркаса будет 20–21 см, диаметр ствола 3,3–3,5 см (Приложение А, таблица А.14, первая строка).

Головной убор, найденный на территории могильника Усть-Курдюм курган 7, расположенного недалеко от дер. Усть-Курдюм в Саратовской области Российской Федерации. Каркас сохранился не полностью (утрачены боковые планки) и представлен: стволом (с большими утратами и частично сохранившимся выступом в верхней части, береста свернута в цилиндр) размером 22 × 12 см; крышкой (с небольшими утратами по краям) размером 20,5 × 4,6 см (на всей поверхности имеются множественные отверстия от пришивания к

капители, на внутренней стороне параллельно краю идет отпечаток прутика и по центру имеются парные отверстия от пришивания навершия); двумя симметричными передними деталями капители размером 16,5 × 3см и 16,5 × 5 см (одна из деталей сохранилась почти полностью, что позволило достроить недостающие боковые линии во второй детали). На некоторых срезах деталей капители имеются следы очень плотного прилегания (в месте соединения со стволом и крышкой), одна из деталей имеет намеренное утоньшение бересты (для более гладкого шва). Фрагмент выступа на стволе – это обломанная задняя часть капители в виде ступеньки. Надо отметить грубое изготовление данного каркаса, неравномерные стежки и «наметочный шов» на некоторых участках соединения деталей. С учетом не сохранившихся элементов, ориентировочная высота каркаса 24 см, диаметр ствола 4,5–4,6 см (Приложение А, таблица А.14, вторая строка).

Аналогичные каркасы можно встретить в могильниках Маячный Бугор I погребение 188 и 224 Красноярского района Астраханской области и в Маляевка VI сооружение 2 погребение 2 Ленинского района Волгоградской области.

В *Маячном Бугре I погребении 224* от каркаса сохранились фрагменты ствола, крышка и передняя деталь капители (с утратами). Фрагмент ствола имел размер 17,5 × 7 см, крышка сохранилась полностью, размер 17,0 × 3,3 см, сохранившейся фрагмент передней детали капители имел размер 10,7 × 4,6 см и, скорее всего, был изготовлен из одной части. Точную высоту каркаса определить уже невозможно, предположительно это 20 см и более, диаметр удалось установить по сохранившейся крышке капители, он равен 3,3 см (часто ширина крышки равна диаметру ствола).

Сохранность у головного убора в *Маячном Бугре I погребении 188* средняя, каркас состоит из ствола, крышки, передней и задней детали капители, двух боковых планок. Ствол имеет высоту 18 см и диаметр 4,8–5 см. Части капители сохранились в двух фрагментах: передней размером 13 × 6 см, задней 9 × 6,2 см. Крышка капители состоит из двух составных частей (как у боктаг из могильника Маячный Бугор II погребение 60) размером 18 × 5 см и 3 × 3,2 см. У двух боковых

деталей разная сохранность, размеры 4 × 2 см и 8 × 2,3 см. Ориентировочная высота каркаса 20 см и более, диаметр ствола около 5 см.

В головном уборе из *Маляевки VI сооружения 2 погребения 2* сохранился только ствол (с фрагментами обтяжки) и феска. Фрагмент ствола не дает установить длину берестяного полотна детали, а только диаметр – менее 4 см. Из-за утраченной капители нельзя установить высоту каркаса, но в данную выборку памятник попал из-за фески – детали, по нашему мнению, необходимой почти всем боктаг с узким диаметром ствола. Феска состояла из двух симметричных составных частей размером 13,6 × 6,6 см и 11 × 5,3 см, изготовленных из двойного слоя бересты (в месте сшивания фески и ствола прослеживаются многочисленные отверстия). С учетом несохранившихся фрагментов феска имела внешний диаметр 12,7 см, внутренний диаметр 3,2 см и высоту подъема 2 см. Остальные размеры устанавливаются только по аналогам с других памятников в Нижнем Поволжье, содержащих боктаг с узким диаметром ствола.

Анализируя головные уборы с узким диаметром ствола, можно заметить сходство в конструкции и технологии изготовления (без учета грубого выполнения в некоторых памятниках). Для устойчивости подобной конструкции на голове считаем разумным использование фески для памятников типа ***C*** и некоторых типа ***A*** и ***B***.

Подтип C II – угол капитель–ствол 120° и более

Головные уборы данного типа схожи с предыдущим в диаметре ствола, но имеют отличия в его высоте и непривычном совмещении с капителью под тупым углом, за счет которого некоторые детали капители в боктаг упразднились, укоротилась крышка, и получилось новое конструктивное решение с измененным силуэтом.

Головной убор, найденный на территории могильника Башкир-Беркутово курган 2, расположенного недалеко от дер. Башкир-Беркутово Кугарчинского района Башкортостана Российской Федерации. Каркас представлен стволом и капителью (с небольшими утратами), крышка не сохранилась. Ствол – полотно бересты размером 25 × 15 см, в верхней части имеется «подпрямоугольно-

скруглённый» вырез под капитель и небольшие отгибы на шов сшивания с крышкой. Это новое конструктивное решение, за счет которого упразднились задняя часть капители и боковые планки. Капитель состоит из двух неравноразмерных частей (шов соединения проходил смещенно от центра), большая часть – около 8 × 3,5 см, меньшая около 8 × 1,3 см, с учетом несохранившихся фрагментов приблизительный размер детали 9 × 6 см. Новая конструкция деталей дает непривычное совмещение ствола с капителью под тупым углом. Расчетная высота каркаса 32 см, расчетный диаметр ствола 3,7–3,8 см (с учетом перехлеста бересты в 1,5 раза), угол подъема капители 120° (Приложение А, таблица А.14, третья строка) (Приложение Б, рисунок Б.8в).

Аналогичный головной убор находился на этом же памятнике в *кургане 3*. Сохранность каркаса плохая, от деталей ствола осталось три фрагмента, определяющих ширину берестяного полотна в 12 см, ориентировочную высоту ствола можно установить по каркасу из кургана 2 – не выше 25 см. Капитель сохранилась полностью, это одна деталь подтреугольной формы (с прямыми углами для вшивания капители) размером 8 × 8,5 см. Расчетные размеры каркаса – высота 28,5 см, приблизительный диаметр ствола 3,5 см, угол подъема капители около 130° (Приложение Б, рисунок Б.8б).

Головной убор, найденный на территории могильника Новый Кумак III курган 7 погребение 1, расположенного недалеко от пос. Новый Кумак Оренбургской области Российской Федерации. Сохранность боктаг на момент раскопок была хорошая, каркас слегка деформирован, состоял из ствола и капители (крышка не сохранилась). Ствол имел высоту около 25 см, его деформация была выражена в разных диаметрах: у основания – 5,5 см; в центральной части – 3,6 см, в верхней части – 2,9 см. Эта разница – следствие воздействия грунта и влаги на бересту, которая в верхней части сворачивалась, а в нижней расходилась. Высота головного убора 28,2 см, ориентировочный диаметр ствола около 4 см, угол подъема капители 130° (Приложение Б, рисунок Б.8а).

Аналогичные каркасы находились в памятниках Хабарный I курган 7 Гайского района Оренбургской области и Кара-Оба курганах 1 и 4 Джангалинского района Уральской области Республики Казахстан. Несмотря на частичную сохранность каркаса, они имеют схожий размер стволов и возможные конструктивные решения капители.

От боктаг в *кургане 7 могильника Хабарный I* сохранился только ствол длиной 38,5 см и диаметром 4 см. Это самая длинная деталь ствола из всех ранее нами изученных. Капитель не сохранилась, но с учетом нетипичности высоты ствола (в совокупности с узким диаметром и близким расположением с другими схожими памятниками), можно предположить конструкцию как в Башкир-Беркутово курганах 2 и 3. Расчетная высота каркаса превышает 40 см.

В *могильнике Кара-Оба в курганах 1 и 4* от каркасов сохранился только ствол. В *кургане 1* ствол, с утратами места вшивания капители в верхней части, имел длину 35 см. Ориентировочный диаметр не более 3,5 см, с учетом припуска на шов около 1 см (Приложение Б, рисунок Б.11в). В *кургане 4* ствол имел небольшие утраты в нижней части, от места вшивания капители сохранился небольшой подъем. Длина ствола 26 см, диаметр 4 см (зафиксирован Т.Н. Сениговой, но, по нашему предположению, он больше – около 5 см) (Приложение Б, рисунок Б.11б).

Обобщая данную выборку, можно сказать, что все памятники подтипа ***C* II** расположены на территории Южного Урала. Если проводить сравнения уральских и поволжских боктаг, то можно увидеть больше различий, чем сходств, что позволило выделить их из общей массы золотоордынских боктаг с узким диаметром ствола.

Тип D

«Нетипичный» боктаг, найденный в Сизанском автономном районе (Тибет) Китайской Народной Республики. Сохранность убора очень хорошая, каркас выполнен из бересты, по внешнему виду напоминает гиперболическую конструкцию, неравнозначно расширяющуюся с обоих концов, пришитую с нижнего края к полусферической жесткой шапочке. Высота каркаса 38 см

(жесткая шапочка 11 см, ствол с «капителью» 27 см), при надевании на голову высота убора должна уменьшаться на 10–11 см (китайский исследователь Цзя Си Цзэн рассчитал уменьшение на 6–8 см, возможно из-за пришитой тканевой подкладки, которая не полностью повторяет размеры шапочки). Диаметр шапочки по нижнему краю 19–20 см, диаметр «капители» по верхнему краю 18–21 см. Шапочка и «капитель» в горизонтальной плоскости имеют форму овала. Крышка у «капители» отсутствует, но внутреннюю часть каркаса закрывает ткань, сшитая из восьми трапециевидных сегментов с каплевидными отверстиями, в центре имеется круглое отверстие. Конструкция каркаса сложносоставная: шапочка шестиклинка, узкая прямоугольная слегка выгнутая полоса, закрывающая шов соединения между шапочкой и стволом, ствол (в сечении имеет овальную форму, минимальный диаметр в центре 7 см), трапециевидная «капитель» наподобие воронки. В отличие от каркасов типа ***A***, ***B***, и ***C***, эту конструкцию создать сложнее. Каркас должен быть выполнен из множества сегментов для создания гиперболической формы. Для поддержания овальной в сечении формы в уборе должно быть дополнительное усиление внутренним каркасом из прутиков (по всем длинам) и колец. Швы соединения деталей перед сшиванием специально утончались для сглаживания поверхности. Данный боктаг выбивается из общего ряда уборов, найденных на территории Китая, и отличается от всех ранее нами изученных. У «капители» нет крышки, соответственно не было навершия и перьевой системы, отпала необходимость в нижней шапочке, отличаются некоторые ленты крепления, отсутствуют нашивки на лентах. Как обобщение, если относить данный боктаг к династии Юань, то надо принимать во внимание его не каноничность и единичность для данного региона и периода.

Результатом исследования явился анализ, обобщение и классификация берестяного каркаса боктаг, что помогло понять конструктивные особенности, технологические нюансы и весь силуэт головного убора в целом. Нами изучены памятники с хорошо сохранившейся берестой, затронуты такие детали, как ствол, капитель, феска. Выявлены разные подходы к изготовлению каркаса, сборке и обтяжке. Установлено, что количество частей в одной детали может

варьироваться вне зависимости от конструкции каркаса, причиной этому может служить не только экономия и рациональное использование материала, но и дополнительное усиление конструкции (благодаря образовывающемуся перехлёсту), что способствует появлению разнообразных подходов к изготовлению берестяной основы боктаг. После изучения археологических источников было выявлено достаточное количество материала, касающегося каркасных головных уборов Монгольской империи, для построения собственной классификации.

Дается разъяснение по разным вопросам: конструкция и детали, их вариативность и причины этого, раскрой бересты и сборка разных типов каркасов, ремонт, двойная обтяжка, ленты для фиксации боктаг на голове, ткани и цвета. Рассмотрен взгляд некоторых китайских исследователей на конструкцию и причины колебания высот и силуэта в Y-образных головных уборах на территории КНР. Проанализированы типологии, предложенные российскими исследователями (Е.П. Мыськов, З.В. Доде, М.В. Горелик, Р.Р. Каримова, С.А. Пилипенко) с точки зрения конструкций, территорий бытования и включения дополнительных элементов.

Общий анализ археологического материала позволил построить качественно новую типологию берестяных каркасов боктаг (Приложение А, таблица А.15). Для составления типологии женских головных уборов было выбрано и проанализировано **25** боктаг с высокой сохранностью берестяного каркаса, происходящих из материалов с широкого круга памятников. Берестяной каркас – это основной элемент головного убора, задающий его узнаваемый облик. Было произведено разделение всех боктаг на типы и подтипы. Всего выделено четыре типа – тип ***A***, тип ***B***, тип ***C*****,** тип ***D*** и два подтипа ***C*** **I** и ***C*** **II**, с основным разделением на основе способа формирования капители (кроме типа ***D***). По нашему мнению, приведенная типология каркасов боктаг полностью соответствует отличиям между типами и подтипами головных уборов из разных регионов. Представленные результаты выявили основные различия между типами, показывающие преемственность одного типа головного убора другим.

С учетом постоянного появления новых данных, имеется возможность дополнять и расширять представленную типологию.

По выбранным памятникам с удовлетворительной сохранностью бересты составлены технологические схемы, предложены графические развертки и реконструкции основных типов каркасов (с вариациями кроя). Для наглядности представлены ряд диаграмм, таблиц и схем, показывающих как общую информацию по памятнику, так и отдельный анализ по территориальным, временными, типологическим отличиям.

Анализ боктаг с разных территорий показал разность форм и кроя в различные периоды времени, но если обобщить всю информацию, то можно сказать, что при некоторых отличиях в конструкции головные уборы имеют много общего – это ствол, капитель, шелковая обтяжка, украшения. В целом тематика головных уборов монгольских замужних дам раскрыта с разных точек зрения, и разными методами исследования, единственное – не хватает единой типологии и классификации, чему, надеемся, поможет данное исследование.

ГЛАВА 3 Интерпретация и реконструкция образа

Важным направлением в изучении любых костюмных комплексов является детальное исследование его отдельных, знаковых элементов. Ни один костюм не будет завершенным без наличия аксессуаров, дополняющих его, раскрывающих социальную и семантическую суть.

Монгольский головной убор боктаг был знаковой частью костюма замужней женщины и содержал в себе множество элементов. Если описывать его кратко, то, помимо того, что это дорогой убор сложной конструкции и технологии изготовления, он дополнен разнообразными элементами: тканевыми шапочками, различными ювелирными украшениями и перьями (Доде, 2007. С. 331–336; Макласова, 2018. С. 121). И.В. Матюшко считал, что все ювелирные изделия имеют близкие аналоги на разных территориях империи, что говорит о формировании общих элементов в материальной культуре монгол (Матюшко, 2012. С. 352). Поэтому важно понимать не только внутреннее содержание предмета (в конструктивном и семантическом значении), но и внешний образ.

Далее будет рассмотрен вопрос генезиса и преемственности боктаг в костюме сопредельных народностей, ранее участвовавших в управлении Монгольской империей. Разберем несколько мнений в вопросе его происхождения, сравним археологические находки с этнографическими предметами в ряде категорий: конструкции, материале, украшении. Рассмотрим вопрос его исчезновения, как символа власти и элемента костюма в XV–XVI вв. из ряда культур. Проанализируем необходимую декоративную составляющую – ювелирные украшения и другие дополнительные элементы: основные материалы, виды и техники исполнения.

Важной частью исследования является разбор конструктивных принципов и интерпретаций некоторых элементов берестяных каркасов и тканевых составляющих боктаг. Для этого была сформирована выборка, основными характеризующими признаками которой, в контексте тематики, выступают неполнота, дискуссионность, спорность предложенных разными исследователями

решений. Особый интерес представляет группа головных уборов со спорной трактовкой конструкции. Для рассмотрения вопросов, связанных с данной проблемой, особенно выразительны памятники Телеутский Взвоз I и Тингутинский I. Для понимания действий при решении проблемы сложной сохранности предмета проанализируем головные уборы с памятников Дядьковский 45 и Маячный Бугор I. Рассмотрим сравнение значений этого убора с «сапожком» и «птицей» в отечественной и зарубежной литературе. Предпримем попытку выполнить графические и полноразмерные реконструкции некоторых головных уборов из аутентичных материалов, для проверки качества работы выявленных нами схем. Важно правильно понимать и определять каждый элемент в костюме для того, чтобы избежать ошибок в атрибуции одежды и её частей в дальнейшем.

3.1 Боктаг в археологическом и этнографическом костюме

Говоря о боктаг, нужно упомянуть о теориях происхождения данного головного убора, но так как эта тема не является целью и выходит за хронологические рамки диссертации, то приведу несколько публикаций по данной тематике. Упоминание о схожем головном уборе можно найти в работе, описывающей историю кочевых народов, предшествующих монгольским племенам XIII в. (по комментированным переводам китайских источников). В ней говорится о головном уборе ухуаней (II в. до н. э. – IV в. н. э.) – *гоуцзюэ*, имеющим сходство с головным убором Срединного государства – *гобуяо* (который носили только китайские императрицы). В свою очередь, по китайским средневековым источникам *гобуяо* похож на *гугу* и основной упор по сходству этих головных уборов делается на фонетическую и смысловую близость терминов, что дало основание говорить об одном и том же уборе, носимом как ухуанями, так и средневековыми монголками (Материалы по истории…, 1984. С. 58). Еще одну точку зрения на происхождение боктаг можно встретить в работах, посвященных ираноязычным племенам. В. А. Кисель считает, что

тюрко/монголоязычные племена заимствовали у них некоторые элементы костюма, в частности высокий женский головной убор. Автор протягивает линию эволюции боктаг от убора из погребения Догээ-Баары 2 кургана 33 (Тува, III–II в. до н. э.) и схожего с ним убора из Пазырыкского кургана 5 (Алтай, VI–III вв. до н. э.) к этнографическому костюму тюркских народов (Кисель, 2018. С. 120–122). М.В. Горелик полагал (со ссылкой на С.И. Руденко), что похожий головной убор бытовал у номад западной части Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э. (сходство прослеживается в шапочках и жестком цилиндрическом каркасе), но прямых аналогов не имеется (Горелик, 2010. С. 34–37). З.В. Доде, затрагивая тему преемственности, говорит о некотором сходстве с пазырыкскими головными уборами, но точно не о генетической преемственности, что «корни» боктаг надо искать в раннем китайском костюме (эпоха Пяти Династий). Также ею было выдвинуто предположение о развитии «капителеобразной» формы убора в монгольской кочевой среде (Доде, 2007. С. 330; Доде, 2008. С. 53)[52]. В работе китайского исследователя Цзя Си Цзэна приводится таблица высот боктаг в разное время, и самое раннее упоминание (без конкретного года и места) имеется в династии Сун (предшествующей династии Юань в Китае) с высотой каркаса 85 см (не указывается с перьевой системой или без) (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 87). Мы считаем, что большая протяженность во времени, малая источниковая база, отсутствие переходных археологических артефактов и примеров не дают возможности уверенно утверждать о правильности выводов, но позволяют построить предположение, что, возможно, с появлением новых открытий и информации эти теории будут подтверждены или опровергнуты.

Интересный анализ на этническое происхождение боктаг можно увидеть в одной из работ Д.А. Шарманджиева, где разбираются два типа – конический

[52] Самое раннее нами встреченное упоминание о ношении «боктаг» можно встретить в работе американского профессора Т.Т. Оллсена, где на примере распространения жемчуга показана эволюция власти на территории Внутренней Азии с 1 в. н. э. В 12 части монографии, посвященной морским и сухопутным торговым взаимодействиям, говорится о росте использования жемчуга в украшениях как маркера власти, и как пример приводятся правители Таюхуна (284–670 гг. Цынхай, север Тибета) и эфталитов (приблизительно IV – начало VII вв., Центральная и Южная Азия) в V–VI вв. «правитель Туюхуна … носил жемчуг в волосах, а царица эфталитов носила богту, украшенную разноцветными жемчужинами» (Allsen, 2019. С. 151). Автором были приведены четыре источника, но мы не нашли в них информации о ношении боктаг на середину I тыс. н. э., поэтому не можем считать её правдоподобной.

и расширяющийся к верху в прямоугольную площадку. Автор приводит мнения некоторых исследователей[53], также говорящих о кипчакском (А.Х. Маргулан, со ссылкой на Плано Карпини) и монгольском происхождении головного убора (Е.В. Шнайдер, со ссылкой на Сюй Тина). И проводя параллели между двумя разными описаниями, делает вывод, что Сюй Тин описывал конусообразный убор (по высоте и украшениям), приводит аналоги ранних находок в Казахстане (пряжка с изображением женщины в коническом головном уборе) и Самарканде (статуэтки с коническим убором). Родственным боктаг убором считается тюбетейка (со ссылкой на О.А. Сухареву) и утверждается, что такая коническая форма схожа с уборами саков. Отсюда делается вывод о родине таких уборов в Центральном Казахстане и Средней Азии, причисляется конический «боктаг» к кипчакским головным уборам, и логическим продолжением его считает казахский саукеле (Шарманджиев, 2007. С. 184–188). Вполне можно согласиться, что прародителем саукеле как раз является конический головной убор, носимый женщинами в Средней Азии ещё до монгольских завоеваний. Но говорить о том, что в процессе политических перестановок он поменял конструкцию на сложную берестяную (подтвержденную археологией), а потом обратно на коническую довольно спорно, поэтому данный вопрос о преемственности остаётся открытым. Ещё один тип боктаг, анализируемый Д.А. Шарманджиевым, относится к монгольскому – высокий с расширяющейся капителью (со ссылкой на Плано Карпини, китайские источники и парадные портреты императриц Китая при династии Юань). Правда, с одной стороны, приводится пример происхождения формы от рогов быка (со ссылкой на К.В. Вяткину), что, в свою очередь, находит связь с этнографической прической халха у монгольских женщин. С другой стороны, автор отмечает отсутствие аналогов боктаг в этнографии

[53] С.А. Котеньков и И.С. Котеньков говорили о его наличии у половецко-кипчакского населения, и пришедшие монголы переняли его в свой костюм (Котеньков, 2011. С. 200–205). Но Е.П. Мыськов опровергает эту теорию, на основании избирательности и малой выборки памятников, инвентаря, соответствующего погребениям XIII–XIV вв. и несоответствию внешнего вида боктаг головным уборам на половецкой каменной пластике. Это может говорить только о его центрально-азиатском происхождении (в чем Е.П. согласен с Г.А. Федоровым-Давыдовым, В.А. Ивановым и В.А. Кригером) и появление в Восточной Европе возможно не раньше середины XIII в., с пришествием завоевателей и оканчивается последней третью XIV в., так как в погребениях перестают фиксировать боктаг (Мыськов, 2015. С. 203–204).

монголоязычных народов. Но ответа на вопрос возникновения боктаг сложной конструкции у монгол в работе автора не имеется, строится предположение о его появлении в начале XIII в. вследствие сложных общественных изменений, или от архаичного головного убора, бытовавшего ранее (со ссылкой на О.А. Сухареву) (Шарманджиев, 2007. С. 188–192). Считаем, что сделанный автором первый вывод не верен, так как такая сложная конструкция с сильной семантической нагрузкой не могла возникнуть ниоткуда просто потому, что сменился вектор развития конкретного общества и согласны со вторым выводом, боктаг мог эволюционировать только от более/менее сложного убора схожей конструкции.

Перед тем как коснуться вопроса преемственности боктаг, будет резонно сначала ознакомиться с точками зрения некоторых китайских специалистов об эволюции боктаг типа ***А***. Цзя Си Дзэн в одной из своих работ представил небольшую иллюстративную схему и таблицу высоты боктаг[54], согласно которой монгольский классический боктаг (Y-образная капитель, высокое навершие, многочисленные перья, украшения, обязательные верхние шапочки, защищающие от плохой погоды[55]) постепенно превращается в юаньский, более декоративный (с небольшими «цветочными композициями») (Цзя Си Дзэн, 2011. С. 80, 85–86). Сун Цзянбинь уточняет, обновленная версия, с изменениями в конструкции, была более практична (высота уменьшилась, отпала необходимость в верхних матерчатых шапочках, цилиндрический ствол стал пришиваться к полусферической шапочке, которая могла удержать всю конструкцию на одной паре лент (!), вторая пара была больше декоративной[56]), и примером такого боктаг послужил единственный в своем роде головной убор неизвестного

[54] В таблице последовательно расставлены династии, источник, по которому автор это установил, и высоты боктаг, указанные в этом источнике. Эволюция ведется от головного убора высотой 85 см в династии Сун (Южная + Северная Сун 960–1279 гг.) по «Сокровенному сказанию» (XIII в.) до боктаг в 42 см в династии Мин (1368–1644 гг.) (со ссылкой на книгу конца XVI в., описывающую обычаи на севере, в том числе головной убор чжурчжэней). По нашему мнению, уместнее было бы указывать Северную Юань (1368–1691 гг.), так как она наследовала самой Юань, после изгнания монголов на север Китая. Что же касается головного убора в Мин, то политика новой династии Китая полностью поменяла костюмный комплекс (по причинам описанным ниже).

[55] Сун Цзянбинь согласна с Цзя Си Дзэном с таким разделением и как классические монгольские боктаг приводит примеры иранской миниатюрной живописи, мандалу Ямантаки, фрески пещер Магао и Юньлинь, боктаг, хранящийся в Фонде Марджани (Сун Цзянбинь, 2017. С. 3–6).

[56] Две пары лент пришиты с внутренней стороны каркаса (на небольшом расстоянии друг от друга), слегка смещенно от центра к затылочной части.

происхождения с утерянной археологической историей, предположительно найденный в китайской части Тибета (Приложение Б, рисунок Б.17а). В качестве основного источника приводятся портреты императриц из дворцового музея г. Тайбэя (правда, с сохранением Y-образной формы капители (!), низ боктаг императриц, по мнению исследователей, оформлен как у найденного нетипичного, с полусферической жесткой шапочкой) (Сун Цзянбинь, 2017. С. 3–6). То есть, если правильно понимать схему и выводы Цзя Си Дзэна и Сун Цзянбиня, вершина эволюции боктаг – это головные уборы с портретов императриц (несмотря на то, что они имеют Y-образное строение капители), а боктаг гиперболической конструкции – это предшествующая версия. Но согласно тексту исследователя, эволюция проходила от большого простого каркаса до уменьшенной формы с усложнившейся конструкцией и технологией изготовления[57].

В данной схеме много неясностей и неточностей. Во-первых, сравнение с портретами императриц, возможно, использовалось только в качестве дополнения, а не как прямая аналогия. Сами портреты – это так называемые «малые тени» несохранившихся больших аналогов и точной датировки не имеют, так как не подписаны художниками, но, по мнению искусствоведа и в.н.с. отдела Китая ИВ РАН М.А. Неглинской, они могли быть созданы при жизни (или посмертно) самих императриц придворными мастерами[58] (Неглинская, 2012. С. 397–400), т. е. это конец XIII – середина XIV вв., а археология на этот период нам показывает боктаг классического типа ***А***. Во-вторых, постоянное напоминание об уменьшении размеров и замене перьевых систем (со ссылкой на фрески пещер Могао и Юйлинь и, опять же, портреты) может быть несостоятельно. Нельзя отрицать единичные случаи замен, но предложенные китайскими авторами источники имеют ряд особенностей (более подробно см. в

[57] Выделим декор: ранние версии были с высоким навершием и перьями, более поздние – декоративные, упор сделан на разнообразные нашивные украшения и маленькие перьевые композиции (но в случае с имеющимся археологическим предметом крепить их не на что – крышка у боктаг отсутствует).

[58] Самыми значимыми мастерами и художниками М.А. Неглинская называет Анико, непальца, 42 года работавшего при дворе Хубилая и Тэмура (с 1262 г.), параллельно с ним 21 год трудившегося Лю Гуань-дао (с 1279 г.) и Ли Сяо-яня, служившего Шидэбалу, Есун Тэмуру и Туг-Тэмуру.

параграфах 1.1 и 3.2). В-третьих, схема эволюции и таблица по высотам боктаг, возможно, не полностью объективна, так как в предложенных письменных источниках разброс высот имеет скачкообразный характер, а предложенная археология ограничена малой выборкой. Причем один предмет, вокруг которого строится вся работа, единичен, не имеет аналогов и не упоминается в источниках. По результатам наших исследований сложился подход, отличный от данной точки зрения, мы считаем, что каркас боктаг – сам по себе сложносоставной конструктор, требующий от мастера определенных навыков и опыта. Но конструкция «параболического убора» выводит сложность изготовления на совершенно новый уровень (даже если бы он изготавливался из бамбука, но Цзя Си Дзен утверждает, что этот убор изготовлен из бересты, что еще сложнее). Конечной точкой эволюции исследователем показан боктаг с портретов императриц, подразумевающийся как Y-образный, с пришитой жесткой шапочкой. И возникает ряд вопросов: Как много головных уборов типа ***А*** меняли конструкцию с капителеобразных на воронкообразные? Где археологические находки, подтверждающие это? Или вся эволюция боктаг – это новое конструктивное решение «жесткий полушлем»?. На последний вопрос ответить просто, за жесткие полусферические шапочки Цзя Си Дзеном и другими авторами были приняты верхние тканевые, имеющие различные «модели» и конфигурации кроя (но не имеющие внутри твердого каркаса) и отличающиеся по внешнему виду от всех исследованных ими ранее. На представленных Сун Цзянбинем 15 портретах императриц, три верхние шапочки выполнены из прозрачной ткани типа «органзы» или «газа» (Сун Цзянбинь, 2017. С. 5), что уже должно было сказать о тканевой основе, а не берестяной или бамбуковой. Если считать, что боктаг постепенно превращался из убора с глубокой семантической нагрузкой в просто сложно сконструированную «декоративную корону», то на такие изменения нужно не одно поколение, и это могло произойти в Северной Юань (1368–1691 гг.)[59], и, возможно, датировку воронкообразных боктаг необходимо

[59] В целом, мы согласны с теорией Цзя Си Дзэна, что с изменением и улучшением условий жизни, с переходом, так сказать, «из юрты во дворец», постепенно идет замена простого сложным. Возможно, какое-то

отодвинуть к XV в. и позднее, либо это головной убор произведен индивидуально на заказ и в археологии он больше не встретится.

Возвращаясь к теме преемственности боктаг в этнографии, исследователи, работающие с тематикой костюмных комплексов народов сопредельных монголам в более позднее время, строят предположения о преемственности некоторых элементов костюма, их семантике и сакральной функции, тянущейся со Средних веков (Дагданова, 2005. С. 213; Усова, 2012. С. 118–120; Галданова, 1992. С. 71–89 и т. д.). В. А. Кисель говорит о некоторых перешедших элементах из костюма ранних ираноязычных кочевников в этнографический костюм тюркских женщин. К примеру, саукеле – высокий конический головной убор и ближайшие ему аналоги – теке-берк (ногайцы), шокуло (киргизы), кашмау (татары и башкиры) берут свое начало от пазырыкских женских головных уборов и схожих аналогов. В свою очередь боктаг находится между этими крайними точками, схожесть прослеживается в вытянутой форме и обилии украшений. Автором проводится параллель и с головными уборами с территорий Северного Кавказа XV в. и России более позднего времени – чугул/курхас, кички, кибалки и т. д. (Кисель, 2018. С. 120–123). Ф. Ю. Канокова утверждает, что бытование теке-берк (козлиной шапки) ведется с XIV в. (Канокова, 2018. С. 36–37), т. е. можно предположить одновременное существование теке-берк и боктаг.

Что касается головного убора на Северном Кавказе начала XV в., в работе А. Г. Юрченко упоминается обычай абхазцев носить головной убор, похожий на «ступню ноги» (со ссылкой на Иоанна де Галонифонтибуса) (Юрченко, 2013. С. 167). Смеем предположить, что боктаг ещё продолжает существовать у некоторых народностей в XV в. В работах З. В. Доде также имеется тема преемственности боктаг, отмечается отсутствие в этнографии тюркских народов головного убора со сложной конструкцией верха («клюв» или «характерное

время в Северной Юань шло продолжение традиционного изготовления боктаг, но в последующее время ряд политических изменений (такие изменения быстро не происходят, на такую конструкцию должен измениться еще и взгляд традиционного монгольского общества) мог повлиять на изменение формы/силуэта. А после ряда внутренних противоречий, междоусобиц, войн, начала маньчжурского влияния и вхождения Северной Юань в состав империи Цин, к концу XVII в. боктаг полностью исчезает из костюмного комплекса монгольских замужних дам.

расширение»), но приводится пример Дешт-и Кыпчака, в котором не было принудительного искоренения монгольского костюма, и он постепенно трансформировался в национальный тюркский[60], с остроконечным головным убором (саукеле как один из примеров такого убора) (Доде, 2007. С. 348–350; Доде, 2008. С. 61–62). У З. В. Доде эта трансформация идет от конических головных уборов (Новопавловск, Джангар, Семенкин), но, как уже отмечалось нами ранее, эта форма у головных уборов идет от неверно интерпретированных археологических предметов.

В более поздних головных уборах киргизов, ногайцев, калмыков, татар и других тюркских народов можно найти точки соприкосновения в использованном материале (кора, войлок, шелк и пр.), в декоре, но форма и конструктивные решения у многих уборов разные и говорить о схожести с берестяным каркасом боктаг нам кажется неуместно. К примеру, курхас (он же чугул) (XVII–XIX вв.), носимый богатыми ингушками, внешним видом напоминал загнутый вперед рог. Л. П. Семенов полагает, что курхас по форме более приближен к фригийскому колпаку, нежели к саукеле (Семенов, 1959. С. 197–219).

В этнографическом костюме калмыков существовали разнообразные формы головных уборов. Замужние женщины носили хаджигал или халванг, имеющие круглую не очень высокую круглую тулью, объемный и четырехугольный верх, украшенный красными шнурами. Сказать, когда такие головные уборы вошли в употребление, нельзя, но ещё в XV в. калмыки начали выделять себя из общей массы монгольских племен красной кисточкой или красным верхом головного убора – улан-зал, на уровне закона Тогона-Тайши (Батырева, 2019. С. 66–68). Поздний костюм ногайцев освещен крайне мало, но путешественники в XVII в. обратили внимание на женский убор, подобный «округлой складчатой шапочке, обшитой монетами» (Трепавлов, 2016. С. 545).

Головные уборы замужних женщин восточных славян (кички, кибалки и пр.) по внешнему виду и конструкции полностью отличаются от

[60] Чертами соответствия названы многочисленные украшения и иногда пришивающиеся дополнительные элементы – налобник и назатыльник.

золотоордынских уборов. Рассматривая рогатый убор – кичку надо отметить, что он упоминается в документах первой половины XIV в. (Чесняк, 2014. С. 101–102) (Приложение Б, рисунки Б.18а, б, в).

Что же касается непосредственно китайского костюма, то для династии, свергнувшей Юань, искоренение монгольского влияния во всех сферах было первоочередным. Новая династия Мин (1368–1644 гг.) старалась вернуть костюм Танской культуры («следование принципам гармонии и соответствия»[61]), предшествующей династии Сун (960–1279 гг.). Такая политика, хоть и с некоторыми видоизменениями, была продолжена и в династии Цин (1644–1912 гг.), следующей после династии Мин. Новая династия отменила систему правил в костюме и тотально реформировала всю одежду. По указу 1368 г. в Китае «восстанавливаются одежда и головные уборы династии Тан» (Хэ Чжиюнь, 2011. С. 61–65) (Приложение Б, рисунок Б.19).

После свержения в Китае династия Юань продолжала еще существовать некоторое время как Северная Юань. В книге «Об обычаях севера»[62] упоминалась свадебная традиция надевания боктаг, и этот обычай существовал до конца XVI в. (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 80). Несмотря на более чем трехсотлетний период смуты (Гамбоев, 2014. С. 127–131), культурные традиции продолжали существовать и костюм сильно не менялся. Но с признанием циньского господства, скорее всего, происходит навязывание маньчжурских традиций и, возможно, идет смена костюмных комплексов, так как к XVIII–XIX вв. в этнографическом костюме монгол остались некоторые элементы (запах халата, некоторые орнаменты и т. д.), боктаг отсутствует. Лишь в последние десятилетия можно увидеть обращение современных монгол к стилизованному костюму XIII–XIV вв., в частности для театрализованных представлений, на национальных праздниках, показах мод и других общественно-культурных мероприятиях.

---

[61] При династии Тан (618–907 гг.) женщины весьма разнообразно украшали свои прически, таких сложных уборов типа «боктаг» не имели. В династии Сун такая традиция была сохранена.

[62] Книга написана при династии Мин.

3.2 Ювелирные украшения и тканевые элементы боктаг

Головной убор замужней дамы – один из важных составляющих средневекового костюма, обладающий социальными, символическими, семиотическими свойствами, как любой важный компонент, помимо основной конструкции и семантики, включал в себя и декоративные элементы. Головной убор украшался жемчугом, бисером, множеством нашивных украшений разных форм, выполненных в различных техниках, амулетами, навершиями под перьевую систему, перьями и дополнялся тканевыми шапочками.

З. В. Доде отмечает, что основной декор боктаг – жемчуг. Жемчужными композициями украшались – стык шапочки и колонны, боковая сторона крышечки, задняя часть ствола, ленты (Доде, 2008. С. 52–63). Это украшение было распространено в Китае при династии Юань, его видно на парадных портретах императриц (Wang Yao-t'ing, 2005. С. 298–411), а также на головном уборе из коллекции Фонда Марджани (Приложение Б, рисунки Б.2г, Б.15а, б, Б.26б, в) (Горелик, 2014. С. 75–262). Письменные источники подтверждают массовое использование жемчуга в украшении боктаг, в «Юн-лэ да-дань» упоминается не только материал изготовления, категории головных уборов, украшения, но и узорчатая вышивка, выполненная жемчугом[63] (Полное описание…, 1975. С. 286). В Юань-ши указываются пять мест жемчужного производства в Китае, а также жемчуг «привезенный в качестве дани», который был разных форм и размеров (Су Донг, 2001. С. 99; Цзя Си Цзэн, 2011. С. 94). Томас Оллсен (со ссылкой на Клавихо) считал, что апогеем «высокой и нерациональной моды» украшения боктаг стал двор Тимуридов, а головной убор жены Тимура он назвал «крайней формой» излишней конструкции и декора (Allsen, 2019. С. 81). Украшение жемчугом не только боктаг, но и навершия под перьевую систему было достаточно распространено на территории Золотой Орды.

[63] «Её переднюю часть украшают крупными жемчужинами, уложенными в виде драконов, фениксов, домов, башен и пр. Швы на ней закрывают ещё длинными связками жемчужин… ».

Подтверждением могут служить головные уборы: погребение 51 могильника Маячный Бугор II – на деревянном прутике длиной 11–12 см с помощью медной проволоки и речного жемчужного бисера имитировались веточки (Котеньков, 2011. С. 200–205); погребение 1 могильника Царев 61 – сохранилась часть деревянного навершия с проволочками-основами для нанизывания бисера (Мыськов, 2015, С. 310–312); проволочные треугольные украшения из бусин и бисера в Солодовке I курган 8 погребение 2 (Глухов, 2003. С. 32–35) (Приложение Б, рисунок Б.20г). Однако, как правило, в погребении встречались лишь россыпь жемчуга, располагающегося в местах бывшего украшения, по которой сложно определить и идентифицировать сущность орнамента.

Нередко в погребениях в районе расположения головного убора можно встретить раковину каури, которая выступала больше как амулет, чем украшение. По мнению С. В. Иванова, это некий колдовской предмет, предохраняющий от вредного начала, «сглаза», болезни, ран и т. д. (Иванов, 1977. С. 80–89). Но попадаются памятники с большим количеством нашитых на головной убор раковин, причем их количество колеблется от двух/трёх до десятков: Семенкин курган 28 погребение 1 – пришиты две раковины; по три раковины в Бозоксоне погребение 2 и Боз-Адыре курган 10; Малиновский I погребение 1 – на ствол каркаса нашито семь каури. В неизвестном погребении в ущелье Кырчын в Киргизии был найден головной убор, полностью обшитый каури по верхнему краю крышки капители (Приложение Б, рисунок Б.14а). Возникает вопрос, большое количество ракушек – это амулет или всё-таки украшение?

Дорогим декоративным украшением головного убора считается подвеска-амулетница[64]. В погребениях она встречается часто в единичном экземпляре, реже парой (Приложение Б, рисунок Б.21). Такие украшения, как правило, выполнены из драгоценных металлов (часто в комбинации с деревом, костью, стеклом, камнем, реже это моно-материал – стекло, нефрит и др.), сложно орнаментированы, со вставками из стекла и драгоценных камней, различных

[64] Филактерия, тумар и др.

форм и методов крепления, иногда они бывают полыми внутри и предназначены для хранения текстов молитв или других предметов (Доде, 2008. С. 52–63). Самая распространенная форма у таких украшений – цилиндрическая, круглая или овальная в сечении, с одной, двумя или тремя петельками для крепления.

Примером могут служить классические полые амулетницы: две – у боктаг, хранящегося в Фонде Марджани, с гравировкой листьев и травы в традиционной китайской стилистике и двумя петельками для подвешивания (Горелик, 2010. С. 16–79); в погребении 2 могильника Дядьковский 45 амулетница овальной в сечении формы из дерева и, предположительно, серебра, основная часть выполнена из дерева, боковые части узорчато декорированы серебром (Макласова, 2020. С. 162–163); амулетница Башкир-Беркутовского могильника кургана 2 имела нетипичную форму для подвешивания[65] (Макласова, 2021. С. 269–271). В фондах ВОКМ хранятся 26 разноплановых амулетниц, преимущественно найденных на/около головного убора, выполненных из разных материалов, цилиндрической или прямоугольной формы, в сечении круглых, овальных, шестигранных, украшенных накладками, вставками, узорными тканями[66], и плоские (пластины-подвески[67]). А. В. Ситников называет их предметами-оберегами, с семантической нагрузкой (на материал, форму и орнамент), восходящей к древним верованиям и символизму, что помогает понять некоторые черты религиозных представлений средневекового кочевого общества. Но, он считает, что с принятием Ислама изменяется их предназначение, и из предмета культа амулетницы превращаются в просто футляры для хранения молитв (по аналогам в Средней Азии) (Круглов, 2001. С. 10). В СОМК хранится полая амулетница, выполненная в виде цилиндра из серебра со штампованным растительным орнаментом[68]. Сложная подвеска украшала боктаг из погребения 1

[65] Амулетница представлена основой скрученного в цилиндр листа бронзы, с внутренними трапециевидными деревянными вставками, погруженными с обеих сторон заподлицо, зафиксированными гвоздями с проушинами (согнутыми из тонкой полоски) без использования пайки, по краям амулетницы находились две бусины (кабошоны), крепящиеся в оправки.

[66] Некоторые предметы, представленные в каталоге: ВОКМ, инв. № 22200/8 (кат. 66); ВОКМ, инв. № 12005 (кат. 67, ил. XXVI); ВОКМ, инв. № 27400/18 (кат. 68, ил. XIX); ВОКМ, инв. № 27191/7 (кат. 95, ил. XVI); ВОКМ, инв. № 14955 (кат. 96); ВОКМ, инв. № 14927 (кат. 97) (Круглов, 2001. С. 16–18, 29, 31).

[67] Преимущественно квадратной формы, выполненных из метала, с парой петелек для подвешивания, с чеканным или гравированным растительным, геометрическим орнаментом (иногда могут крепиться на берестяную основу или иметь инкрустации и вставки).

[68] Место хранения СОМК КП СМК 59050, инв. № ДРП 336.

мавзолея городища Увек – золотая, с чеканным растительным узором и вставкой в центре, битрапециевидной формы с рельефными выступами по центральному кругу (Кубанкин, 2006. С. 190–213). Амулетница, найденная на городище Красный Яр, выполнена из золота с гравировкой двух ланей у цветущего дерева (Юрченко, 2013. С. 406).

В 2007 г. около с. Ак-Бешим Республики Кыргызстан был найден клад с ювелирными изделиями, датированными серединой XIV в. Среди украшений и подвесок разных форм и размеров имелось два амулета, возможно, украшавших головной убор. Один был плоской прямоугольной формы, выполненный из нефрита, с растительным орнаментом и отверстиями для крепления. Другой – в виде шестигранного стержня, выполненного из перламутра, с тремя круглыми серебряными оправками с растительным орнаментом и тремя петельками для подвешивания (Башкова, 2009. С. 48–52).

Внимания заслуживают украшения из семейной гробницы Ван Шисянь, расположенной в провинции Ганьсу, КНР. Очень много золотых разноплановых украшений находилось в могиле 22, в том числе две схожих амулетницы на металлической основе, к которой с краев прикреплены две золотые оправки, на обоих предметах одинаковая гравировка облаков с цветами (но на одной узор более деликатный и аккуратный). В погребении 1 находилась золотая минималистичная амулетница, а в погребении 4 – наоборот, со сложным цветочным орнаментом в технике филигрань (Исследования …, 2017. С. 178, 270, 279–280) (Приложение Б, рисунок Б.21).

Подробный анализ амулетниц можно найти в работе Е.П. Мыськова, где автор приводит 38 типов и на этом строит типологию. Основная суть – это деление на отделы и типы по материалу, технике и способу крепления. По Е.П. Мыськову амулетницы делятся на пять типов – металлические, деревянные или берестяные, каменные, стеклянные и костяные. Внутри типов они делятся на пустотелые, плоские полу-призматические, цилиндрические, квадратные, прямоугольные, с металлическими оправками и без, с двумя–тремя петельками для подвешивания, с орнаментом и без (Мыськов, 2015. С. 175–182). В работе

Р.Р. Каримовой также приводится типология подвесок и амулетов, разделенная на две группы – металлические и стеклянные, с делением внутри по форме, технологическим нюансам и количеством петелек (Каримова, 2013. С. 51–53). Систематизацию некоторых нашивных украшений можно встретить в работе С.С. Рябцевой, где достаточно подробно анализируется процесс изготовления сложных ажурных нашивок (Рябцева, 2019. С. 291–296).

Головные уборы знатных монголок украшались нашивками, выполненными из простых и драгоценных материалов в сложных ювелирных техниках. Их можно поделить по месту расположения – на берестяном каркасе и лентах нижней шапочки. На Болгарском городище были случайно найдены пять небольших золотых нашивок (две нашивки размером 2 × 2,2 см, три нашивки диаметром 2,6 см), выполненных в технике филигрань и датированных 2 пол. XII–XIV вв. Две схожие ажурные нашивки в форме лотоса, с отверстиями для пришивания, в центре имели круглые «гнёзда» для крепления жемчуга[69]. Три нашивки были выполнены в виде цветочной многолепестковой розетки, с местом для крепления жемчуга в центре. Лепестки имели сердцевидную форму и располагались разными сторонами к центру[70] (Руденко, 2015. С. 455). Такие нашивки, по мнению К.А. Руденко, являются нововведением в ювелирном булгарском искусстве, пришедшем на смену местным традициям. Такая замена заимствованными формами и приемами требовалась унификацией всех элементов костюма в монгольском государстве (Руденко, 2018. С. 119–121). Еще Г.А. Федоров-Давыдов отметил буйство декора и форм, совмещение золотоордынского и среднеазиатского стилей в ювелирном искусстве (бухарский клад и клад Джукетау представлены схожими сложнейшими сочетаниями филиграни, зерни и скани) (Федоров-Давыдов, 1976. С. 185–186, 206–208).

Украшения в виде пятиконечной звезды из золота, выполненные в технике зернь и скань, найдены в кургане 3 у с. Молчановка И.В. Синициным в 1955 г. (Федоров-Давыдов, 1976. С. 207; Юрченко, 2013. С. 402–403). Боктаг и нижнюю

[69] НМ РТ инв. № 12461,12466.
[70] НМ РТ инв. № 12465 а, б, в.

шапочку из могильника Новопавловска украшали ромбические золотые, с зернью и сканью нашивки (Охонько, 2010. С. 88–96). Аналогами данного украшения можно считать ромбические нашивки из клада «Брик-Алгинское местонахождение» (Гарустович, 2011. С. 33–42), выполненные из золота в технике филигрань, с жемчужными вставками (жемчуг не сохранился). В Астраханском музее-заповеднике хранятся золотые фигурные двухстворчатые нашивки с декоративными отверстиями и выемками (Пилипенко, 2019. С. 46–47). Не менее красива бронзовая ажурная нашивка XIV в., со вставками жемчуга и бирюзы из коллекции ВОКМ, найденная В.М. Клепиковым в 1989 г. в могильнике Шляховской курган 2 погребении 1 (Юрченко, 2013. С. 362). Схожие нашивки найдены на территории современной Монголии, в Онгон суме Сухе-Баторского аймака в погребении 5 могильника Таван Толгой – шестилепестковая (три – в форме сердца, три – листовидные) золотая с филигранью, сканью и вставками. Похожая нашивка, но с другой конфигурацией лепестков найдена в Хотон суме аймака Архангай в погребении 8 могильника Хулхийн ам. В каталоге музея Метрополитен представлена золотая филигранная нашивка из юаньской гробницы в виде пяти кругов, расположенных крестообразно и окруженных 8-ю каплеобразными элементами (Watt, 2010. P.82) (Приложение Б, рисунок Б.22). Простая по форме нашивка была прикреплена на боктаг, хранящийся в Фонде Марджани, это круглый диск с орнаментом цветов, листьев и травы, выполненный зернью, в центре – инкрустация бирюзой (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 91).

Выделяется необычное бронзовое нашивное украшение с передней планки капители в виде дерева с ветками (или ветки с листьями), найденное в погребении 4 долины Баянгол, Хутаг Ундер сума аймака Булган, расположенного на территории современной Монголии[71] (Монголын …, 2016. С. 245–246, 257).

[71] Объемная, слегка деформированная композиция из спирально скрученных проволочных элементов, выполненных в технике очень похожей на квиллинг. На тонком, обмотанном нитками (?) стержне крепятся завитки и листовидные фигуры открытых и закрытых форм (приблизительный размер украшения 7 × 6 см). Центральная часть композиции представлена крупной круглой розеткой, выполненной из множества (36 и более) небольших завитков, расположенных спиралевидно, в два ряда вокруг большего центрального. Над ней расположена маленькая розетка, выполненная из пяти разно размерных завитков. Вокруг центральных элементов находится 10 листовидных фигур на длинных крученых «ветках», крепящихся на основном стержне.

Золотая «брошь» со сканью, зернью, филигранью, чеканкой и гравировкой (с инкрустацией горным хрусталем), найденная в 1902 г. в кладе у г. Шахрисабза, на территории современного Узбекистана, и хранящаяся в Эрмитаже (Горелик, 2010. С. 73), схожа в стилистике с нашивкой из Астраханского музея-заповедника, такие украшения боктаг можно увидеть на парадных портретах императриц династии Юань. Одна из самых необычных нашивок найдена в погребении 22 гробницы семьи Ван Шисянь, расположенной в провинции Ганьсу КНР. Объемная, отлитая из бронзы в виде двух перекрещенных ваджр[72], с инкрустацией жемчужиной в центре (Исследования …, 2017. С. 209) (Приложение Б, рисунок Б.16а).

Помимо металлических нашивок и амулетов разных конфигураций, на исследуемых территориях встречаются более простые, круглые и ромбические, выполненные из бересты, их обшивали тканью и украшали бисерной вышивкой. Среди археологических находок такие украшения можно встретить в могильниках Солодовка I курган 8 погребение 2, Царев 61 погребение 1 (Мыськов, 2015. С. 484), Кудыргэ погребение 17 (Гаврилова, 1965. С. 44–45), Чандаган погребение 2 (Erdenebat, 2009. С. 173–174), Орхон 1 погребение 1 (Пилипенко, 2020. С. 116–117) и др. (Приложение Б, рисунки Б.23, Б.17г, Б.26б, в). Однако иногда ткань и берестяная основа нашивок не сохраняются, и о наличии данной шапочки в погребении может сказать только характерно расположенный бисер у головы (Хасенова, 2011, С. 448; Макласова, 2020. С. 159–168).

В ряду украшений боктаг выделяются так называемые «очелья»/«венчики», встречающиеся в памятниках Алтая на территории России, в Монголии, Киргизии. Большие, металлические, слегка изогнутые пластины, с фигурными краями, орнаментированные, нашивающиеся на верхние шапочки или крепившиеся к стволу боктаг: Кудыргэ (серебряное, тисненое растительным орнаментом); Усть-Алейка (составное, фигурное, с частично сохранившейся пластинкой фиксации); Таван Толгой (серебряное, с гладкими краями,

[72] В буддизме символ «ваджраа» – неотъемлемый элемент ритуалов, означающий несокрушимость буддийского учения.

гравированным рисунком и отверстиями для пришивания по краям) и др., (Тишкин, 2007. С. 155–160; Пилипенко, 2020. С. 113–115; Эрдэнэбат, 2009. С. 107) (Приложение Б, рисунок Б.24).

Одно из самых больших и видных украшений боктаг – навершие под перьевую систему, выполненное из различных материалов и форм. «翎子» – плюмаж, упоминается в «Мэн-да Бэй-лу», о нем говорит Пэн Да-я, изображение можно встретить на картинах и портретах императриц Китая при династии Юань (Су Донг, 2001. С. 99; Горелик, 2010. С. 16–79; Watt, 2010. P. 82–83). Такое навершие, по мнению И. С. Котенькова, олицетворяет «мировое дерево» Байтерек – космогонический символ в мифологии монгол, кыпчаков и сопредельных им племён (Котеньков, 2011. С. 200–205). Обычно, если оно выполнено из метала, форма навершия будет в виде полого вытянутого прутика с небольшими расширениями с концов. Пример – серебряное навершие из Аксеновского могильника, хранящееся в Астраханском музее-заповеднике, размером 26 × 13,5 см, высота сохранившегося вертикального стержня 5,5 см, (Юрченко, 2012. С. 432; Пилипенко, 2012. С. 432). Если навершие деревянное, то трубочка не до конца полая, а только в верхней части, для крепления перьевой системы. Низ наверший обычно выполнен в виде розетки с растительным орнаментом и лучами перекрестья, для крепления к крышке капители боктаг.

В мавзолее Увека в погребении 1 было найдено односоставное деревянное позолоченное навершие, по описанию украшенное листочками из серебряной проволоки, обвитой зеленым шелком с бисерным жемчугом[73] (Кротков, 1915. С. 111–133). В могильнике Бахтияровка II курган 5 погребение 1 головной убор украшало изящное деревянное навершие с проволочными веточками и декоративными цветами из кожи (Мыськов, 2015. С. 359). Подобные перечисленным украшениям артефакты можно найти в могильниках: Маячный Бугор I погребение 106; Царев 61; Бахтияровка III курган 137 погребение 1. Разница между ними только в размере, форме розетки и декоративном решении лепестков (Мыськов, 2015. С. 484).

[73] На сегодняшний день сохранился передний луч перекрестья во фрагментах и прутик.

В отличие от изящных Поволжских наверший, бронзовое украшение, найденное в Монголии (погребение 4 долины Баянгол Хутаг Ундер сума аймака Булган) отличается объемом и оригинальностью декора[74] (Монголын …, 2016. С. 256) (Приложение Б, рисунок Б.16б). Заслуживает внимания навершие из Брик-Алгинского клада с нетипичной формой и исполнением. Г.Н. Гарустович предполагал, что это украшение боктаг (Гарустович, 2011. С. 36, 41). Навершие выглядит как сложная конструкция из полого кружевного «желудя» с тремя прорезными бусинами, соединенными с помощью четырех лучей крученой проволоки, с подвесками в виде листочков на концах, в центре – украшения хрустальная вставка. Особо хотелось бы обратить внимание на навершие из курганного могильника Дядьковский 45, ранее введенное нами в научный оборот. Украшение изготовлено из метала, напоминает находку из Аксеновского могильника, выглядит как перекрестье в форме вытянутых узких лепестков с различной шириной с трапециевидным стержнем. В погребении у навершия располагалась концентрация мелкого жемчуга, однако сказать, какого рода был декор из него на данный момент не представляется возможным (Макласова, 2020. С. 159–168) (Приложение Б, рисунок Б.25). Китайский исследователь Цзя Си Цзэн описывает деревянное навершие сложной конструкции с боктаг, найденного в районе древнего г. Дурбут и хранящегося в Музее Внутренней Монголии, а также проводит анализ по перьевой системе, украшающей такого рода навершия.

Перья выбирались большие (павлиньи) и маленькие (зимородка, хвостовое оперенье дикой утки), большие служили как бы центром композиции, маленькие окрашивали в разные цвета, делали «цветочные композиции», обрамляющие основное перо. Ещё Цзя Си Цзэн утверждает, что со временем перьевые украшения перестали использовать или заменяли композициями, описанными

[74] Фрагмент навершия найден в том же погребении, где и описанная несколько выше нашивка (погребение 4 долина Баянгол, Хутаг Ундер сум аймака Булган, Монголия). Техника изготовления аналогичная, размер фрагмента не известен. Вертикальный деревянный (?) прутик плотно обмотан шелковыми нитками (бахрома от которых торчит в верхнем обломанном крае). Объемная композиция состоит из четырех круговых элементов. Нижний элемент состоит из четырех чередующихся рядов – две круговые спирали, два ряда спиралевидных завитков. Второй элемент состоит из двух (?) цветков (вокруг круглого спиралевидного завитка расположено девять маленьких завитков-лепестков), между которыми расположены фигуры разных размеров в виде закрученных волн или облаков, на самых крупных сохранились висячие элементы – «кисточки». 2-й и 3-й ряды выполнены аналогичным образом.

выше, и небольшими драгоценными навершиями без перьевой системы. Это происходило из-за улучшающихся условий быта (как пример приводятся фрески из пещер Могао (в частности, 332 пещеры[75]), картины и гобелен с императрицами Китая при династии Юань, но на картинах перья на головных уборах обрезаны (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 81–83).

Обязательным сопутствующим атрибутом в боктаг шли нижняя и верхняя мягкие шапочки. В ходе археологических работ их находят в очень плохой сохранности. В основном до нас доходят фрагменты, требующие реставрации, иногда остаются только нашивные украшения, по которым можно предположить наличие этого убора (Макласова, 2020. С. 159–168). Отличие между верхней и нижней шапочками в том, что нижняя надевалась только под боктаг, и предназначалась, помимо декоративной цели, для смягчения давления нижнего края каркаса на темечко, а верхняя украшала и защищала от погодных условий.

Нижние шапочки обычно классической усеченно-конусовидной формы, с круглым отверстием в центре, с назатыльником, завязками и нашивками. Яркими примерами нижних шапочек можно назвать: головной убор из могильника Тингутинский I (Доде, 2018. С. 331–346); из собрания коллекции Фонда Марджани[76]; Музея Исламского искусства г. Доха, Катар (Горелик, 2014. С. 151, 154) (Приложение Б, рисунок Б.26). Их аналоги можно увидеть на парадных портретах императриц династии Юань (Watt, 2010. С. 342). В основном нижние шапочки выполнялись из разнообразных шелковых тканей. Ленты с таких шапочек украшали нашивками, чаще всего берестяными, ромбовидной или круглой формы, обшитой шелком и жемчужным бисером (реже из драгоценных металлов с инкрустацией). В 2022 г. в скальном захоронении Цамбагарав Хайрхан, аймака Ховд в Монголии, была обнаружена шапочка, отличающаяся по крою от ранее нами изученных. В нижней части её форма более «анатомичная», прилегающая к верхней части лба и темечку, а небольшая «коническая» часть

[75] На фреске изображены две женщины в боктаг, на крышках капителей не видно перьевой системы, но просматриваются навершия и возникает вопрос «Возможно, это похоронная процессия?» И тогда, согласно традиции, мужчины и женщины снимали перьевые системы с головных уборов.

[76] М.В. Горелик уточнил, что диаметр внутреннего отверстия нижней шапочки у боктаг Марджани совпадал с диаметром ствола, и эта шапочка была пришита к стволу, наподобие фески (Горелик, 2014. С. 87).

уходит полностью под берестяной каркас (Приложение Б, рисунок Б.26г). Она была выполнена из темно-зеленой шерстяной ткани с белой подкладкой и красными шелковыми лентами, на которых сохранились следы от нашивных украшений (Tumur-Ochir B., 2023. С. 57–60). Такое отличие формы от конусовидно-усеченной в сторону «фигурного» кроя показывает разные подходы к изготовлению подобных уборов, и в дальнейшем мы ожидаем появления ещё подобных находок.

Верхние мягкие шапочки, на основе коллекции собрания ВОКМ, ранее были проанализированы Е.П. Мыськовым (Мыськов, 2015. С. 198). Такие шапочки он называет шапками-колпаками и считает, что все они близки по форме и системе кроя, хотя отличаются друг от друга размерами и некоторыми конструктивными деталями. Они изготовлены из золототканой парчи с геометрическим, растительным, растительно-геометрическим или растительно-зооморфным орнаментом и, как правило, снабжены подкладкой из тонкой шелковой ткани (зимой они могут подбиваться короткошерстным мехом – соболиным, горностая и т. д.). Как писал Евгений Павлович, их форма стандартна, т. е. верх закрывал лоб, макушку и затылок, боковые стороны имели вид длинных фигурных наушников, которые могли закрывать щеки и скулы или ниспадать на плечи и грудь; задняя часть, прикрывающая плечи и верхнюю часть спины, была выполнена в виде короткого башлыка, она могла сшиваться или завязываться лентами. В холодное время года наушники стягивались под подбородком при помощи специальных завязок из тесьмы, а летом подворачивались и крепились за спиной этими же завязками. Все шапки сшиты одинаково. Передняя часть изготовлена из двух симметричных половин, а задняя может быть набрана из мелких лоскутков различных размеров и конфигурации (Мыськов, 1995. С. 36–43).

Примеры таких шапок можно встретить в кургане 64 погребения 1 могильника Царев[77], в разрушенном погребении у х. Демочкина, в могильнике Бахтияровка курган 2, 6, 12 и 70 (Лисицын, 1967, С. 3–4, 8, 11; Мыськов, 2015.

[77] Причем в данном погребении сохранились две мягкие шапочки из узорчатой золототканой ткани, одна лежала у левого плеча, по форме напоминала шапочку с длинными фигурными наушниками и раструбом под ствол боктаг, другая закрывала лицо погребенной и по форме напоминала шапку-башлык (Мыськов, 1989. С. 30–32).

С. 312–313), в собрании Фонда Марджани, в китайском Музее шелка г. Ханьчжоу (Горелик, 2014. С. 161–172) ((Приложение Б, рисунки Б.27а, б, в, г, д). Единственная в своем роде шапочка, найденная в погребении 4 гробницы семьи Вань и хранящаяся в провинциальном музее г. Ганьсу КНР, не раз становилась объектом пристального внимания. Во-первых, уже долгое время ряд ученых считают, что это «нагрудник» или нижнее бельё типа лифчика девочки-подростка (размер изделия 26 × 30 см). К примеру, китайские исследователи Чжу Чжунси и Чжан Лишен в своих работах упор делают на использование шелка и методы его производства при династии Юань, его семантические и символические свойства, а также на взаимодействие культур, отраженных в предметах искусства. В анализе так называемого «нагрудника» можно увидеть короткое описание конструкции (корсет/жилет, имеет разрез спереди, девять пуговиц, две пары лент-завязок и фигурно оформленный низ), перечисление тканей (золототканая узорчатая парча «насидж», бурая льняная подкладка) и попытку понять принцип ношения. Более детально рассматривается цветочный орнамент «бао-сян»[78]. Но в работе Чжан Лишена упоминается ряд китайских ученых, рассматривающих это изделие как часть гу-гу гуань (т. е. боктаг), имеющего высокую исследовательскую ценность (Исследования …, 2017. С. 297–300). Мы согласны с умозаключениями этих ученых и считаем данный «нагрудник» одной из разновидностей верхних шапочек, которые можно увидеть на трех (из 15) портретах императриц Китая при династии Юань. Конфигурация кроя, некоторые ткани, использованные для изготовления – в ней многое отличается от представленных выше шапок. В данном уборе было использовано четыре вида тканей: основная парчовая, подкладочная льняная (что не типично), однотонный полотняный шелк для лент и ткань типа «органзы» с несохранившейся передней части шапочки (которую видно на императорских портретах (Приложение Б, рисунок Б.2г)). Отсутствие именно этого фрагмента ткани и прямые линии швов соединения, по-видимому, ввели реставраторов в заблуждение, и была выдвинута теория о нижнем белье. Но если отпороть неправильно пришитые реставраторами ленты и согнуть шапочку

[78] Такая орнаментация на изделиях является пожеланием сохранности, покоя и доброго предзнаменования.

по заднему шву с пуговицами, можно увидеть форму, подобную убору из Фонда Марджани с фигурными наушниками (Приложение Б, рисунки Б.27з, Б.17б).

В мавзолее Болган Ана Республики Казахстан была найдена верхняя шапочка из шелковой узорчатой ткани красного цвета, впоследствии отреставрированная Т.Н. Крупой. Это довольно большой головной убор, с высоким подъемом на ствол боктаг, тремя парами завязок, прямоугольными задними наушниками и частично сохранившимися передними (Пилипенко, 2021. С. 259–263). В собрании Музея Исламского искусства г. Доха в Катаре хранится ещё один головной убор мягкой конструкции, он представляет собой сложно скроенный убор с высоким подъемом под ствол боктаг (с сохранившимися завязками), выполненный из узорчатого шелка с декоративной каймой. Предмет без истории, археологических аналогов пока не найдено, единственное подтверждение найдено на картине «番骑图»[79], где две женщины изображены в похожих головных уборах; так как сюжет нарисован в зимних тонах, такой головной убор, скорее всего, предназначался для холодного времени года (Приложение Б, рисунки Б.27е, ж). Очень смущает датировка и место хранения предмета. В работе М.В. Горелика датировка установлена в рамках X–XI вв. (эпоха пяти династий и девяти царств), а место хранения – Национальный дворцовый музей Тайбея (Горелик, 2010. С. 40; Горелик, 2014. С. 83). С датой «Пяти династий» согласен и китайский исследователь Цзя Си Цзэн (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 88). Другой китайский автор, Ду Вэнь, утверждает, что картина хранится в коллекции Пекинского музея, и ряд исследователей (по стихотворениям, печатям, надписям и изображению боктаг) относят полотно к династии Юань, причем головной убор – это основной критерий утверждения. Ду Вэнь говорит (со ссылкой на Чжоу Сибао) о распространении боктаг на Центральных равнинах Китая, но южные регионы, с правого берега Янцзы, с подобным головным убором

[79] «Фан ци ту» – точного перевода фраза не имеет, однако, 番 скорее всего, относится к 番族 – fanzu – одному из национальных меньшинств (название при эпохи Цин (1636–1911 гг.)), 骑 – вероятно, здесь переводится как «наездник», 图 – картина, изображение.

не знакомы[80] (Ду Вэнь, 2015. С. 48) Попытка «анализа» крепления боктаг (распространённых на территории Китая и Внутренней Монголии) на голове с помощью шапочек предпринята Цзя Си Цзеном (Цзя Си Цзен, 2011. С. 88–89), но, возможно, предложенный им способ идет от непонимания конструкции боктаг в династии Юань, так как предоставленный единственный археологический пример имеет смутную «легенду», и скорее всего, неправильную датировку.

Еще одна верхняя шапочка, с «утерянной» историей раскопок, хранится в коллекции «Древний 116»[81] Музея этнического костюма Пекинского института моды (на базе которого она была реставрирована в 2016 г.). Шапочка выполнена из золототканой узорчатой парчи, по форме кроя аналогична верхней шапочке, хранящейся в Фонде Марджани (только без бисерной вышивки, закрывающей передний шов соединения) (Приложение Б, рисунки Б.17б, Б.20а), имеет схожие фигурные края наушников, две пары лент-завязок, восемь пуговок, выполненных из той же ткани, что и основной убор, однотонную шелковую подкладку полотняного переплетения. Сун Цзянбинь подробно описывает мотив, композицию, семантические и символические свойства узора «Луань и феникс в цветах», а также анализирует текстиль и различия в технологиях изготовления золоченых нитей. Датировка – середина XIII в. – установлена сотрудником Пекинского института моды (Сун Цзянбинь, 2017. С. 1–3, 8–15).

Обобщая материал по украшениям и сопутствующим элементам, можно сказать о большом разнообразии ювелирных изделий, материалов и техник исполнения. Но в то же время наблюдается некая схожесть форм, что дает возможность исследователям их классифицировать. Не стоит забывать о том, что все элементы в средневековом кочевом обществе несли в себе, помимо декоративной функции, еще социальную и сакральную.

---

[80] Цзя Си Цзэн говорит о том же: «Женщины Хуэй носят боктаг, но на юге женщины Хань не носят» (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 85).

[81] № MFB 003948.

3.3 Исследование и интерпретация деталей и форм боктаг

Ранее уже говорилось, что проблема органики в её сохранности, но перед исследователями часто встает еще одна проблема – интерпретация имеющегося материала. Берестяной каркас боктаг в некоторых случаях состоит из множества деталей, сохранность мелких элементов всегда плохая в силу размера, неблагоприятной среды и неправильного хранения, поэтому понять, где и какие детали утрачены, весьма сложно. Для исследования была произведена выборка спорных, по нашему мнению, головных уборов, конечной целью которой является анализ проблемы, поиск решения и ее реализация, в которой мы представим своё видение с частично или полностью измененным пониманием конструкции. Рассмотрим вопрос разности восприятия некоторых конструктивных особенностей на примере выбранных дискуссионных памятников. Еще один вопрос, возникающий при исследовании отечественной и зарубежной литературы, – это сравнение боктаг с «сапожком» и «птицей». Постараемся разобраться, откуда такие сравнения берутся.

Головной убор, найденный на территории могильника Телеутский Взвоз I курган 9, расположенного в Павловском районе Алтайского края Российской Федерации. Данный головной убор заинтересовал после публикаций З.В. Доде (Доде, 2008. С. 52–63) и С.А. Пилипенко (Пилипенко, 2013. С. 84–87), который интерпретировал один головной убор как два совершенно разных боктаг: с воронкообразным расширением и трубкой ствола (Пилипенко, 2003. С. 156–162) и боктаг сложной конструкции (Тишкин, 2016. С. 20–24). Тема интерпретации всегда дискуссионная, так как иногда ведет к ошибочным выводам, появлению новых типов. Впоследствии была выполнена графическая реконструкция и попытка собрать головные уборы в натуральную величину (там же) (Тишкин, 2003. С. 233; Пилипенко, 2013. С. 84; Тишкин, 2016. С. 20–22). По мнению С.А. Пилипенко, самый простой боктаг состоял из двух деталей и имел внутренний каркас из лозы. Второй головной убор состоял из 11 частей и имел сложную, поэтапную систему сборки и внутренний каркас.

По результатам наших исследований сложился иной подход в анализе сохранившихся деталей каркаса, отличный от предложенного С.А. Пилипенко, нами предложен собственный подход в выявлении правильной конструкции данного боктаг. Тщательно изучив все фотографии с деталями головного убора, мы выявили сложную конструкцию, её особенности и этапность сборки каркаса. К стволу из двухслойной бересты с обеих сторон крепились детали конструкции (помимо этого, боктаг изнутри имел усиливающий каркас из лозы). Воронкообразное двухслойное расширение – «воронка» – пришивалось у основания ствола, для более плотного прилегания и фиксации на голове. Капитель состояла из четырех парных деталей и крышки – передняя и задняя части капители скреплялись с боковыми наклонными полосами и сшивались с верхним срезом ствола. К капители сверху прикреплялись фигурные боковые пластинки, служившие дополнительной фиксацией боковых полос и крышки и декоративным мотивом. Крышка пришивалась к капители последней. После тщательного анализа была произведена реконструкция объекта исследования, и надо говорить об одном головном уборе сложной конструкции, состоящем из 13 частей (Приложение А, таблица А.12).

С.А. Пилипенко сравнивал свои реконструкции со схожими головными уборами из могильников Ближние Елбаны-VI, Басандайк и Телеутский Взвоз I (Пилипенко, 2013. С. 84–87; Тишкин, 2009. С. 59–60; Грязнов, 1951. С. 105–113) которые назвал «томско-алтайской разновидностью» (Тишкин, 2016. С. 20–24). Но проведенный анализ и реконструкция показали, что конусовидное расширение является основанием боктаг сложной конструкции, а не навершием, что поставило под сомнение правильность интерпретации конструкции головных уборов из могильников Ближние Елбаны-VI и Басандайк. Потребовался пересмотр теории о конусовидном навершии и существовании отдельного типа боктаг «томско-алтайской разновидности». В последующих публикациях С. А. Пилипенко эта теория была пересмотрена и представлена конструкция, выявленная нами до этого (Макласова, 2017, С. 130–135; Пилипенко, 2019. С. 225–231; Пилипенко, 2019. С. 42–52; Тишкин, 2020. С. 107–118).

Головной убор, найденный на территории могильника Дядьковский 45 погребение 1, расположенного в Кореновском районе Краснодарского края Российской Федерации. Данный памятник попал в эту главу по причине полностью утраченного берестяного каркаса боктаг, но несмотря на это удалось установить, какого типа была конструкция по сохранившемуся навершию под перьевую систему. Согласно отчету, сохранившиеся части головного убора лежали к северу от черепа: мелкий жемчуг, основа для перьевой системы, раковина каури, три маленьких фрагмента бересты (размером от 1 до 3 см в длину и 1 см в высоту) с парчовой тканью и фрагментами газа (плохой сохранности). Так как от головы до стенки гроба расстояние не более 15 см, а подобные боктаг по всем археологическим данным, со всей системой украшений, высотой не менее 30 см, то головной убор, скорее всего, был снят и положен поперек, выше погребенной. Данное навершие уже описывалось выше, но описание было кратким. В данном разделе рассмотрим более детально все сохранившиеся элементы боктаг.

Навершие сохранилось с небольшими утратами в семи фрагментах, форма собирается полностью. На лучах перекрестья имеются по два отверстия для пришивания к крышке боктаг (диаметр 1 мм, располагались ближе к центру 2–2,5 см и в 0,5 см от края). На стержне в верхней части имеются следы пайки проволоки в виде косички (две проволоки с *S* и *Z* – круткой, спаянные между собой), общая высота декора 1,5 мм (каждая по 0,7 мм). Стержень навершия свернут из листа, имеет легкую трапециевидную форму, переходящую в перекрестно лежащие четыре луча, шов стыковки (с маленьким перехлестом) расположен с тыльной стороны. Высота трубочки 7,2 см, диаметр отверстия в нижней широкой части около 2,2 см, в верхней части (вместе с декором) 0,7 см, внутренний диаметр – внизу 1,1 см (начинается чуть выше расширения, переходящего в лучи), вверху 0,5 см. Толщина листа, из которого выполнено навершие, 0,5 мм. Выходящие из трубочки лучи (два из которых поломаны) под углом 90º имеют форму вытянутых узких лепестков с различной шириной: у основания, в центре, конце и «^»-прогиб по всей длине. Боковые лучи одинаковы

по длине – 4,5 см, ширина варьируется от 0,3 до 0,8 см, высота профиля «галочки» 0,25 см. Лучи, расходящиеся к передней и задней сторонам крышки боктаг, не равны. Один из лучей состоит из двух фрагментов: размер большого – длина 5,6 см, в широкой части ширина 1 см, в узкой – 0,5 см, «галочка» высотой 0,3 см; размер второго фрагмента – длина 1,6 см, в широкой части ширина 1 см, в узкой – 0,8 см, высота прогиба «галочки» – 0,3 см. Самый длинный луч, скорее всего, идущий к переднему краю боктаг, имеет длину 9 см, ширина узкой части 0,35 см, в широкой – 0,8 см, прогиб – 0,3 см. Совместив выше описанные фрагменты, получим навершие длиной 18,5 см, шириной 10,9 см, высотой 7,2 см (Приложение Б, рисунок Б.28).

Помимо навершия, у левого и правого виска погребенной лежал жемчуг диаметром 3–4 мм, неправильной формы, предназначенный для украшения нашивок с лент нижней шапочки. Мы считаем, что данная шапочка на момент погребения находилась на хозяйке, именно этим и объясняется характерное расположение жемчуга по обе стороны головы. Ещё одна концентрация жемчуга (диаметром 2–3 мм) располагалась по периметру головного убора, лежавшего поперек черепа и около серебряного навершия. Сегодня можно только предполагать, какого характера было жемчужное украшение, так как в погребении сохранилось очень мало жемчужин (всего 60), такого количества не хватит на отделку, скорее всего, остальные были утрачены. Выше черепа на 4,5 см лежала раковина каури размером 2,1 × 1,5 × 0,95 см, она была прикреплена к передней части ствола головного убора.

Рядом с россыпью жемчуга находилось скопление фрагментов шелкового газа бурого цвета, а на маленьких фрагментах бересты сохранились фрагменты ткани первичной обтяжки темно-коричневого цвета с золототканым рисунком. Сохранились нити, фиксирующие серебряное навершие к ткани верхней обтяжки (газ). Подробный анализ обеих тканей не составлялся, но по первичному осмотру, можно сказать, что первая обтяжка боктаг была выполнена парчовой тканью, скорее всего, красного цвета с золотым растительным орнаментом, что не типично, так как в основном первая обтяжка совершалась простой тканью с

золотым печатным рисунком. Газ со второй обтяжки каноничен, это тонкая прозрачная ткань красного цвета, призванная слегка приглушить золотой рисунок первой обтяжки, но не скрывать его. На тонкой газовой ткани сохранились отверстия, сквозь которые крепилось навершие. Размеры фрагментов очень малы и требуют реставрации.

Итогом анализа на данный момент можно назвать форму монгольского типа, с широкой прямоугольной крышкой капители. Размер крышки головного убора около 19–20 см в длину и 11–12 см в ширину. Это средние размеры для боктаг Монголии и Китая в период династии Юань. Аналогов в золотоордынских памятниках с идеально подходящей под размер крышкой нами не найдено, но с учетом последних исследований можно сказать, что боктаг описанные Рубруком (Карпини, 1957. С. 87–194) продолжают существовать на территории Золотой Орды.

Головной убор, найденный в Новопавловском мавзолее в погребении 10, расположенном в Ставропольском крае Российской Федерации. Данный головной убор нас заинтересовал тем, что работавшие с ним Е.И. Нарожный и З.В. Доде в своих исследованиях показали две разные точки зрения на конструкцию боктаг. З.В. Доде, сомневаясь в принадлежности данного комплекса к монгольскому, посчитала убор одной из тюркских разновидностей, имеющих аналоги в культуре кочевников Казахстана и Средней Азии, и реконструировала его как округлую феску с конусовидным навершием (Доде, 2008. С. 52–63). Е.И. Нарожный, наоборот, описывал верхнюю часть боктаг удлиненной, расширенной, со скоплением бересты на конце трубки (Нарожный, 2007. С. 173). Для выяснения правильности одной из теорий был произведен анализ фрагментарно сохранившегося берестяного каркаса.

Изучив две точки зрения, можно заметить противоречия в высоте берестяного каркаса и реконструированной форме головного убора. Подробного исследования бересты Новопавловского боктаг ранее не проводилось. Мы просмотрели немногочисленные фрагменты, хранящиеся в Ставропольском государственном музее-заповеднике им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве,

и разделили их по толщине на три вида: 2–3 мм (относящиеся к колчану), 1,5 мм (?) и толщиной до 1 мм, от ствола боктаг. После объединения всех тонких частей было получено пять фрагментов с ровным срезом, относящихся только к нижней части ствола. Один из собранных фрагментов бересты имеет ровный срез по диагонали, возможно, головной убор был поврежден в процессе спасательных работ. Внимание нужно обратить на два самых крупных фрагмента размером 9,5 × 7,5 см и 11 × 7,5 см. Один фрагмент имеет отверстия для сшивания по бокам, ровный срез со всех сторон (кроме обломанной верхней) и совпадает по боковым парным отверстиям с другим фрагментом. Определенно, данный ствол произведен из нескольких прямоугольных листов бересты. Совместив все части, получим прямоугольное полотнище, состоящее из четырех фрагментов с ровным срезом низа. Ни один из сохранившихся фрагментов не вписывается в развертку усеченного конуса, а любое изменение одного из радиусов цилиндра ведет к изменению выкройки в её сторону. Сразу отпадает теория З.В. Доде о коническом головном уборе. После сопоставления получившейся конструкции с другими боктаг с территории Монголии и России выдвинута версия, что реконструируемый размер составляет в высоту 17–18 см и в диаметре 8–9 см.

Украшения с головного убора описаны подробно (Нарожный, 2007. С. 60). Подобные ромбические нашивные элементы с нижней шапочки можно наблюдать на парадных портретах императриц династии Юань и миниатюрах Рашид ад-Дина. Более простые аналоги встречаются в памятниках Нижнего Поволжья. Аналогов позолоченным украшениям четырехлепестковой формы (Охонько, 2010, С. 93) пока найдено не было.

В связи с плохой сохранностью имеющихся в наличии тканей сделана попытка выявить только их вид и предположить расположение на головном уборе. Первичная ткань обтяжки представляла собой шелк полотняного переплетения с набойкой (Доде, 2008. С. 52–63). Восстановить крой деталей невозможно, поэтому нам пришлось опираться на публикации (Охонько, 2010. С. 88–96; Нарожный, 2007. С. 173). Согласно им, сохранились ленты от нижней шапочки, на которые крепились ромбические нашивки, фрагмент первичной

обтяжки с золотой набойкой и завязки от верхней шапочки. Для понимания расположения украшений и общего вида тканевых головных уборов (сохранившиеся завязки отмечены красным цветом) была произведена приблизительная графическая реконструкция.

Как итог, при пересмотре материала погребения поменялось видение конструкции головного убора. Ранние исследования были произведены без учёта деформации бересты, основного элемента, задающего форму самому головному убору. Собрав все сохранившиеся фрагменты бересты и сопоставив с аналогами, мы выяснили форму каркаса. Если Е.И. Нарожный только предположил конструкцию боктаг, то мы можем говорить о головном уборе в виде «сапожка», распространенном на территории Золотой Орды (Приложение Б, рисунок Б.29). Выявленный технологический процесс производства некоторых деталей конструкции берестяного каркаса боктаг был распространен не только в мастерских династии Юань (Су Донг, 2001. С. 99), но, скорее всего, и на других территориях империи. Исследованные ткани характерны для женских головных уборов на всей территории Монгольской империи, а использованные золотые ромбические нашивки показывают разнообразие подходов к изготовлению украшений нижней шапочки боктаг.

Головной убор, найденный на территории могильника Маячный Бугор II в погребении 70, расположенного в Красноярском районе Астраханской области Российской Федерации. Из исследованных нами берестяных каркасов этот боктаг выделяется сильнее всего. В 2019 г. Д.В. Васильев любезно предоставил на исследование берестяные остатки двух головных уборов, хранящихся в запасниках Астраханского государственного университета. Фрагменты берестяных изделий за 20 лет хранения в коробках перемешались между собой и начали ломаться на более мелкие фракции. Задача стояла разделить два головных убора и, по возможности, восстановить конструкцию. В процессе анализа бересты выяснилось, что в коробках хранилось не два головных убора, а один, остальные фрагменты были от колчана (береста для его изготовления использовалась до 3 мм в толщину, на некоторых фрагментах просматривались следы клея с

отпечатками накладок). Оставшаяся береста была собрана в конструктивные детали ствола, крышки капители, переднюю и заднюю части капители (более мелкие детали восстановлению не подлежат). Хочется обратить внимание на ствол, состоящий из четырех составных частей. Конструкция усиливалась тремя кольцами из прутиков, определенных по отпечаткам на бересте. Подобная технология усиления конструкции использовалась при изготовлении головных уборов в Династии Юань, что доказывает преемственность двух типов боктаг (Макласова, 2018. С. 300–305). В данном головном уборе выделяется широкая крышка капители размером 24,0 × 9,8 см, это самая широкая крышка из всех исследованных нами боктаг. Остальные детали типичны для головных уборов Золотой Орды. Головной убор с аналогичной конструкцией ствола, совпадающей по диаметру, количеству составных частей и усилению прутиками, найден во Внутренней Монголии (Су Донг, 2001. С. 99–100). Ближайший аналог можно встретить на территории Северного Кавказа в материалах могильника Новопавловск погребение 10 (Охонько, 2010. С. 88–96). После предварительной сборки были установлены размеры, количество деталей и произведена графическая развертка конструкции головного убора (Приложение Б, рисунок Б.30).

Головной убор, найденный на территории могильника Имангулово II в кургане 3 погребение 1, расположенного в Октябрьском районе Оренбургской области Российской Федерации. Боктаг с данного памятника[82] имеет очень плохую сохранность каркаса, вследствие чего очень сложно строить однозначные выводы. Включение его в данную главу обусловлено представлением собственной версии реконструкции каркаса боктаг. В погребении, помимо обычного инвентаря (фрагмента ножа, ножниц, шила, зеркала, плошки и т. д.), справа от черепа были обнаружены остатки головного убора, первоначально принятые за чехол от зеркала. От «значительных фрагментов берестяного корпуса» боктаг сохранилось 17, но представлены фотографии восьми (ствол, части капители и ромбики от украшения нижней шапочки), с отверстиями от

[82] Место хранения – Музей Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП 603/9.

швов. Помимо этого, в коллекции указываются семь фрагментов вытянутой остролистной формы, от возможного украшения убора (но где они располагались в погребении, не ясно, а в публикациях не указано). Авторами утверждается наличие внутреннего каркаса из прутиков. Представленная реконструкция показывает каркас типа *С*, от которого сохранился ствол, передняя часть капители, крышка, боковая планка. В графической реконструкции дорисована несохранившаяся часть – задняя часть капители с «пяточкой», «феска» и интерпретировано украшение задней стороны ствола тремя бусинами (Камалеев, 2021. С. 52–55; Пилипенко, 2021. С. 52–57).

По результатам наших исследований сложилась несколько иная картина, показывающая, что, вероятнее всего, наши предположения более закономерны и представляют более объективную и достоверную информацию. Если бы каркас был, но сохранился в небольших фрагментах, то на бересте остались бы отпечатки двойного шва, который более прочно соединяет два края этой детали (стандартный перехлест припуска в нем составляет 1–1,5 см[83]). На представленных фрагментах бересты замечена частично неправильная атрибуция и вследствие этого неверное их расположение. Из 17 заявленных фрагментов в исследовании от каркаса шесть интерпретированы как задняя часть крышки, передняя часть капители, фрагмент боковой планки, три фрагмента ствола. По факту нами исследовано 18 фрагментов бересты, 16 от каркаса (плюс две берестяные ромбические нашивки, которые в данном анализе не участвуют). При разборе выявилось восемь достаточно «крупных» фрагментов (3–5 см) (от ствола, передней и задней частей капители и, возможно, крышки). Авторами упущены дополнительные детали, дающие более ясную картину конструкции: фрагмент задней детали капители с отгибом в верхней части для пришивания крышки (3–5 мм) и фрагмент передней части капители, который совмещается по разлому с выявленной авторами «боковой планкой». Один фрагмент, имеющий четкий

[83] Такой шов на детали ствола прокладывается не параллельными краю стежками, а перпендикулярными. Эта техника прошивки нужна для предотвращения расхождения бересты по чечевичкам, так как деталь ствола выкраивается строго по рисунку бересты, идущему параллельно шву, соединяющему два края (по этому рисунку чаще всего и рвутся детали). Береста не так пластична, как ткань, но такие приемы помогают минимизировать брак при изготовлении.

полукруглый срез с отверстиями шва, представлен как задняя часть крышки с многочисленными отверстиями от пришивания, выступающей на 1 см «пяточки». Для определения ширины крышки он был отзеркален по разлому, послужившему «центром» детали, и авторы установили ширину в 3 см (так как ширина крышки не может сильно отличаться от диаметра ствола, то, по логике исследования, он тоже должен быть 3 см, т. е. мы имеем головной убор с узким стволом). Фактически эта деталь от верхней части передней детали капители и ровный слом, возможно, не является её центром. Еще имеются два фрагмента с двойным швом от ствола, но атрибуция остальных фрагментов спорна. В итоге, в исследованном каркасе нами выявлена ещё одна деталь, не найдено боковых планок и внутреннего каркаса из прутиков и появился спорный вопрос по крышке. Авторами правильно установлен тип боктаг, но малочисленная и плохая сохранность бересты не даёт со стопроцентной уверенностью установить приблизительный диаметр ствола, можно только предположить, что он был небольшой (Приложение Б, рисунок Б.31).

Головной убор, найденный на территории могильника Тингутинский I курган 7 погребение 1, расположенного в Светлоярском районе Волгоградской области Российской Федерации. Памятник заинтересовывает двумя мягкими шапочками, непременными спутниками боктаг. В публикации З. В. Доде (Доде, 2018. С. 331–336) опубликован результат работы сотрудников ООО «Наследие». Были выявлены основные элементы головного убора – верхняя шапочка, тканевое навершие, нижняя шапочка и фата (покрывало). Небольшие деформированные фрагменты бересты с остатками шелка как часть каркаса не рассматривались. Были проведены консервационные работы и подготовка предметов для экспозиции.

Верхняя шапочка была выполнена из золототканого шелка с завязками из тонкого газа. Форма восстановилась по сохранившимся большим фрагментам, головной убор имеет достаточно простой крой, треугольные клинья в лобной части, прямые (без фигурного края) наушники и две пары завязок (скорее всего, пуговки с петельками с задней стороны убора не сохранились) (Доде, 2018.

С. 339–340). Такая шапочка имеет аналоги, хранящиеся в собрании Фонда Марджани (Горелик, 2014. С. 161–172) и найденные в мавзолее Болган Ана (Пилипенко, 2021. С. 259–260).

К навершию был отнесен тонкий шёлк, соединённый с округлым фрагментом затканного серебром шелка, и множество фрагментов деревянного прутика. Все части, по мнению исследователей, складываются вместе в своеобразное тканевое навершие: тонкая ткань пришита к узорчатой ткани, в шов вставлены прутики для поддержания округлой формы, видимо. Вся эта конструкция, по мнению исследователей, должна была имитировать боктаг, так как его каркаса в погребении не оказалось (Доде, 2018. С. 340–341).

Нижняя шапочка сохранилась в небольших фрагментах, плюс-минус с одного участка, от основной части, назатыльника и лент со следами от крепления украшений (самих украшений в погребении не оказалось). Форма, предложенная специалистами, – округлая почти плоско лежащая шапочка, большой трапециевидный назатыльник и сшитые углом две пары лент. Эта конструкция должна была фиксировать на голове основной головной убор, т. е. боктаг, так как шапочка использовалась при жизни хозяйки, в отличие от тканевого навершия, которое изготовлено было для погребения и поэтому выполнено небрежно (Доде, 2018. С. 341).

Последний элемент – это фата из тонкого шелка, реконструированная в полотно приблизительно 68 × 53 см. Такой элемент пришивался к нижнему краю ствола, аналог можно увидеть на боктаг в коллекции Фонда Марджани, на иранских миниатюрах и парадных портретах юаньских императриц. В заключении выведено, что женщина носила боктаг с Y-образным строением капители, распространенным в юаньском Китае и Ильханате (Доде, 2018. С. 341–343).

После внимательного изучения публикации и представленных реконструкций были сделаны выводы об ошибочности интерпретации некоторых тканевых элементов от боктаг. С реконструкцией верхней шапочки мы согласны. Фата тоже имеет место быть, но не отдельно от берестяного каркаса. Но в вопросе интерпретации так называемого «навершия» и правильности реконструкции

нижней шапочки сложились иные предположения. Вероятно, шапочка должна быть конусообразно-усеченной формы как на аналогах, а не округлой и плоско лежащей. Специалисты ООО «Наследие» добавили лишний сектор в основную часть, тем самым увеличив не только его, но и назатыльник, который должен быть небольшой и слегка трапециевидной формы. Версия, которую предлагаем мы (Приложение Б, рисунок Б.32), меньше в размерах и больше приближена к аналогичным шапочкам из коллекции Фонда Марджани и Музея Исламского искусства Катара (Горелик, 2014. С. 154). Что касается тканевого навершия из двух видов шелка и фрагментов прутика, имитирующего форму, по всей видимости, ствола, то нам кажется неверным интерпретация как в целом «навершия», так и использованных материалов. Прутик, состоящий где-то из 15 фрагментов и «укладывающийся по контуру» шва навершия, отношения к ткани не имеет. Это прутики с разных частей внутреннего каркаса боктаг с широким стволом и, скорее всего, Y-образным строением капители (тип *А*), так как среди них попадаются прямые, загнутые слегка, в полукружье и углом около 115° (причем на фрагменте с углом внутренняя часть сдавлена как на прутиках, держащих каркас капители). Фрагменты ткани полотняного переплетения – скорее всего, остатки верхней обтяжки. В исследовании упоминается, что тонкий шелк частично пришит к сребротканому шелковому фрагменту (приблизительный размер 24 × 22 см), возможно, это ткань с нижней обтяжки. И если посмотреть в целом на разную конфигурацию прутиков, ткани с обтяжки, фату, фрагменты бересты, шапочки, сопровождающих боктаг, то складывается впечатление, что каркас был, но не сохранился. Возможно, перед погребением он был разрушен, и осталась только часть ствола, которую впоследствии разрушило время и неблагоприятные условия.

Экспонирование и реконструкции. Наглядная реконструкция самая яркая и наиболее доступная к пониманию визуализация костюма любой эпохи. В этом вопросе можно согласиться с М.П. Черной и И.В. Ованенко, которые говорят, что не только предмет, но и сам процесс производства раскроет нам весь потенциал реконструируемого артефакта. Экспериментальная археология вкупе с историческими источниками и методической основой дают нам инструмент

успешной натурализации любого новодела, позволяющий проанализировать всю проделанную работу, от теории до технологии изготовления (Черная, 2017. С. 128–129). Для наглядной демонстрации в музейном пространстве были выполнены полные версии реконструкций женского головного убора[84]: из погребения 51 могильника Маячный Бугор II для экспозиции в Астраханском музее-заповеднике; из погребения 2 Башкир-Беркутовского могильника для экспозиции в Уфимском музее археологии и этнографии и из погребения 290 могильника Ушарал-Илибалык для демонстрации в Алматинском центральном государственном музее Республики Казахстан. Выбор этих памятников обусловлен наиболее полной сохранностью бересты боктаг.

Ранее уже упоминалось, что в 2011 г. группой реставраторов на базе ГИМ была выполнена первая графическая реконструкция каркаса боктаг из погребения 51 могильника Маячный Бугор II (Приложение Б, рисунок Б.33). На их основе нами была произведена собственная художественная и модельная версия реконструкции, включающая в себя доработанный берестяной каркас и все дополнительные составляющие (Приложение Б, рисунки Б.34, Б.36а). Головной убор из погребения 2 Башкир-Беркутовского могильника привлек своей формой и отличием от поволжских узкоствольных боктаг типа *С*. Так как в погребении некоторых элементов не сохранилось было принято решение дополнить недостающие части аналогами с памятников Поволжья и Южного Урала: нижняя обтяжка с золотой печатью, ленты нижней шапочки с ромбическими нашивками, верхняя парчовая шапка и навершие под перьевую систему (Приложение Б, рисунок Б.37а). Боктаг с погребения 290 могильника Ушарал-Илибалык был выполнен в рамках международного сотрудничества[85] по исследованию женского

[84] Полная версия реконструкции включает в себя изготовление каркаса, первую обтяжку плотным шелком полотняного переплетения с набойкой золотой краской, вторую обтяжку тонкой газовой тканью, пришивание лент и фаты, пошив нижней шапочки с ромбовидными нашивками, обшитыми жемчугом или стеклянным бисером, пошив верхней шапочки из узорчатой ткани и изготовление деревянного навершия под перьевую систему. Материалы, использованные нами при производстве, натуральные, максимально приближенные к аналоговым: бересте, ивовым прутьям, шелковым ниткам для сшивания каркаса и тканевой части, красным шелкам полотняного переплетения разной плотности, узорчатым шелкам, золотой краске и потали, дереву, жемчугу, бисеру и бронзовым амулетницам. Вся технология изготовления произведена вручную.

[85] Организации участники – Общество исследования Евразии, Швейцария; Международный институт центральноазиатских исследований, Республика Узбекистан; ТОО «Археологическая экспертиза», Республика Казахстан; Центр археологии Ланье, Липскомбский университет, США; Археологический институт АН Республики Казахстан.

захоронения в лабораторных условиях и последующему его анализу, без утраты атрибуционных и хрономаркерующих признаков потенциальных органических материалов. Анализ всех сохранившихся элементов показал симметричный головной убор типа *А*, с характерным набором украшений, имеющим аналоги в исторических источниках и археологии, которые мы дополнили несохранившимися тканевыми элементами (Приложение Б, рисунок Б.37б).

Помимо реконструкции для музеев, была выполнена реконструкция костюмного комплекса[86] с боктаг, хранящегося в собрании Фонда Марджани, для участия в фестивале археологии и реконструкции «Укек – один день из жизни средневекового города». Данная работа не только проверила наши выводы по конструкции и технологии, но и показала все нюансы ношения подобных головных уборов (Приложение Б, рисунок Б.36б).

В рамках научной работы выполнено несколько реконструкций только берестяной основы. Это каркасы двух типов с разными конструктивными решениями (Буруал Уул погребение 2, Солодовка I курган 8 погребение 2) (Приложение Б, рисунок Б.35). Такая работа необходима, в первую очередь, для верификации предложенных графических планшетов и проверки этапности сборки берестяной конструкции.

В любом костюмном комплексе необходим ряд обязательных дополнительных элементов, позволяющих завершить образ, один из таких элементов – головной убор. Работа именно с полной реконструкцией (т. е. со всеми элементами, которые возможно носить, как когда-то оригинальный боктаг) позволила понять много нюансов – от технологии изготовления до комфорта/удобства при эксплуатации – и создала возможность немного окунуться в мир женщины-кочевницы XIII–XIV вв.

Построение 3D-модели. Археологи, музеологи и ряд других специалистов всё чаще обращаются к информационным технологиям, а конкретно к 3D-моделированию, что позволяет зафиксировать и сохранить визуальное взаимное

[86] Помимо уже описанной реконструкции головного убора, костюмный комплекс включал плечевую и поясную одежду, обувь и дополнительные ювелирные украшения, выполненные по аналогам, найденным в памятниках КНР и Монголии.

расположение находок на всех этапах работы. Помимо этого, подобная практика поможет исследователям делать более точный анализ при повторном рассмотрении различных артефактов, в двухмерной отрисовке и прочем, действуя дистанционно и под любым ракурсом. Такой метод точно передаёт любую конфигурацию объектов.

Специалисты ИА АН РТ для построения 3D-модели при съемке раскопов сооружений и других памятников археологии используют метод «сторона – угол». Он достаточно прост, но чем сложнее форма снимаемого объекта, тем больше требуется фото для моделирования. Чтобы на построенной модели были видны все выемки или выпуклости (без ненужных теней и пустых зон), фиксировать перекрывающими снимками начинают одну сторону, двигаясь в одном направлении, затем противоположный угол, возвращаясь обратно. Таким образом, процедура повторяется для всех сторон и углов (Вафина, 2015. С. 75–76). Еще одна методика к построению 3D-моделей – это построение «монолитных» и «сборных» моделей. Первый подход – для массивных, неподъемных объектов, второй – для небольших, мобильных находок (Вафина, 2018. С. 193–196).

Оба этих метода были применены при работе с погребением 290 памятника Ушарал-Илибалык (Казахстан). В результате изъятия погребения монолитным блоком и исследования его в лабораторных условиях удалось сохранить взаимное расположение находок, дополнительное использование рентгенографии помогло зафиксировать все предметы погребального инвентаря в полном объёме до их изъятия из погребения. Работа с построением велась в двух программах Agisoft PhotoScan и Polycam-3D сканер. Первая позволяет совершать подробную съемку, получать разрезы объекта. Вторая проста, быстра и мобильна в использовании, но не позволяет работать с разрезами объекта. Мероприятия по фотофиксации и фотограмметрии проводились до расчистки, в процессе, без извлечения предметов и после их изъятия. Далее каждую из деталей отсняли отдельно, с учетом их расположения в погребении. В процессе работы были построены несколько монолитных 3D-моделей – до/вовремя/после расчистки с помощью метода «сторона – угол» (Приложение Б, рисунок Б.38а).

Еще три 3D-модели боктаг нами построены на базе Стерлитамакского историко-краеведческого музея, в фондах которого хранятся берестяные каркасы из курганов Линевского I и II могильников. В погребениях курганов 15 и 1 сохранились только стволы, а в кургане 5 весь каркас, но в процессе хранения ствол и капитель разделились, поэтому каждая деталь отснята отдельно (Приложение Б, рисуноки Б.38б, в).

Благодаря всем полученным данным появилась возможность работать с головными уборами удаленно, делать фото с нужного ракурса, строить графические изображения. Это помогло более тщательно изучить и проанализировать боктаг в отрыве от самого объекта исследования.

«Сапожок» или «птица». Первые сравнения формы головного убора с птицей или сапогом можно найти в исторических источниках. Рикольдо де Монте-Кроче, доминиканский миссионер, побывавший в государстве Хулагуидов, в своём «Путешествии по святой земле» описывает интересный взгляд на форму боктаг: «В память о победе татары разрешили женам своим носить большие шапки − длиной с локоть и даже более. Однако, … постановили: пусть шапки сверху будут иметь форму ноги и верхняя часть шапки, таким образом, будет представлять собой шапку под пятою» (Кроче, 2006. С. 152). Описание акцентирует внимание, что боктаг высокий, большой, и сверху «имеет форму ноги», но не стоит забывать, что само понимание данной формы не современное, непривычное нам. Следующее сравнение мы встречаем у Одорика де Порденоне, францисканского миссионера, присутствовавшего при дворе Есун-Тимура в 1323–1328 гг. (династия Юань), в сочинении «Описание восточных земель» в главе XXVI он так описывает боктаг: «Все те, что замужем, носят на голове мужскую стопу высотой в локоть с половиной. Нижняя часть этой стопы украшена перьями журавля, и вся стопа украшена крупным жемчугом» (Юрченко, 2012. С. 160). Можно заметить схожесть в описании Одорико с Монте-Кроче и проследить взаимосвязь нога – сапог, и считаем именно оттуда пошло сравнение боктаг с «сапожком», которое используется современными исследователями для определения формы головного убора.

В «Описании путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад» за авторством Ли Чжи Чана, автора записок о путешествии учителя дао Чань-Чуня в лагерь Чингисхана в Средней Азии, говорится о птице. Существует два перевода данного текста на русский язык – Н.Ц. Мункуева и П.И. Кафарова. Чаще исследователями используется перевод Н.Ц. Мункуева (Доде, Юрченко). Вот как описан головной убор Ли Чжи Чан в переводе Н.Ц. Мункуева: «Верхняя часть этого [головного убора] похожа на гуся или утку. Название [его] гу-гу» (Полное описание…, 1975. С. 80). П.И. Кафаров переводит данный текст так: «Хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гугу» (Си Ю Цзи…, 1995. С. 300). Два перевода одного текста немного разнятся, и если первый перевод говорит о форме головного убора, напоминающего гуся или утку (в верхней части), то по второму переводу можно сделать предположение, что речь идет только об украшении головного убора в верхней части.

По мнению китайского исследователя Цзя Си Цзэна, эта форма боктаг является характерной для династии Юань и по описанию Ли Чжи Чана у чжурчжэней головной убор назывался гу-гу гуань, а его верхушка напоминала гуся или утку, поэтому у убора такое название гу-гу. Верх боктаг напоминал гуся или утку по одной простой причине, он был обильно украшен небольшими перьевыми композициями, называющимися «цветочными перьями», которые красили и придавали им форму опахала. В письменных источниках говорится об одомашнивании птиц с роскошным перьевым оперением. Также в перьевом украшении проводится четкое разделение, богатые используют окрашенные перья и композиции из них, бедные украшают перьями домашних и диких птиц. По мнению древних авторов, женщины в боктаг издалека похожи на птиц, так как во время движения свисающие и торчащие перья постоянно трепещут на ветру (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 83).

Эту характерную форму подтверждает изображение на фарфоровой подушке Цычжоу (Приложение Б, рисунки Б.3а, б), произведенной семьёй Чжан, в Хэнане, династии Цзинь (1115–1234 гг.), хранящейся в Британском музее (муз. № 1936, 1012. 165) (Vainker, 1991. рис. 86). На подушке изображены сцена

«Ван Чжаоцзюнь покидает пределы родины», женщина в монгольском костюме с характерным головным убором. Возможно, обильное украшение перьями птиц, возможно, форма боктаг, слегка напоминающая шею с головой гуся, послужили первопричиной сравнения с птицей. В дополнение можно добавить, что боктаг с территории Поволжья, имеющие в своей конструкции ствол с узким диаметром, со всей системой украшений, больше походят на птицу, нежели боктаг с территории Китая и Монголии. Как вывод можно сказать, что после разбора ряда письменных источников, в которых впервые находят упоминания и сравнения боктаг, мы заметили некую зависимость разных трактовок от культурной принадлежности и территории. Если западные путешественники сравнивают боктаг с ногой/сапогом, то китайские авторы – с птицей.

По результатам исследования сделаны выводы, что вопрос интерпретации памятников с плохой сохранностью материала довольно сложен не только для отечественных специалистов, но и для зарубежных коллег. С одной стороны находится единичный, деформированный или утраченный предмет, с другой – исследователь с определенной точкой зрения и накопленной базой знания. Зачастую работа может вестись только с публикациями и описаниями, т. е. информация проходит через вторые или третьи руки, и нет гарантии, что она интерпретирована правильно. Еще один момент, который необходимо учитывать: при работе с деформированными предметами можно столкнуться с незнанием физических свойств материала. Это приводит к неверному пониманию формы и впоследствии ведет к новым конструкциям и теориям, как случилось с боктаг из памятников Новопавловск, Семенкин, Сагыр Хая. Возникают новые типы и новые эволюционные цепочки предмета и тиражирование изначально неверной информации другими авторами ведет к появлению еще больших ошибок. Иногда одной теории недостаточно и на помощь приходит здравый смысл и практические знания. Считаем, что только в совокупности теоретическая база, логика, практические навыки могут помочь в работе со сложными памятниками и показать достоверную картину.

Рассмотренную проблематику в исследовании конструкции боктаг можно условно разделить на «спорные трактовки» и «сложную сохранность». В последней группе были рассмотрены два убора: из могильника Дядьковский 45 с полной утратой каркаса и из могильника Маячный Бугор I с сильно разрушившейся берестой. Фрагментарно сохранившийся каркас из погребения 70 Маячного Бугра I показал наличие основных элементов, решение проблемы нехватки бересты на ствол и нетипично большую крышку. Данный головной убор приближен по своей конструкции к боктаг из могильника Дядьковский 45 (кроме площади крышки капители) и подобен убору из Новопавловского погребения. В погребении 1 могильника Дядьковский 45 сам убор не сохранился, но подробный анализ декоративных элементов позволил установить примерный тип каркаса и нетипичную для Нижнего Поволжья форму. Его нетипичность, возможно, указывает на то, что боктаг был выполнен на заказ либо подарен или привезен хозяйкой с территорий других улусов. Факт дарения (Джувейни, 2004. С. 960) или заказ (Эрдэнэбат, 2010. С. 71–113) данных уборов может указывать на расширение географии его распространения. Также не стоит исключать импорт или местное подражание, как, например, в ситуации с зеркалами (Валеев, 2009. С. 47–53) и керамикой (Кольцов, 2019. С. 855–871). К группе «спорных трактовок» были отнесены четыре головных убора: из Новопавловского мавзолея, из могильников Телеутский Взвоз I, Тингутинский I и Имангулово II.

При пересмотре материала погребения поменялось видение конструкции головного убора из могильника около г. Новопавловска. Ранние исследования были произведены поверхностно, без учёта деформации бересты. Собрав все сохранившиеся фрагменты и сопоставив с аналогами, мы выяснили форму каркаса и можем говорить о головном уборе типа *B*, распространенном на территории Золотой Орды. В головном уборе, найденном в кургане 9 могильника Телеутский Взвоз I, была выявлена ошибочность интерпретации некоторых деталей. Но тщательный анализ изображений и реконструкция в натуральную величину из бересты помогли сформировать более правильную и точную теорию о том, что этот головной убор был сложной конструкцией с феской в основании.

При ознакомлении с результатами исследования фрагментов боктаг из кургана 7 погребения 1 Тингутинского I могильника смутила интерпретация некоторых элементов – нижней шапочки и навершия. Проанализировав имеющуюся информацию и проведя аналогии с другими подобными уборами, была выяснена ошибка в крое шапки и предложена своя версия. Изучив материалы по реконструкции «навершия», сделан вывод о неверной трактовке этого элемента, предположено наличие каркаса боктаг и предложена другая версия реконструкции. Курган 3 Имангуловского II могильника исследовался предметно и по публикациям З.В. Камалеева и С.А. Пилипенко, в процессе чего сравнивалась разность видения фрагментов деталей и конструкции в целом.

Были выполнены полные и частичные (только берестяная основа) модельные реконструкции боктаг из следующих погребений: Маячный Бугор II погребение 51, Буруал Уул погребение 2, Марджани, Башкир – Беркутово погребение 2, Солодовка I курган 8 погребение 2, Ушарал-Илибалык погребение 290. Часть из них экспонируется в Астраханском историко-архитектурном музее-заповеднике, в Уфимском музее археологии и этнографии и в Алматинском центральном государственном музее Республики Казахстан. Данная работа проверила и подтвердила правильность выводов по конструкции каркасов и технологии их изготовления, что позволило также оценить эксплуатационные и эстетические свойства боктаг.

3D-моделирование позволяет изучать предмет вне раскопа и музейного пространства, уточнять или измерять объекты, по ряду причин не попавшие в поле зрения первоначально. Проведение измерений при работе с простой фотографией не так точно, как работа с 3D-графикой и специализированной программой, позволяющих увидеть любые проекции и доли миллиметров, что открывает новые возможности в работе со сложными конструкциями и маленькими деталями. В будущем 3D-модели помогут специалистам работать с предметом удаленно, так как органика без реставрации и специального хранения слишком хрупка. При таком инновационном подходе можно работать с памятниками разной сохранности и на всех этапах, где проведено 3D-моделирование.

Рассмотрен вопрос о генезисе боктаг и его последующей преемственности. Ряд исследователей поднимали вопрос о происхождении боктаг, говоря, что истоки надо искать в Пазырыкской культуре и памятниках Догээ-Баары со следами скифской и хунской культур. Другие исследователи утверждали, что боктаг имеет корни в китайском головном уборе гоуцзюэ, носимом ухуанями. По нашему мнению, недостаток информации во всех видах источников и огромный временной разрыв не дают уверенно говорить о той или иной преемственности. Историко-культурная реконструкция не показывает прямого продолжения боктаг в головном уборе народов-приемников Монгольской империи. Приводя в пример саукеле, теке-берк, шокуло и другие конические головные уборы, некоторые исследователи утверждают о схожести и некой эволюции в форме и украшениях. Другие говорят про одновременное бытование боктаг с головными уборами народов, включенных в Монгольскую империю, что полностью исключает вопрос преемственности. Некоторые народы с падением империи полностью искоренили монгольские традиции во всех областях жизни и наоборот сами оказывали политическое и культурное влияние на сопредельные государства. Сопоставление с этнографическим костюмом тюркских народов показывает некоторое сходство в материале, декоре, но силуэт и конструкция не имеют ничего общего с боктаг. Учитывая все это, мы можем утверждать, что по сложности конструкции и всем дополнительным элементам боктаг выбивается из эволюционной линейки и стоит в стороне.

Заключение

Данное исследование показывает, что боктаг – это сложный и дорогостоящий головной убор, который носили замужние женщины в средневековом кочевом обществе. Этот элемент костюма служил не только украшением, но и символом высокого положения в социальной иерархии Монгольской империи и Золотой Орды. Боктаг можно рассматривать как важный культурный феномен, отражающий материальные и духовные ценности того времени, а также подчеркивающий социальное различие между членами общества. Пройдя путь от этнического, статусно-гендерного убора до социально-политического символа, боктаг стал общеимперским элементом женского костюма, заняв значимое место в имперской культуре. С утратой империи из костюма уходит социально-политический аспект, но в этнический и впоследствии этнографический костюм боктаг не возвращается.

Цели и задачи, сформулированные во введении, позволили провести комплексные исследования головных уборов и выявить их территориальные особенности, классифицировать и интерпретировать берестяные каркасы боктаг с археологических памятников XIII–XIV вв.

Разработанный поэтапный подход к изучению археологических материалов, касающихся головных уборов кочевников Монгольской империи и Золотой Орды, позволили выделить ключевые моменты в исследовании источников и истории изучения историографии.

Анализ письменных и изобразительных материалов показал субъективное восприятие головных уборов замужних женщин в Монгольской империи XIII–XIV в. Сопоставление письменных источников с синхронными археологическими памятниками выявило некоторые несоответствие и необъективность в описании или изображении боктаг.

Основу диссертационного исследования составила работа по сбору и дальнейшему анализу материала из 114 археологических памятников с 182 погребениями, содержащими головные уборы или его элементы из

различных регионов России и некоторых зарубежных стран. При разделении всего археологического материала по географическим областям выделились три ключевых региона Евразии: Восточная Европа, Центральная Азия и Сибирь, отличающиеся уникальными особенностями, связанными с характером найденных материалов, степенью их сохранности и интенсивностью проводимых исследований.

Проведенное изучение отечественных и зарубежных научных работ позволило сгруппировать историографический материал по подходам и проблемам исследования, разделив имеющуюся информацию на два периода: накопление данных (начало XX в. – до 80-х гг. XX в.) и активное решение специализированных вопросов (конец XX – по настоящее время). Это позволило определить ключевые этапы развития археологической науки в данном вопросе и выделить ведущих исследователей каждого периода.

Первый этап исследований археологического материала характеризуется накоплением и первоначальной систематизацией данных, что позволяет исследователям сформулировать постановку проблематики в исследовании боктаг. Необходимо отметить, что во второй половине этого периода внимание ученых смещается на анализ отдельных элементов костюма, таких как украшения, оружие и т. д. Это время связано с именами Г.А. Федорова-Давыдова, Н.А. Мажитова, В.А. Иванова и др. Региональные особенности изучения проявились в разной глубине анализа: в Сибири и Центральной Азии преобладало накопление археологического материала, тогда как в Восточной Европе уже проводились сравнительные исследования. К концу периода начали формироваться научные проблемы, связанные с изучением костюма эпохи Монгольской империи, но несмотря на это тема изучения боктаг как самостоятельной части костюма в этот период не рассматривалась.

Во втором периоде продолжается накопление археологического материала такими ведущими учёными, как С.А. Котеньков, А.А. Глухов, А.А. Тишкин. Е.П. Мыськов, Г.Р. Голданова, З.В. Доде, У. Эрденебат, Цзя Си Цзэн и др. Изучение историографии вопроса позволяет отметить, что в восточноевропейском

регионе количественно преобладают исследования по боктаг благодаря доступности материалов и широкому кругу разных специалистов. В Сибири же и Центральной Азии исследований меньше по количеству, они менее планомерны, с длительными перерывами, возможно, из-за отсутствующей преемственности. В целом же второй период историографии рассматриваемой тематики охарактеризован выделением узконаправленных проблем в изучении вопроса и активным применением новых методов и технологий для данных исследований.

Проведенный предварительный лексический анализ распространённых названий боктаг в письменных источниках поднял проблему разночтений терминологии в российских и зарубежных изданиях. Нами сформулирована теория двойного заимствования термина «боктаг» в монгольский язык и предложены альтернативные варианты названия «богта», «бокка», «гу-гу гуань».

В результате проведенного научного исследования была впервые разработана технология изготовления и типология каркасного головного убора боктаг с учетом региональной специфики, предложен метод идентификации на основе анализа производственных следов и созданы графические реконструкции, представленные в методическом материале с развертками и реконструкциями.

Методика измерения и фиксации берестяных фрагментов основывалась на визуальной оценке и простом инструментарии, что позволило восстановить крой и форму боктаг. На основе анализа каркасов памятников Восточно-Европейского, Центральноазиатского и Сибирского регионов выявлены сходства и различия в конструктивном и технологическом исполнении. Полученные данные позволили предложить три схемы сборки каркасов различной формы и конструкции.

В процессе анализа обнаружена эволюция технологии изготовления боктаг, характеризующаяся упрощением конструкции и формы на территории Золотой Орды. На примере памятников Нижнего Поволжья, где в погребениях преобладают головные уборы с широким диаметром ствола, показано, что чем дальше на север распространялся головной убор, тем проще технологически и конструктивнее он становился. На территории Южного Урала изучен новый,

узкий и высокий боктаг. Такое упрощение, возможно, следует принципу провинциализации, утрате значимости или ослабления культурной идентичности, увеличения влияния внешних факторов, к примеру, политических. С другой стороны, мы не можем отрицать других аспектов – труднодоступность привозной сырьевой базы или имеющейся местной, но слабо подходящей.

Представлено уточнение в разности способов обтяжки боктаг для симметричных и асимметричных конструкций и предложено два варианта их исполнения. Рассмотрены дополнительные тканевые элементы, предназначенные как для функциональных, так и декоративных целей.

Проведенное исследование позволило проанализировать существующие классификации боктаг и выявить проблему терминологии в данной сфере. В работе дано пояснение к тем формулировкам, которые требуют последующих уточнений относительно атрибутики отдельных компонентов или головного убора в целом. Проблематика существующей классификации и терминологии продемонстрировала противоречивость и устаревание ряда «типов».

Предложена новая классификация каркасных головных уборов, которая более детализирована в сравнении с предыдущими работами. На основе анализа 25-ти хорошо или удовлетворительно сохранившихся каркасов с памятников, расположенных на территории России, Монголии, Китая и Киргизии, имеющих многочисленные аналоги, были выявлены общие признаки производства, геометрического кроя и силуэта. Эту выборку считаем достаточной для разработки новой типологии каркасов боктаг, включающей три основных типа (*A*, *B*, *C*), два подтипа (*C* I и *C* II) и дополнительный тип *D* (выделившийся своей уникальностью и возможностью появления новых необычных конструкций в будущем).

После проведенного анализа можно утверждать, что территориально фиксируется устойчивость определенных типов боктаг, что формирует их локальные особенности. В целом, боктаг можно назвать определенным хроноидентификатором своего времени. Мы понимаем, что выбранный период в 200 лет для проведения четкой внутренней периодизации недостаточен без

большого количества абсолютного датирующего материала. В настоящий момент в работе абсолютную датировку имеют всего девять погребений из 182. Но по анализу конструктивных особенностей каркаса боктаг просматривается динамика изменений – преемственность одного типа другому и постепенное упрощение конструкции на территории Золотой Орды. С другой стороны, анализ археологического материала с территорий других улусов демонстрирует устойчивость определенных типов каркаса на протяжении всего исследуемого периода.

На основе предложенной типологии были созданы чертежи кроя и реконструкции основных типов и подтипов каркасов боктаг, представленных в виде методического материала и графических разверток кроя, передающих особенности каждого выделенного типа. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что нам удалось определить технологические особенности боктаг, составить собственную классификацию и реконструкцию его внешнего вида.

Рассмотрены вопросы культурно-исторической интерпретации, декоративной составляющей и проблематики имеющихся толкований. Еще раз подтверждена социально-семантическая роль боктаг как символа статуса и яркого маркера принадлежности к элите средневекового кочевого общества. Анализ показал, что боктаг одновременно отражал как личную, так и социально-иерархическую идентичность женщины, подтверждая её замужний статус.

В исследовании особое внимание уделено вопросам преемственности в археологической и этнографической одежде. В результате рассмотрения гипотезы о том, что боктаг являлся предшественником саукеле, мы пришли к выводу, что такая постановка требует уточнений и корректировки, поскольку отсутствуют доказательства перехода между ними в археологических находках. Боктаг не стал частью традиционной культуры, что подтверждается существенными различиями между археологическим и этнографическим головными уборами, и не сохранился в костюмах наследников имперской моды, оставаясь скорее административной формой одежды определенного исторического периода.

При анализе декоративных элементов боктаг были выявлены основные категории, а также их вариативность, установлены наиболее типичные техники декора, материалы и способы крепления украшений. Примеры с различных памятников демонстрируют разнообразие техник, материалов, а также общую стилистику, социальную и символическую значимость, указывающие на единое культурное пространство на территории Монгольской империи и в Золотой Орде в XIII–XIV вв.

На примере восьми захоронений рассмотрена проблема интерпретаций деталей и форм с целью постановки спорных вопросов в атрибуции некоторых головных уборов. Обнаруженные данные привели к новым выводам относительно конструкций боктаг в выбранных памятниках.

Для проверки предложенных конструктивных решений и последовательности технологических процессов на основе предложенных выкроек были изготовлены реальные головные уборы. Моделирование и реконструкция позволили создать натуральные модели боктаг, а использование современных программ создать трехмерные модели некоторых каркасов.

Комплексный подход к анализу боктаг позволил всесторонне изучить весь корпус источников; разработать собственную классификацию; рассмотреть исторические, культурные, социальные и материальные аспекты; реконструировать образ замужней женщины, подчеркнув его значимость для понимания социальной структуры и культурного пространства средневекового кочевого общества.

Таким образом, исследование позволило углубленно изучить головной убор боктаг, его эволюцию и роль в контексте культуры Монгольской империи и Золотой Орды XIII–XIV вв., а также внести вклад в развитие археологии и истории костюма.

Список сокращений

АГКН – Алтайский государственный краеведческий музей.

АГУ – Астраханский государственный университет.

Азовский музей-заповедник – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко.

АН – Академия наук.

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.

БГУ – Башкирский государственный университет.

ВАК – Высшая аттестационная комиссия.

ВИКМ – Волжский историко-краеведческий музей.

в.н.с. – ведущий научный сотрудник.

ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.

ВШП – Великий Шелковый путь.

ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник» – Государственное бюджетное учреждение культуры Астраханской области «Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник».

ГБУК КК «КГИАМЗ» – Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник».

ГБУК РО «РОМК» – Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения».

ГИМ – Государственный исторический музей.

ед. – единица.

ИА АН РТ – Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук.

ИРНИТУ (ИрГТУ) – Иркутский национальный исследовательский технический университет.

ИЭИ УНЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

КНР – Китайская Народная Республика.

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого.

НМ – Национальный музей.

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.

ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция.

РТ – Республика Татарстан.

РФ – Российская Федерация.

СОМК – Саратовский областной музей краеведения.

Ставропольский краеведческий музей – Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Стерлитамакский историко-краеведческий музей – Муниципальное автономное учреждение культуры «Стерлитамакский историко-краеведческий музей» городского округа город Стерлитамак Республика Башкортостан.

Уфимский Музей археологии и этнографии – музей при Институте этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН Республика Башкортостан.

Фонд Марджани / Марджани – Фонд поддержки и развития научных и культурных программ имени Ш. Марджани.

Список источников и литературы

Архивные материалы

1. Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Волгоградской области в 2003 г. // Архив ГУК ОНПЦ, б/н.

2. Иванов В.А. Отчет о разведке и раскопках в Оренбургской области в 1982 г. // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН, б/н.

3. Иванов В.А. Научный отчет о раскопках средневековых памятников в Оренбургской области в 1988 г. Уфа, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. №14087.

4. Котеньков С.А. Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный бугор I» Красноярского района в 1993 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. 13247.

5. Котеньков С.А. Отчёт об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор 1» в Красноярском р-не в 1993 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд. НВ 13749.

6. Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный I» и «Маячный II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. 14967.

7. Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10342, а; Архив ВОКМ. № 73, а.

8. Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10555.

9. Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ВОКМ № 44.

10. Кригер В.А. 1986. Альбом-приложение археологической экспедиции Волгоградского государственного университета под руководством В. А. Кригера в 1986 г. // Архив ВОКМ (б/н).

11. Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды СУАК. – 1915. Вып. 32. – С. 111–133.

12. Лисицын И.П. Отчет о работе археологического отряда ОДЭТС летом 1967 г. в Ленинском районе Волгоградской области. Ф-1. Р-1. № 3800. 90 л., 91 ил.

13. Мажитов Н.А. Отчет о результатах археологических исследований за 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-7. № 3704.

14. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР в 1969 г. // Архив ИА РАН.Ф-1. Р-1. № 3878.

15. Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1974 г. Тема: «Южный Урал в период раннего средневековья» / Н. А. Мажитов. 1974. Архив АЛ БГУ, ф. 2, д. 6.

16. Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1976г. // Архив ВОКМ № 35.

17. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ за 1989 год. // Архив ВОКМ № 63.

18. Мыськов Е.П. Отчет о раскопках могильника Царев, проведенного Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1989 г. // Архив ИА РАН. № Р-1 14226, 14227.

19. Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // ТИИАЭ. – Т. 1. – Алма-Ата, 1956. – С. 140–156.

20. Сергацков И.В. Отчет об охранных археологических работах в зоне строительства магистрального газопровода Починки-Изобильное на участке Жирновской компрессорной станции 2002 г. // Архив ИА РАН. №23451. 97 л.

21. Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области и Западном Казахстане 1950 г. Ф-1. Р-1. № 433. 62 л. 57 ил.

22. Синицын И.В. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР за 1955 г. Ф-1. Р-1. № 1196. 116 л., 195 ил.

23. Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962-1963 гг. Ф-1. Р-1. № 2791. 138 л.

24. Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том IV (отв. ред.: А. В. Захаров). Ростов-на-Дону. 2009. С. 32–71.

25. Цуцкин Е.В. Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ и КГУ в 1977 г. // Архив КИГИ РАН. Фонд 14. Опись 2. Дело 8.

26. Цуцкин Е.В. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и Калмыцкого государственного университета в 1978 году. – 1979. – Архив ИА РАН. Р-1, № 9827.

27. Шилов В.П. Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. Ф-1. Р-1. № 4625. 109 л. № 4625а – Альбом иллюстраций к отчету. 32 л., 219 ил.

28. Field report on the archaeological excavations at Usharal-Ilibalyk. 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html (дата обращения: 07.09.2024).

Авторефераты и диссертации

29. Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII-XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.06. – ИА РАН, Москва, 2007. – 1096 с.

30. Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII в. – конец XX в.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. – Баш. гос. пед. университет. Уфа, 2002. – 334 с.

31. Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. – Рос. гум. пед. университет, Москва, 2002. – 376 с.

32. Erdenebat U. Altmongolisches Grabbrauchtum. Archäologisch-historische Untersuchungenzu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwűrde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich Wilhelms Universitätzu Bonn. Bonn, 2009. 262 S. + Katalog 395 S.

33. Chen Bu Yun. Dressing for the Times: Fashion in Tang Dynasty China (618-907 CE). Columbia University. 2013 p 240 doi:10.7916/D8KK9B6D

Литература

34. Археология: учебник / под редакцией академика РАН В. Л. Янина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 608 с.

35. Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоградский государственный университет. – Волгоград: ВГУ, 2009. - 335 с.

36. Арсланова, Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Ф.Х. Арсланова. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – 405 с.

37. Батырева, К.П. Калмыцкий костюм в призме образно-знаковой системы буддизма / К.П. Батырева // Искусство Евразии. – 2019. – № 4(15). – С. 66–76.

38. Башкова, О.П. Ювелирные украшения из клада близь села Ак-Бешим / О.П. Башкова // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 48–52.

39. Белова, Я.Ю. Степные города на территории Украины как центры золотоордынской культуры: к истории этнонациональных культурных контактов / Я.Ю. Белова // Гуманитарные науки. – 2013. – № 2(26). – С. 157–162.

40. Бисембаев, А.А. Элитные погребения периода Улуса Джучи, изученные в Актюбинской области / А.А. Бисембаев, Г.А. Ахатов // Поволжская Археология. – 2019. – № 2(28). – С. 61–77.

41. Бытковский, О.Ф. Средневековые захоронения новокумакского могильника (III северо-западная группа) / О.Ф. Бытковский, С.Н. Заседателева, И.В. Матюшко [и др.] // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Том 11. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. – С. 214–228.

42. Валеев, Р.М. Металлические зеркала как предмет внешней и внутренней торговли в Золотой Орде / Р.М. Валеев // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 37. – С. 47–53.

43. Васильев, Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени / Д.В. Васильев // Древности Волго-Донских степей: сборник научных статей. Вып. 6. – 1998. – С. 101–112.

44. Васюткин, С.М. Погребения золотоордынского времени могильника Джангар / С.М. Васюткин // Древности Калмыкии. – Элиста, 1985. – С. 158–166.

45. Вафина, Г.Х. Последовательность действий при создании пространственных моделей раскопов / Г.Х. Вафина, Л.В. Овечкина // Материалы

53-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2015: Археология, 11–17 апреля 2015 г. / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2015. – С. 81.

46. Вафина, Г.Х. О некоторых подходах к построению трехмерных моделей сооружения / Г.Х. Вафина, Л.В. Овечкина, Н. Р. Садриев [и др.] // Поволжская археология. – 2018. – № 4(26). – С. 193–202.

47. Винсент из Бове. Историческое зерцало / В. из Бове // Книга странствий. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. – С. 84–116.

48. Галданова, Г.Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов / Г.Р. Галданова // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение РАН, 1992. – С. 71–89.

49. Гарустович, Г.Н. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.): монография / Г.Н. Гарустович, В. А. Иванов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 328 с.

50. Гарустович, Г.Н. Самый богатый клад золотоордынского времени в Башкирском Предуралье (Брик-Алгинское местонахождение) / Г.Н. Гарустович // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 3(53). – С. 33–42.

51. Гарустович, Г.Н. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.) / Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин, А.Ф. Яминов. – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.

52. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. / И. Г. Георги. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1799. – Ч. II. – 178 с.

53. Глухов, А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология: монография / А.А. Глухов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – 101 с.

54. Гомбоев, А.О. История Монголии XIV–XVII вв. в западной историографии / А.О. Гомбоев // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 4(16). – С. 126–132.

55. Гомбоев, Г. Примечания на письмо Н.И. Ильминского к П.С. Савельеву // Известие восточного отделения Русского Археологического общества. – Санкт-Петербург: Академия наук, 1858. – Ч. 1, Вып. 5.

56. Горелик, М.В. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI-XIV вв. из частных собраний / М.В. Горелик // Степи Европы в эпоху Средневековья: сборник научных работ / гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий национальный университет. – Донецк: Издательство ДонНУ, 2014. – С. 75–262.

57. Горелик, М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) / М.В. Горелик // Батыр. – 2010. – № 1. – С. 16–79.

58. Горелик, М.В. Монгольский женский костюм X–XIV вв. / М.В. Горелик // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – Москва: Нумизматическая литература, 2006. – С. 125–126.

59. Горелик, М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры / М.В. Горелик // Золотоордынское наследие: материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)»: сборник статей. – Казань: Фэн АН РТ, 2009. – Вып. 1. – С. 450–462.

60. Грязнов, М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) / М.П. Грязнов // КСИИМК. – Москва, 1951. – Вып. XL. – С. 105–113.

61. Дагданова, М.Б. Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцирующие функции / М.Б. Дагданова. – Улан-Удэ. 2005. – 329 с.

62. Дворниченко, В.В. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований / В. В. Дворниченко, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова. (Труды ГИМ Вып. 135). – Москва, 2002. – С. 71–79.

63. Джувейни, Ата-Мелик. Чингисхан. История Завоевателя Мира / Ата-Мелик Джувейни; перевод с текста М.М. Казвини на английский язык Дж.Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д.О. Моргана; перевод текста с английского на русский язык Е.Е. Харитоновой. – Москва: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. – 690 с.

64. Длужевская, Г.В. Памятники древности на дне тувинского моря / Г.В. Длужевская, Д.Г. Савинов. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2007. – 198 с.

65. Дмитриев, С.В. Пещерный комплекс Дуньхуан. История изучения / С.В. Дмитриев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 108–115.

66. Доде, З.В. Шёлк в культуре Монгольской империи / З.В. Доде // Шёлковый путь. 5000 лет искусства шёлка. – Санкт-Петербург: Славия, 2007. – С. 39–44.

67. Доде, З.В. К вопросу о боктаг / З.В. Доде // Российская археология. – 2008. – № 4. – С. 52–63.

68. Доде, З.В. Женский костюм из золотоордынского захоронения у хутора Рябичев. Предварительные замечания / З.В. Доде // Труды археологического научно-исследовательского бюро; гл. ред. А.Б. Белинский. Т. 4. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 18–19.

69. Доде, З.В. «Халат власти» и «пояс покорности» – почётная одежда в монгольской имперской культуре: Опыт семантической реконструкции / З.В. Доде // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13; гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: ДонНУ, 2014. – С. 7–74.

70. Доде, З.В. Предметы женского костюма из золотоордынского захоронения могильника Тингутинский I. Консервация и предварительные выводы / З.В. Доде // Tyragetia. Serienouă. – 2018. – No. 1(27). – Pp. 331–346.

71. Дульзон, А.П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке / А.П. Дульзон // Труды ТГУ. Т. 98; Труды ТГПИ. Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск, 1947. – С. 65–148.

72. Евгеньев, А.А. К истории изучения средневековых кочевников Оренбургского Предуралья / А.А. Евгеньев // Археология Евразийских степей. – 2017. – № 1. – С. 104–116.

73. Елихина, Ю.И. Дуньхуан и Юйлинь – пещерные музейные комплексы / Ю.И. Елихина // Вопросы музеологии. – 2021. – № 12(2). – С. 296–309.

74. Ермоленко, Л.П. Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) / Л.П. Ермоленко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 58–64.

75. Ефимов, К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» / К.Ю. Ефимов // Донская археология. – 1999. – № 3–4. – С. 93–108.

76. Захаржевская, Р.В. История костюма / Р.В. Захаржевская. – 3-е изд., доп. – Москва: РИПОЛ Классик, 2004. – 287 с.

77. Захариков, А.П. Курганный могильник «Большие Копены-2» / А.П. Захариков, Ю.А. Матюхина // Археология Восточно-Европейской степи. – 2006. – Вып. 4. – С. 161–182.

78. Золотая Орда в источниках. Том 1. Арабские и персидские сочинения / сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – Москва: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. – 448 с.

79. Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники. / пер. Р.П. Храпачевского. – Москва: Наука, 2009. – 336 с.

80. Золотая Орда в источниках. Том 5. Армянские источники / сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – Москва: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. – 320 с.

81. Золотая Орда в источниках. Том 4 Сочинения европейских авторов / сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. Москва: Центр по изучению военной и общей истории, 2021. – 336 с.

82. Иванов, С.В. О детских амулетах нанайцев / С.В. Иванов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): сборник статей / МАЭ РАН. – Ленинград, 1977. – Т. 33. – С. 80–89.

83. Иванов, В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье / В.А. Иванов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 6. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 74–83.

84. Иванов, В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / В.А. Иванов, В.А. Кригер. – Москва: Наука, 1988. – 92 с.

85. Ильюков, Л.С. Женский головной убор из золотоордынского погребения могильника «Новый» в бассейне реки Сал / Л.С. Ильюков // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова: сборник статей. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2019. – С. 212–215.

86. История монголов инока Магакии, XIII века. Перевод К. П. Патканова. – Рипол Классик, 2013. – 124 с.

87. История монголов по армянским источникам. Вып. 1 / К. П. Патканов – Москва: Книга по Требованию, 2013. – 106 с.

88. История монголов по армянским источникам. Вып. 2 / К. П. Патканов – Москва: Книга по Требованию, 2013. – 148 с.

89. Камалеев, Э.В. Золотоордынская бокка из кургана № 1 могильника у села 2-е Имангулово в Оренбургской области / Э.В. Камалеев, С.А. Пилипенко // История и педагогика естествознания. – 2021. – № 3–4. – С. 52–55.

90. Канокова, Ф.Ю. Комплексы традиционных женских головных уборов ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Культура и искусство. – 2018. – № 4. – С. 33–38.

91. Каримова, Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Р.Р. Каримова. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16; отв. ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.

92. Квитницкий, М.В. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре / М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко [и др.] // В поисках сущности = Insearchoftheessence: сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Университет «Высшая антропологическая школа». – Кишинэу: Stratumplus P.P., 2019. – С. 275–290.

93. Кисель, В.А. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы / В.А. Кисель // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской): сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2018. – С. 120–127.

94. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Руи Гонсалес де Клавихо; пер. со староисп., предисл. икоммент. И.С. Мироковой. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 216 с.

95. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Ленинград: ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО, 1991. – 448 с.

96. Клейн, Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1 / Л.С. Клейн. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2011. – 688 с.

97. Коваленко, О.В. Кочівницьке поховання XIII ст. біля с. Сторожове Полтавської області / О.В. Коваленко, Р.С. Луговий // Переяславіка: Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». [зб. наук. статей]. – Переяслав-Хмельницький: Видня НІЕЗ «Переяслав», 2011. – Вип. 5(7). – С. 334–345. (на укр. языке)

98. Козин, С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Том. I: Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии / С.А. Козин // Труды института востоковедения. – Москва; Ленинград, 1941. – 620 с.

99. Кольцов, П.М. Импортная поливная керамика Маджара как источник по изучению международной торговли в Золотой Орде / П.М. Кольцов, Б.А. Байтанаев, Ю.Д. Обухов // Oriental Studies. – 2019. – № 5. – С. 855–871.

100. Кольцов, П.М. Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии / П.М. Кольцов, К.П Кольцова, В.В. Верещагин // Археология евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 73–88.

101. Коновалов, П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры / П.Б. Коновалов // Известия лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13, № 4(25). – С. 65–84.

102. Котеньков, И.С. К вопросу об этнической принадлежности головного убора – бокки / И.С. Котеньков // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011. – С. 200–205.

103. Кравец, В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / В.В. Кравец. – Воронеж: ВГНУ, 2005. – 225 с.

104. Крадин, Н.Н. Археология империи Чингис-хана / Н.Н. Крадин, А.В. Харинский, С.Е. Бакшеева и [и др.] // Stratum plus. – 2016. – № 6. – С. 17–43.

105. Кригер, В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.) / В.А. Кригер. – Уральск: «Евразийский союз ученых», 2012. – 200 с.

106. Кригер, В.А. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области / В.А. Кригер, Б.Ф. Железчиков // Советская археология. – 1980. – № 1. – С. 301–306.

107. Кригер, В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) / В.А. Кригер // Советская археология. – 1983. – № 3. – С. 171–188.

108. Круглов, Е.В. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области / Е.В. Круглов, В.М. Клепиков // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1993. – С. 138–151.

109. Круглов, Е.В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог / Е.В. Круглов, Е.П. Мыськов, А.В. Ситников [и др.]. – Волгоград: Панорама, 2001. – 32 с.

110. Крупнов, Е.И. О происхождении ингушей / Е.И. Крупнов // Средневековая Ингушетия. – Москва, 1971. – С. 39–57.

111. Кубанкин, Д.А. Погребальные памятники Увекского городища / Д.А. Кубанкин // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 190–213.

112. Ларенок, В.А. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкина / В.А. Ларенок // Донские древности. Вып. I. – Азов, 1992. – С. 158–189.

113. Леонова, Н.В. Краткие результаты исследования погребений монгольского времени из кургана №8 могильника Песчаный-I в Ростовской области РФ / Н.В. Леонова, С.А. Пилипенко // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2023. – № 29. – С. 173–180.

114. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. / Н.А. Мажитов. – Москва: Наука, 1977. – 250 с.

115. Макласова, Л.Э. Проблемы интерпретации некоторых деталей берестяной конструкции бокки на примере женского головного убора из курганного могильника Телеутский Взвоз-I (опыт реконструкции) / Л.Э. Макласова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3(69), № 3. – С. 130–135.

116. Макласова, Л.Э. Преемственность форм берестяных каркасов бокк / Л.Э. Макласова, В.Ю. Макласов // Археология евразийских степей. – 2018. – № 5. – С. 300–305.

117. Макласова, Л.Э. Конструкция монгольского головного убора "гу-гу" в династии Юань / Л.Э. Макласова // Археология Евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 120–126.

118. Макласова, Л.Э. Берестяной каркас «боктаг» из кургана № 7 у села Усть-Курдюм: опыт реконструкции / Л.Э. Макласова //Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова: сборник статей; редкол.: Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина; ФГБОУ ВО «ВГСПУ»; ВООО «ВДАО»; ВРО «ВООПИиК». – Волгоград: Сфера, 2019. – С. 221–224.

119. Макласова, Л.Э. К вопросу о головных уборах «örbelge» / Л.Э. Макласова // Археология Евразийских степей; гл. ред. А. Г. Ситдиков. – Казань: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2019. – № 1. – С. 129–132.

120. Макласова, Л.Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника / Л.Э. Макласова // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: труды съезда. В 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года. – Самара, 2020. – С. 26–28.

121. Макласова, Л.Э. Элементы головных уборов из двух погребений курганного могильника Дядьковский 45 / Л.Э. Макласова, И.А. Гордин // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 5. – С. 159–168.

122. Макласова, Л.Э. Разновидности берестяных каркасов «боктаг» (предварительный анализ) / Л.Э. Макласова // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность: материалы IV Международной научно-практической конференции, Казань, 01–02 июня 2021 года. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2021. – С. 299–307.

123. Макласова, Л.Э. «Боктаг» из двух погребений Башкир-Беркутовского курганного могильника (предварительный анализ) / Л.Э. Макласова, В.Ю. Макласов, Э.В. Камалеев // Археология Евразийских степей; гл. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2021. – С. 257–265.

124. Макласова, Л.Э. К вопросу о берестяных каркасах боктаг с территории Южного Урала / Л.Э. Макласова // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны, Курган, 21–25 ноября 2022 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2022. – С. 265–267.

125. Малов, Н.М. Археологическая деятельность П.Н. Шишкина в Саратовском и Волгоградском Поволжье / Н.М. Малов // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – Т. 16. – С. 38–44.

126. Марченко, Ж.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) / Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин, М.С. Кишкурно [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. 21. – С. 297–302.

127. Марыксин, Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) / Д.В. Марыксин // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2009. – № 1. – С. 246–272.

128. Мамонова, А.А. Бокка из захоронения №51 могильника маячный Бугор-II (Астраханская область) / А.А. Мамонова, О.Б. Лантратова,

О.В. Орфинская // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2012. – № 1. – С. 122–126.

129. Мамонтов, В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей: сборник научных статей. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып. 3. – С. 115–172.

130. Мамонтов, В.И. Средневековые погребения Царевского курганного могильника / В.И. Мамонтов, А.В. Ситников // Древности Волго-Донских степей: сборник научных статей. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып. 3. – С. 183–208.

131. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В.С. Гаскина. – М., 1984. – 486 с.

132. Матюшко, И.В. Ювелирные изделия золотоордынского времени из погребений кочевников Южного Приуралья / И.В. Матюшко // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями, Санкт-Петербург, 22–26 октября 2012 года / Российская академия наук Институт истории материальной культуры. – Санкт-Петербург: Периферия, 2012. – С. 349–352.

133. Матюшко, И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области / И.В. Матюшко // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9; отв. ред. Н.Л. Моргунова. – Оренбург: ОГПУ, 2011. – С. 146–156.

134. Матюшко, И.В. Памятники IX–XIV вв. Степного Приуралья / И.В. Матюшко. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 108 с.

135. Махнюк, В.Г. Береста: Техника. Приемы. Изделия: энциклопедия / В.Г. Махнюк. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. –168 с.

136. Мыськов, Е.П. Кочевники Волого-Донских степей в эпоху Золотой Орды / Е.П. Мыськов. – Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 484 с.

137. Мыськов, Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды / Е.П. Мыськов // Российская археология. – 1995. – № 2. – С. 36–43.

138. Монголын эртний булш оршуулга [Древние погребения Монголии]. – Улаанбаатар: Монголу улсын шинжлэх ухааны академи, 2016. – 287 с. (на монг. языке)

139. Моргунова, Н.Л. Курганный могильник Мустаево V / Н.Л. Моргунова, Л.А. Краева, И.В. Матюшко // Археологические памятники Оренбуржья. – 2005. – Вып. 7. – С. 5–49.

140. Мункуев, Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая (перевод и исследования) / Н.Ц. Мункуев; отв. ред. Л.И. Думан. – Москва: Наука, 1965. – 224 с.

141. Мунхбаяр, Ч. Предварительные результаты исследования скального погребения Гоожуур (Монгольский Алтай) / Ч. Мунхбаяр // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов, Барнаул, 06–08 октября 2015 года. – Барнаул: ООО Издательский дом «Наука», 2015. – С. 223–226.

142. Нарожный, Е.И. Новопавловский могильник XIV века в системеевразийских древностей; под ред. С.Н. Савенко / Е.И. Нарожный, Н.А. Охонько. – Армавир; Ставрополь, 2007. – 173 с.

143. Неглинская, М.А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин / М.А. Неглинская // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 3. – С. 395–433.

144. Недашковский, Л.Ф. Курганы и курганные группы округи Царевского городища / Л.Ф. Недашковский // Золотоордынское наследие: материалы второй Международной научной конференции, посвященной памяти М.А. Усманова, Казань, 29–30 марта 2011 года; отв. редактор и составитель И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Издательство Фолиант», 2011. – С. 325–333.

145. Недашковский, Л.Ф. Подкурганные золотоордынские погребения у Ленинска / Л.Ф. Недашковский // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, Астрахань, 02–06 октября

2011 года. – Астрахань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2011. – С. 231–235.

146. Орозбекова, Ж. Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху / Ж. Орозбекова, К.Т. Акматов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5. – С. 174–186.

147. Орфинская, О.В. Текстиль из Захоронения Золотоордынского Периода на Могильнике Маячный Бугор-1 / О.В. Орфинская, В.П. Голиков, О.Б. Лантратова [и др.] // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: материалы III международной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Труды ГИМ. Вып. 184. – Москва, 2013. – С. 151–162.

148. Орфинская, О.В. Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю / О.В. Орфинская. – Москва: Институт Наследия, 2019. – 122 с.

149. Охонько, Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края / Н.А. Охонько // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2010. – Вып. 1. – С. 88–96.

150. Павленко, Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье / Ю.А. Павленко // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань, 2001. – С. 74–76.

151. Пен Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах; публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5. – 160 с.

152. Пилипенко, С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутскуй Взвоз 1 в Степном Алтае (технологичный аспект) /

С.А. Пилипенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4/2. – С. 84–87.

153. Пилипенко, С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка / С.А. Пилипенко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сборник научных трудов. – Барнаул, 2003. – С. 156–162.

154. Пилипенко, С.А. Конструктивные особенности бокк из собраний музеев Волгограда и Волгоградской области: к постановке проблемы (по материалам могильников Царев, Солодовка-I-II) / С.А. Пилипенко, А.В. Жадаева // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 02(18). – С. 41–46.

155. Пилипенко, С.А. Конструктивные элементы бокк из погребений средневековых кочевников Тувы и Прибайкалья / С.А. Пилипенко, А.В. Жадаева // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова, Улан-Удэ, 04–06 декабря 2017 года; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2017. – С. 200–204.

156. Пилипенко, С.А. К вопросу об атрибуции берестяных нашивок из погребения №17 могильника Кудыргэ / С.А. Пилипенко // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2020. – № 26. – С. 112–119.

157. Пилипенко, С.А. Проблемы и перспективы изучения бокк на территории Казахстана / С.А. Пилипенко, А.Е. Касеналин, Т.Н. Крупа [и др.] // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2021. – № 27. – С. 255–265.

158. Пилипенко, С.А. Об одном типе головных уборов из средневековых погребений Сарыарки / С.А. Пилипенко, Б.М. Хасенова // Культура населения

Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха; отв. ред. Г. А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. – С. 96–113.

159. Пилипенко, С.А. Об одной конструктивной детали бокк улуса Джучи и империи Юань / С.А. Пилипенко, В.А. Кригер, Е.А. Корж [и др.] // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова: сборник статей. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2019. – С. 225–231.

160. Пилипенко, С. А. Серебренное перекрестье бокки из собрания Астраханского музея-заповедника (предварительное сообщение) / С.А. Пилипенко, А.А. Тимофеев, Е.А. Корж [и др.] // Сарыарқажәне Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. – Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство. – Saryarka and the Golden Horde: time and space. – Алматы, 2019. – С. 42–52.

161. Пилипенко, С.А. Реконструкция бокки из раскопок Н. А. Мажитова в Оренбуржье / С.А. Пилипенко, Э.В. Камалеев // Маргулановские чтения. – 2021. – Алматы, 2021. – Т. 3. – С. 52–57.

162. Плетнева, Л.М. Социальная структура общества развитого средневековья в Томском Приобье (по материалам могильников) / Л.М. Плетнева // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33, № 1. – С. 106–127.

163. Поздняков, Д.В. Женский головной убор монгольского времени из Верхнего Приобья / Д.В. Поздняков, С.А. Пилипенко, Ж. Орозбекова [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 74–82.

164. Полное описание монголо-татар. Мэн-да Бэй-лу / пер. Н.Ц. Мункуева. – Москва: Наука. 1975. –286 с.

165. Попов, П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) / П.В. Попов // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей, посвященный памяти В.П. Костюкова. – Астрахань, 2011. – С. 131–144.

166. Поппе, Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб / Н.Н. Поппе. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1938. – Части I–II: iv с., с. 1–452. Ч. III: С. 453–566.

167. Портнягин, М.А. Бокка из комплекса № 5 могильника Ногоор-Гозгор I: к вопросу о монгольском влиянии / М.А. Портнягин // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М.Л. Бережнова, И.В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – 276 с.

168. Портнягин, М.А. Этносоциальная ситуация в Северном Прихубсугулье в XIII–XIV вв.: предварительные выводы / М.А. Портнягин // Актуальная археология 5: материалы Международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 13–16 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: Невская Типография, 2020. – С. 343–348.

169. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. – Москва: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 287 с.

170. Рикольдо де Монте. Кроче Путешествие по святой земле. Книга странствий / Рикольдо де Монте. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. – С. 147–200.

171. Руденко, К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра / К.А. Руденко. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.

172. Руденко, К. А. Золотые украшения Волжской Булгарии и булгарского улуса золотой Орды: опыт сравнительного анализа / К. А. Руденко // Поволжская Археология. – 2018. – № 2(24). – С. 111–124.

173. Рябцева, С.С. О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII – начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией / С.С. Рябцева // В поисках сущности = Insearchoftheessence: сборник статей в

честь 60-летия Н. Д. Руссева; Университет «Высшая антропологическая школа». – Кишинэу: Stratumplus P. P., 2019. – С. 291–306.

174. Семенов, Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре/ Л.П. Семенов // Известия : [сборник] / Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. – Т.1. – Вып. 1: История. – Грозный, 1959. – С. 197–219.

175. Сергацков, И.В. Курганы у поселка Линево / И.В. Сергацков, А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков, А.Н. Дьяченко // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Том Выпуск 3. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2006. – С. 37-80.

176. Синицын, И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане (1948-1950) / И.В. Синицын // ТИИАЭ. Т. 1. – Алма-Ата, 1956. – С. 87–139.

177. Синицын, И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) / И.В. Синицын // Древности Нижнего Поволжья. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Том II. МИА. № 78. – Москва: Изд-во АН СССР. 1960. – С. 10–168.

178. Си Ю Цзи или описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад // Пустыня Тартарии // Арабески истории: альманах. – Москва, 1995. – Вып. 2. – С. 280–378.

179. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием MONGГOL-UNNIГUCATOBCIYAN. Юань Чао Би Ши: Монгольский обыденный изборник. Т.1: Введение в изучение памятника; Перевод; Тексты; Глоссарии / С.А. Козин. – Москва: АН СССР, 1941. – 619 с.

180. Су, Донг. Головной убор Династии Юань. Внутренняя Монголия. Культурные реликвии и археология / Донг Су // Хух-Хото. – 2001. – №2. – С. 99–100.

181. Супруненко, О.Б. Жіноче кочівницьке поховання золотоординського часу в пониззі Псла / О.Б. Супруненко // Antiquites. – 2011. – Vol. 10, No 10. P. 273–284. (на укр. языке)

182. Табалдиев, К.Ш. Курганы средневековых кочевых племён Тянь-Шаня / К.Ш. Табалдиев. – Бишкек: «Айбек», 1996. – 256 с.

183. Табалдиев, К.Ш. Деревянные остовы седел из могильника Боз-адыр на Тянь-Шане / К.Ш. Табалдиев, К.Т. Акматов, Ж. Орозбекова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 5. – С. 186–196.

184. Тишкин, А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 / А.А. Тишкин // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул, 2001. – С. 127–133.

185. Тишкин, А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. – 274 с.

186. Тишкин, А.А. Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени / А.А. Тишкин, С.А. Пилипенко // V конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов, Омск, 09–12 июня 2003 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2003. – С. 203.

187. Тишкин, А.А. Металлические украшения женских головных уборов монгольского времени // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 155–160.

188. Тишкин, А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2009. – С. 59–60.

189. Тишкин, А.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз I в Верхнем Приобье) / А.А. Тишкин, С.А. Пилипенко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5(43). – С. 20–24.

190. Тишкин, А.А. Телеутский Взвоз-I – курганная группа золотоордынского времени на юге Западной Сибири (результаты междисциплинарных исследований) / А.А. Тишкин // Поволжская Археология. – 2020. – № 2(32). – С. 107–118.

191. Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды / В.В. Трепавлов; отв. ред. М.А. Усманов. – 2-е изд., испр. и доп.– Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

192. Усова, И.А. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья / И.А. Усова. – Барнаул. 2012. – 359 с.

193. У, Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Хань У; пер. с кит. А.И. Желоховцева, Л.А. Боровкииой, Н.Ц. Мункуева; под ред. В.П. Илюшекнна; предисл. Л.С. Переломова. – Москва, 1980. – 131 с.

194. Фазлуллах, Рашид-ад-дин. Джами-ат-таварих / Рашид-ад-дин Фазлуллах. – Баку: НагылЕви, 2011. – 540 с.

195. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 270 с.

196. Фёдоров-Давыдов, Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов / Г.А. Федоров-Давыдов. – Москва: Искусство, 1976. – 228 с.

197. Федоров-Давыдов, Г.А. В древней дельте Волги (из работ Поволжской археологической экспедиции) / Г.А. Федоров-Давыдов / Путешествия в древность. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 50–76.

198. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – Москва: Изд-во Моск.ун-та, 1994. – 232 с.

199. Харинский, А.В. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. / А.В. Харинский, Д. Эрдэнэбаатар // Теория и практика археологических исследований. – 2011. – № 6(6). – С. 107–122.

200. Харинский, А.В. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северно Прихубсугулье / А.В. Харинский, Д. Эрдэнэбаатар, М.А. Портнягин [и др.] // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 2(27). – С. 93–120.

201. Харламов, П.В. I курганный могильник у с. Андреевка в Саракташском районе Оренбургской области / П.В. Харламов, Е.А. Купцов // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. Вып 17; отв. ред. Н.Л. Моргунова; Мин-во просвещения Рос. Федерации, ФГБОУ ВО «Оренб. гос. пед. ун-т». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2024. – С. 99–128.

202. Хасенова, Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг / Б.М. Хасенова // Вопросы археологии Казахстана: сборник научных статей; ответственный редактор: А.З. Бейсенов. – Алматы: ТОО «Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола», 2011. – С. 447–454.

203. Хасенова, Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир / Б.М. Хасенова // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. – Алматы, 2017. – С. 98–113.

204. Храпачевский, Р.П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань / Р.П. Храпачевский. – Москва: ЦИВОИ, 2019. – 744 с.

205. Хэ, Чжиюнь. Эволюция китайского традиционного костюма в северном Китае как отражение социокультурных кодов картины мира: специальность 24.00.01: дис. … канд. культурол. наук / Хэ Чжиюнь. – Владивосток, 2011. – 199 с.

206. Цэвээндорж, Д. Археология Монголии / Д. Цэвээндорж, Д. Баяр, Я. Цэрэндагва [и др.]. – Улаанбаатар, 2008. – 239 с.

207. Чесняк, М.Г. Дизайн традиционных женских головных уборов как символика взаимосвязи с окружающей средой / М.Г. Чесняк // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2014. – № 1. – С. 100–102.

208. Черная, М.П. Опыт реконструкции исторического костюма на примере «мисюрки-приплешницы» / М.П. Черная, И.В. Ованенко // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. – Омск, 2017. – С. 128–133.

209. Шарманджиев, Д.А. К вопросу об этнической принадлежности головного убора «БОККА» средневековых кочевников / Д.А. Шарманджиев // Монголоведение. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2007. – С. 184–193.

210. Шатилов, М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки; под ред. С.Г. Пархимовича / М.Б. Шатилов. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. – 288 с.

211. Шилов, В.П. Древние скотоводы калмыцких степей / В.П. Шилов; Институт археологии РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – Элиста: Герел, 2009. – 304 с.

212. Шишка, Е.А. Дарообмен в качестве этнокультурного и этнополитического измерения власти Монгольской империи в XIII в. / Е.А. Шишка // Novogardia. – 2020. – № 2(6). – С. 86–94.

213. Эварницкий, Д.И. Дневники раскопок / Д.И. Эварницкий // Труды XIII Археологического съезда I. – Москва, 1907. – С. 108–157.

214. Эрдэнэбат, У. Богтаг малгай нчимэглэл / У. Эрдэнэбат // Оюуныхэлхээ. – 2010. – № 1(06). – Fasc. 10. – С. 71–113 (на монг.)

215. Эрдэнэбат, У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай / У. Эрдэнэбат. – Улаанбаатар, 2006. 152 с.

216. Юрченко, А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней / А. Г. Юрченко. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 432 с.

217. Юрченко, А.Г. Монгольская мужская прическа XIII века / А. Г. Юрченко // Mongolia – VI: сборник статей. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 63–68.

218. Allsen Thomas T., The Steppe and the Sea. Pearls in the Mongol Empire, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2019, 240 p.

219. Bemmann J., Nomguunsüren G. Bestattungen in Felsspalten und Hohlräumen mongolischer Hochgebirge, // in Steppenkrieger. Reiter nomaden des 7.-14. Jahrhundertsaus der Mongolei, ed. J. Bemmann, Darmstadt, 2012. P. 199-217.

220. Matsui, D.A Mongolian Decree from the Chaghataid Khanate Discovered at Dunhuang // Aspects of Research into Central Asian Buddhism: In Memoriam Kōgi Kudara / ed. by P. Zieme. Turnhout, 2008. P. 159-178.

221. Mao, Huiwei. “Comparative Study of Nasij and Jin Duan zi of Mongol Period.” Asian Social Science 16 (2020): P. 13–18.

222. Mostaert, A. Sur quelques passages de I"Histoire secrete des Mongols. HJAS. 1950. Vol. 13, № 3/4. P. 285–361.

223. Nugteren H., Wilkens J. A Female Mongol Headdress in Old Uyghur Secular Documents. IJOUS. 2019; 1(2): P.153-170.

224. The Topkapi Saray Museum: The Albums and Illustrated Manuscripts; Translated, Expanded, and Edited by J. M. Rogers. Boston, 1986. 280 p.

225. Vainker, Shelagh J, Chinese Pottery and Porcelain: From Prehistory to the Present, London, BMP, 1991. 240 p.

226. Wang Yao-t’ing. Die Darstellung der mongolischen Herrscher in der chinesischen Malerei der Yuan-Dynastie. Dschingis Khan und seine Erben. Bonn/Munchen, 2005. S. 298–411.

227. Watt J. The World of Khubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty. New York: Metropolitan Museum of Art. 2010. 342 p.

228. Yuka Kadoi. Islamic Chinoiserie: The Art of Mongol Iran. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2009. 286 p.

229. 汪世显家族墓出土文物研究 (Исследование археологических находок в семейной гробнице Ван Шисяня) / 主编：俄军；编辑：程丽君，王南南，李永平，王科社，裴之祺. — 兰州: 甘肃人民美术出版社. —2017年. — 331页.

230. 杜文 (Ду Вэнь). 试析元代磁州窑绘画枕上的蒙元人物形象[J].收藏家 2015 (02): 47-55.

231. 贾玺增 (Цзя Си Цзэн). 罟罟珠冠高尺五， 暖风轻袅鹖鸡翎 - 蒙元时期的罟罟冠 /贾玺增 //紫禁城. — 2011 年. — 第 198 期. 80-95.

232. 竺小恩 (Чжу Сяоэнь). 敦煌壁画中的蒙元服饰研究 [J]. 浙江纺织服装职业技术学院学报, 2013 (1): 59-64.

Электронные ресурсы

233. Береста секреты мастера. [Электронный ресурс] URL: https://www.greencross.by/sites/default/files/files-for-download/2020/beresta-12-05-2020.pdf (доступ свободный).

234. В Кызылорде презентовали реконструированный образ сакского воина и сыганакской принцессы. [Электронный ресурс] URL: https://24.kz/ru/news/culture/item/629028-v-kyzylorde-prezentovali-rekonstruirovannyj-obraz-sakskogo-voina-i-syganakskoj-printsessy (дата обращения: 08.09.2024).

235. Красноперов А. А. Логико-археологический трактат (О методологии, методике, проблемах и решениях изучения археологического костюма). [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/1757469 (доступ свободный).

236. Тишкин А. А., Пилипенко С. А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №5 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-

rekonstruktsii-zhenskih-golovnyh-uborov-mongolskogo-vremeni-po-materialam-berestyanyh-nahodok-na-pamyatnike-teleutskiy (доступ свободный).

237. Duan Wenjie. Dunhuang Art in the Last Phase // International seminar «Cave Art of India and China». New Delhi, November 25–27, 1991 // URL: www.ignca.nic.in/ks_19026.htm

238. Tumur-Ochir B., Gonchig B., Nasan-Ochir E.-O., Munkhtuuul A. The Cave-Burial from the Tsambagarav Mountain (New Artifacts of the Bogtag). Stud. Archaeol. [Internet]. 2023 Dec. 22 [cited 2024 May 28];43(2):53-69. Available from: https://mongoliajol.info/index.php/SA/article/view/3183

239. **李敏** (Ли Минь) “锦上头衣”: 丝绸之路上的胡风帽饰 - **杭州考察笔**记之六" [Электронный ресурс] URL: http://www.biftmuseum.com/file/download?filename=/WEB/2016/12/30//20161230204719586657579bfce.pdf

240. **宋江斌**, 谢静 (Сун Цзянбинь, Се Цзин). 鸾凤穿花纹织金锦姑姑冠罩初探——**北京服装学院民族服**饰博物馆馆藏古 116 **姑姑冠罩研究**报告: Luanfeng chuan huawen zhi jinjin guguguan zhao chutan ——Beijing fuzhuang xueyuan minzu fushi bowuguan guancang gu 116 guguguan zhao yanjiu baogao. [Preliminary Study on the cover of a gugu hat of gold brocade woven with a mythical bird pattern - Research Report of gugu hat cover old [catalogue no.] 116 of the Collection of the Ethnic Costume Museum of the Beijing Institute of Fashion Technology]. In: 艺术设计研究 Yishu sheji yanjiu [Art and Design Research] 2017:2 http://www.biftmuseum.com/file/download?filename=/WEB...]

Приложение А

Таблица А.1 – Алфавитный указатель берестяных каркасов боктаг

№ п/п	№ по Табл. 2	Памятник	Курган/мавзолей	Пог.	Ориентировка	Расположение в погребении	Датировка*	Местонахождение
1	23	Адрг	1	1	ЮЗ	На голове	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район, в 7 км к востоку от пос. Джангар, Сарпинская низменность
2	23	Адрг	10	1	СВ	Справа от/за черепом	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район, в 7 км к востоку от пос. Джангар, Сарпинская низменность
3	23	Адрг	11	1	СВ	На лице	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район, в 7 км к востоку от пос. Джангар, Сарпинская низменность
4	14	Аксеновский	20	1	СВ	Под/за черепом	XIII-XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Октябрьский район, в 5 км к востоку от с. Новый Аксай
5	53	Андреевка I	3	1	ЗСЗ	На/возле черепа	Пер. пол. XIV в.	Россия, Оренбургская область, Саракташский район, недалеко от села Андреевка, на площадке горы Шишка
6	25	Архара	15	1	В	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, средняя часть Ергенинской возвышенности, Элистинский округ, в 1,5 км к СВ от санатория Лола и Лолинского курганного могильника (20 км к Ю от г. Элиста)
7	25	Архара	16	1	З	Правое плечо/рука	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, средняя часть Ергенинской возвышенности, Элистинский округ, в 1,5 км к СВ от санатория Лола и Лолинского курганного могильника (20 км к Ю от г. Элиста)
8	63	Афанасьевка	7	1	З	На скелете	1341-1355 гг.	Украина, Днепропетровская область, Синельниковский район, с. Панасовка (быв. Афанасьевка)
9	60	Басандайк	24	2	ВЮВ	С левой стороны у ступни	XIII-XIV вв.	Россия, Томская область, Томский район, у пос. Басандайка
10	39	Басы I (Малиновский)	-	1	С	Возле черепа	XIV в.	Россия, Республика Калмыкия, Черноземельский район, с. Басы
11	13	Бахтияровка	5	1	СВ	У правой плечевой кости	XIII-XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
12	13	Бахтияровка	11	1	ЗЮЗ	С левой стороны черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
13	13	Бахтияровка II	49	1	З	Слева у черепа	по монете хана Узбека (1322 г.)	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
14	13	Бахтияровка II	70	1	З	На черепе	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
15	13	Бахтияровка II	72	6	З	У пояса слева	2-я пол.XIII – XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка

16	13	Бахтияровка III	86	1	ЮЗ	За черепом	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
17	13	Бахтияровка III	91	1	ЮЗ	На черепе	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
18	13	Бахтияровка III	112	1	З	-	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
19	13	Бахтияровка III	120	1	З	-	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
20	13	Бахтияровка III	137	1	З	-	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Бахтияровка
21	47	Башкир-Беркутово	2	1	З	У левого виска	XIII-XIV вв.	Россия, Башкортостан, Кугарчинский район, на горе в 100 м северо-восточнее дер. Башкир-Беркутово
22	47	Башкир-Беркутово	3	1	СВ	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Башкортостан, Кугарчинский район, на горе в 100 м северо-восточнее дер. Башкир-Беркутово
23	103	Баянгол	-	4	-	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Булган, Хутаг Ундер сум
24	38	Белокаменка	Д-36	1	-	Разрушен грабителями	XIII-XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Старополтавский район, с. Белокаменка
25	76	Бел-Саз I	4	1	СЗ	С левой стороны черепа	1271-1272 гг.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
26	76	Бел-Саз I	12	1	-	-	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
27	76	Бел-Саз I	15	1	-	-	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
28	76	Бел-Саз I	16	1	СЗ	За головой	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
29	18	Бережновский II	28	1	З	Около головы	2-я пол. XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Николаевский район, в 5 км от с. Бережновка на левом берегу р. Волги в устье р. Еруслан
30	59	Ближние Елбаны VI	-	4	-	-	XIII-XIV вв.	Россия, Алтайский край, Троицкий район, близь с. Большая Речка
31	34	Блюменфельд А	4	1	З	Возле затылка	XIII-XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Старополтавский район, недалеко от с. Цветочное
32	80	Боз-Адыр	10	1	ССВ	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Киргизия, Тонский район, Иссык-Кульская котловина, северная часть городища Кан-Дюбе
33	80	Боз-Адыр	11	1	ССВ	СВ черепа	XIII-XIV вв.	Киргизия, Тонский район, Иссык-Кульская котловина, северная часть городища Кан-Дюбе
34	80	Боз-Адыр	38	1	С	Над правым плечом	XIII-XIV вв.	Киргизия, Тонский район, Иссык-Кульская котловина, северная часть городища Кан-Дюбе
35	2	Большие Копены 2	1	1	З	Возле правого плеча	2-я пол. XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия Саратовская область, Лысогорский район
36	2	Большие Копены 2	2	2	СВ	Рядом с черепом	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия Саратовская область, Лысогорский район
37	4	Большой Царын	4	1		У правой ступни	XIII - XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район (граница с Волгоградской областью), в районе пос. Большой Царын

38	4	Большой Царын I	1	1	-	Под кистью правой руки	XIII - XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район (граница с Волгоградской областью), в районе пос. Большой Царын
39	4	Большой Царын II	3	1	СВ	На груди	XIII - XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район (граница с Волгоградской областью), в районе пос. Большой Царын
40	83	Булган Уул	-	1	СЗ	Рядом с левым плечом	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Архангай, район Ондор-Улан сум, на южной стороне горы Булган, левый берег реки Хануй
41	92	Булган Чошуу	-	1	С	На черепе	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Ховд, Дарви сум
42	87	Бурхан Толгой	-	3	С	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хэнтий Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен
43	87	Бурхан Толгой	-	4	С	На левом плече	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хэнтий Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен
44	87	Бурхан Толгой	-	5	СЗ	Слева от черепа	Китайские монеты: 1068-1086 и 1101-1126 гг.	Монголия, аймак Хэнтий Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен
45	98	Буурал Уул	-	2	С	На груди	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Сэлэнгэ, Хонгор сум, у горы Буурал на северо-восточной стороне реки Ханаа, в 3 км от райцентра Хонгор
46	98	Буурал Уул	-	3	СВ	В ногах	Китайские монеты: 976-989 гг., 1008-1016 гг., 1023-1031 гг.	Монголия, аймак Сэлэнгэ, Хонгор сум, у горы Буурал на северо-восточной стороне реки Ханаа, в 3 км от райцентра Хонгор
47	98	Буурал Уул	-	7	С	В районе черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Сэлэнгэ, Хонгор сум, у горы Буурал на северо-восточной стороне реки Ханаа, в 3 км от райцентра Хонгор
48	98	Буурал Уул	-	11	В	Под черепом	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Сэлэнгэ, Хонгор сум, у горы Буурал на северо-восточной стороне реки Ханаа, в 3 км от райцентра Хонгор
49	7	Быково III	6	1	З	Между левой рукой и ребрами	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия Волгоградская область, Быковский район
50	111	Ван	-	-	-	-	XIII-XIV вв.	КНР, Внутренняя Монголия, округ Цзиньчжун в провинции Шаньси
51	62	Волошино II	2	1	СВ	Справа от черепа	2-я пол. XIII - 1-я пол. XIV вв.	Украина, Полтавская область, Дмитровский сельсовет, г. Горишние Плавни (быв. Комсомольск), у с. Волошино (упразднено)
52	46	Гвардейцы	3	1	СВ	У черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Самарская область, Борский район
53	11	Глазуновский	5	1	З	-	2-я пол.XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия Волгоградская область, Кумылженский район, недалеко от ст. Глазуновская
54	102	Гоожур скальное пог.	-	1	-	-	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Ховд, Мунххайрхан сум, около с. Борта, на левом берегу реки Бооржа
55	9	Гува III	1	1	ССВ	Слева, перед лицом погребенной	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия Республика Калмыкия, Октябрьский район, недалеко от пос. Большой Царын, в Сарпинской низменности

56	30	Давыдовка III	1	1	С	Слева от затылка	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, Пугачевский район, недалеко от с. Давыдовка
57	22	Джангар	27	1	З	Слева от черепа	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Октябрьский район, недалеко от пос. Джангар, в Сарпинской низменности
58	89	Долуд	-	4	-	В правом верхнем углу погребения	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хэнтий, Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен и на юго-западной стороне горы Баян-Улаан, в 30 км к юго-западу от райцентра Аварга
59	112	Дурбэд	1	-	-	-	XIII-XIV вв.	КНР, Внутренняя Монголия, округ Дацин, пров. Хэйлунцзян, хошун Дурбэд
60	41	Дядьковский 45	-	1	СВ	⊥ за головой,	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Краснодарский край, Кореновский район, в 3 км к западу от станицы Дядьковская
61	68	Ждановский	14	1	ЮЗ	На правом предплечье и правой половине грудной клетки до левого крыла таза	XIII-XIV вв.	Казахстан, Павлодарская область, у сов. им. Жданова
62	68	Ждановский	25	1	ЮЗ	В области грудной клетки	XIII-XIV вв.	Казахстан, Павлодарская область, у сов. им. Жданова
63	79	Жетим-Кыркол	1	1	С	-	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Алайская долина, на левом берегу р. Гульча
64	79	Жетим-Кыркол	3	1	СВ	-	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Алайская долина, на левом берегу р. Гульча
65	99	Залаа	-	1	СЗ	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Сухэ-Батор, Уулбаян сум, недалеко от райцентра Зуунбулаг
66	85	Зараа Толгой	-	1	СЗ	На груди	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Булган, Бурэгхангай сум, около горы Зараа Толгой на главной дороге между районом Булган и Улан-Батором
67	50	Имангулово II	1	1	З	У правого виска	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Октябрьский район, недалеко от дер. Имангулово, на левом берегу р. Салмыш, в 250 м восточнее трассы Оренбург-Уфа
68	50	Имангулово II	3	1		За головой	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Октябрьский район, недалеко от дер. Имангулово, на левом берегу р. Салмыш, в 250 м восточнее трассы Оренбург-Уфа
69	69	Калыбай II	1	1	-	-	XIII-XIV вв.	Казахстан, Кустанийская область
70	97	Каракорум	-	2	С	На левом плече	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Уверхангай, Хархорин сум, недалеко от старой ступы, примерно в 500-600 м к северо-западу от северо-западного угла стены монастыря Эрдэнэ-Зуу
71	65	Кара-Оба (Новая Казанка)	1	1	СЗ	Вдоль левой руки, поверх локтя	XIII-XIV вв.	Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, в урочище Курпе-Бай, на левом берегу р. Малый Узень, в 6 км к северо-востоку от с. Джангала

72	65	Кара-Оба (Новая Казанка)	4	1	В	Возле головы	XIII-XIV вв.	Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, в урочище Курпе-Бай, на левом берегу р. Малый Узень, в 6 км к северо-востоку от с. Джангала
73	65	Кара-Оба (Новая Казанка)	12	1	В	Возле черепа	XIII-XIV вв.	Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, в урочище Курпе-Бай, на левом берегу р. Малый Узень, в 6 км к северо-востоку от с. Джангала
74	114	Корея	-	-	-	-	XIII-XIV вв.	Неизвестно. Хранится в Южной Корее, г. Сеул
75	37	Козицкое	1	1	З	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, с. Козицкое
76	16	Комсомольский	-	2	-	В области черепа	2-я пол.XIII в.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, у пос. Комсомольский
77	56	Крохалёвка 5	75	27	В	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Новосибирская область, Коченёвский район, около г. Новосибирска
78	61	Крутский II	-	1		Слева и под головой	XIII-XIV вв.	Россия, Прибайкалье
79	58	Кудырге	-	17		-	XIII-XIV вв.	Россия, Красноярский край, Часовенная гора недалеко от г. Красноярск
80	81	Кырчын	-	1	-	За головой	XIII-XIV вв.	Киргизия, Иссык-Кульская область, на северном берегу оз. Иссык-Куль, севернее с. Семеновка, на «трассе Великого Шелкового пути»
81	28	Ленинск I	12	1	ЮЗ	-	XIII-XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, к северо-западу от г. Ленинска, на террасе р. Ахтуба
82	19	Линево	2	1	ЗСЗ	У левого плеча	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Жирновской район, недалеко от пос. Линево
83	52	Линёвский I	5	1	СВ	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 10 км к северу от с. Линевка, на краю высокой коренной террасы правого берега р. Б.Песчанка
84	52	Линёвский I	15	1	ЗЮЗ	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 10 км к северу от с. Линевка, на краю высокой коренной террасы правого берега р. Б. Песчанка
85	52	Линёвский II	1	1	З	На/возле черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Соль-Илецкий район, в 1,5 км к северу от Линёвского I могильника, на краю мыса коренной террасы правого берега р. Б. Песчанка
86	31	Лысые Горы	2	1	СВ	Рядом с черепом	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, Лысогорский район около с. Лысые горы
87	110	М-14	-	-	-	-	XIII-XIV вв.	КНР, Внутренняя Монголия, округ Дацин, пров. Хэйлунцзян, хошун Дурбэд
88	71	Мавзолей Болган Ана	м	1	-	На черепе	XIII-XIV вв.	Казахстан, Карагандинская область, Улытауский район, на левом берегу р. Каракенгир
89	24	Малые Дербеты I	1	1	ЮЗ	-	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Малодербетовский район, Ергенинская возвышенность

90	10	Маляевка VI	2	2	С	_	по монете хана Узбека (1317-1318 гг.)	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, около с. Маляевка
91	10	Маляевка VI	4	1	ССВ	На черепе	XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, около с. Маляевка
92	108	Марджани	-	-	-	-	XIII-XIV вв.	КНР, провинция Цинхай
93	5	Маячный Бугор I	-	103	Ю	Слева и справа от черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
94	5	Маячный Бугор I	-	104	Ю	Юго-восточнее черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
95	5	Маячный Бугор I	-	106	ЮЮВ	Слева от черепа	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
96	5	Маячный Бугор I	-	188	В	Справа от черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
97	5	Маячный Бугор I	-	224	Ю	В районе груди и правой руки	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
98	5	Маячный Бугор II	-	51	В	Справа от погребенной	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
99	5	Маячный Бугор II	-	60	Ю	В районе левого предплечья	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
100	5	Маячный Бугор II	-	70	ЮВ	Слева от черепа	по монетам первая четверть XIV в.	Россия, Астраханская область, Красноярский район, на левом берегу р. Маячная
101	66	Мокринский I	19	1	-	-	сер. XIV в.	Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, на левом берегу реки Узень
102	66	Мокринский I	30	2	ЮВ	С левой стороны черепа	сер. XIV в.	Казахстан, Уральская область, Джангалинский район, на левом берегу реки Узень
103	21	Молчановка III	3	1	В	На черепе	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Николаевский район, недалеко от сёл Бережновка и Молчановка на левом берегу р. Волги (сегодня затоплен Волгоградским водохранилищем)
104	101	Морин Толгой	-	3	С	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Туве, Алтанбулаг сум, на северном берегу реки Туул
105	54	Мустаево V	6	3	-	-	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Новосергеевский район, около с. Мустаево
106	96	Нарийны Ам	-	1	С	На костях таза	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Уверхангай, Хархорин сум, на северном берегу р. Орхон
107	107	Нартын	-	1	СЗ	На правом плече	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Дорноговь, Даланжаргалан сум, пещера на восточном склоне горы Их Нарты, в 150 км к северо-западу от г. Сайншанд и в 45 км к юго-западу от центра Олон Овоо
108	70	Некрополь Бозок	-	2	ССВ	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Казахстан, Акмолинская область, на окраине г. Астана
109	40	Новопавловск	м	10	З	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Ставропольский край, около г. Новопавловск

110	15	Новый	5	1	ССВ	На черепе	XIII - XIV вв.	Россия, Ростовская область, Мартыновский район, х. Новый
111	48	Новый Кумак III	7	1	ЗЮЗ	За головой	XIII-XIV вв.	Россия, хаб в районе г. Орска
112	82	Ногоон Гозгор I (Цыгыр I)	-	5	СЗ	За головой	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хувсгел, Северное Прихубсугулье, на склоне горы Ногоон Гозор, в 7 км от пос. Ханх
113	82	Ногоон Гозгор I (Цыгыр I)	-	6	СЗ		XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хувсгел, Северное Прихубсугулье, на склоне горы Ногоон Гозор, в 7 км от пос. Ханх
114	20	Олень-Колодезь	9	1	ССВ	Справа от черепа	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Воронежская область, Каширский район, на левом берегу р. Дона, недалеко от с. Олень-Колодезь
115	43	Песчаный-I	8	2	СВ	В районе правого бедра	2-я четверть XIII - XIV вв.	Россия, Ростовская область, Ремонтненский район, в 6,5 км к северо-востоку от с. Ремонтное, между балками Песчаная и Малая Элиста
116	29	Покровск (г. Энгельс)	2	1	В	Возле правого плеча	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, около г. Энгельс
117	29	Покровск (г. Энгельс)	7	1	З	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, около г. Энгельс
118	29	Покровск (г. Энгельс)	8	1	СЗ	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, около г. Энгельс
119	44	Пчельник	6	1	З	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, недалеко от г. Соль-Илецк, к западу от поймы р. Илек
120	44	Пчельник	22	1	ЮЗ	Рядом с черепом	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, недалеко от г. Соль-Илецк, правый берег р. Илек
121	44	Пчельник	23	1	ЮЗ	Возле черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, недалеко от г. Соль-Илецк, правый берег р. Илек
122	44	Пчельник	28	1	З	На месте шеи	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, недалеко от г. Соль-Илецк, правый берег р. Илек
123	44	Пчельник	29	1	З	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, недалеко от г. Соль-Илецк, правый берег р. Илек
124	32	Рудня	1	1	З	На черепе	XIV в.	Россия, Волгоградская область, Руднянский район, недалеко от оз. Соленое, рядом с пос. Рудня
125	26	Рябичев	7	1	ВСВ	На черепе	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Ростовская область, Волгодонский район, около х. Рябичев
126	57	Сагыр-Хая	-	1	В	На черепе	сер. XIII в.	Россия, Тыва, Саянский каньон, на правом берегу Енисея
127	95	Сайхан Овоо	-	1	С	На голени над ступнями	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Дундговь, Сайхан-Овоо сум, на террасе Сайхан Овоо, на правом берегу реки Онги
128	67	Салтак I	1	1	ВСВ	На черепе	XIII-XIV вв.	Казахстан, Актюбинская область, Каргалинский район, на левом берегу р. Урал
129	36	Лесное (Свинуха)	1	1	СВ	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, Балашовский район, недалеко от с. Лесное

130	36	Лесное (Свинуха)	9	1	В	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, Балашовский район, недалеко от с. Лесное
131	36	Лесное (Свинуха)	10	1	В	Возле черепа	XIII-XIV вв.	Россия, Саратовская область, Балашовский район, недалеко от с. Лесное
132	75	Секи I	1	1	С	Около левого плеча	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Тянь-Шанский район
133	75	Секи I	3	1	С	На левой части груди	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Тянь-Шанский район
134	75	Секи I	5	1	С	На правой части груди	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Тянь-Шанский район
135	42	Семёнкин	28	1	СВ	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Ростовская область, Волгодонский район, около х. Семенкин
136	3	Солодовка	48	2	ВСВ	У черепа	2-я пол.XIII - XIV вв.	Россия, Волгоградская область Ленинский район около с. Солодовка
137	3	Солодовка I	8	2	С	С правой стороны черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район к северо-востоку от с. Солодовка
138	3	Солодовка II	7	1	З	На правом беде погребенной	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Ленинский район, около с. Солодовка
139	35	Станция 8 (Белая гора)	2	1	СВ	Рядом с черепом	XIII-XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Черноземельский район, в 10 км к востоку от станции №8 в местности " Белая гора" (Сарпинская низменность)
140	64	Сторожевский	16	1	ЮЗ	У левого предплечья	XIV в.	Украина, Полтавская область, Чутовской район, у с. Сторожевое
141	33	Суслы (Герцог)	40	1	З	На черепе	XIV в.	Россия, Саратовская область, Советский район, к северу от с. Суслы (упразднено)
142	74	Сыгнак	м.3	4	ЮЮЗ	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Казахстан, Кызылординская область, Жанакорганский районн, ок. с. Сунак-Ата
143	78	Сюттуу-Булак I	10	1	СЗ	Справа от черепа	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
144	78	Сюттуу-Булак I	17	1	СЗ	В области черепа	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
145	78	Сюттуу-Булак I	21	1	СВ	С правой стороны черепа	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
146	100	Таван Толгой	-	56	-		XIII в.	Монголия, аймак Сухэ-Батор, в 40 км от Онгон сум, в 20 км от границы с КНР
147	55	Телеутский Взвоз I	8	1	ЮЗ	В ногах	XIII-XIV вв.	Россия, Алтайский край, Павловский район, на мысу левого коренного берега реки Оби, недалеко от с. Елунино
148	55	Телеутский Взвоз I	9	1	З	-	XIII-XIV вв.	Россия, Алтайский край, Павловский район, на мысу левого коренного берега реки Оби, недалеко от с. Елунино
149	55	Телеутский Взвоз I	10	1	ЮЗ	-	XIII-XIV вв.	Россия, Алтайский край, Павловский район, на мысу левого коренного берега реки Оби, недалеко от с. Елунино
150	55	Телеутский Взвоз I	12	1	-	Около головы	XIII-XIV вв.	Россия, Алтайский край, Павловский район, на мысу левого коренного берега реки Оби, недалеко от с. Елунино

151	113	Нетипичный (Тибет)	-	-	-	-	?	КНР, Сизанский автономный район (Тибет)
152	27	Тингутинский I	7	1	З	В районе головы	XIV в.	Россия, Волгоградская область, Светлоярский район
153	12	Три Брата I	14	1	ЮЮЗ	На черепе	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Приютненский район, около пос. Песчаный
154	12	Три Брата II	8	1	СЗЗ	Слева от черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Приютненский район, около пос. Песчаный
155	12	Три Брата II	11	1	С	На черепе	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Россия, Республика Калмыкия, Приютненский район, около пос. Песчаны
156	45	Увак	3	1	СЗ	Возле головы	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Акбулакский район, недалеко от поселков Кумакский и Увак
157	1	Увек	м	1	СВ	Справа, в изголовье	1-я пол.XIV вв.	Россия, Саратовская область, г. Саратов, Заводской район, на берегу р. Волги, устье р. Увековки
158	1	Увек	м	2	С	-	XIV в.	Россия, Саратовская область, г. Саратов, Заводской район, на берегу р. Волги, устье р. Увековки
159	51	Уральский	5	1	СЗ	На черепе	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Кувандыкский район, недалеко от с. Урал, на левом берегу р. Урал
160	84	Урд-Хяр II	-	23	СЗ		XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хувсгел, Северное Прихубсугулье
161	84	Урд-Хяр II	-	24	СВ		XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хувсгел, Северное Прихубсугулье
162	6	Усть-Курдюм	7	1	З	Лоб и теменные кости черепа	2-я пол.XIII - 1-я пол.XIV вв.	Росси, Саратовская область, с. Усть–Курдюм
163	6	Усть-Курдюм	9	1	З	Недалеко от черепа	XIV в.	Россия, Саратовская область, с. Усть–Курдюм
164	6	Усть-Курдюм	11	1	СВ	У черепа	XIV в.	Россия, Саратовская область, с. Усть–Курдюм
165 У	73	Ушарал-Илибалык	-	290	З	Справа от черепа	Кон. XIII в.	Казахстан, Алматинская область, Панфиловский район, северная окраина пос. Ушарал
166	94	Хаан Уул	-	2	С	На черепе	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Дундговь, Дельгерхангай сум, на горе Хаан, недалеко от районного центра Хашаат
167	49	Хабарный I	7	1	СЗ	На левом предплечье и бедренной кости	XIII-XIV вв.	Россия, Оренбургская область, Гайский район, на правом берегу р. Урал, в 10 км от пос. Шевченко
168	93	Халзан Чошуу	-	1	С	В северо восточном углу могилы	XIII-XIV вв. 2 китайские монеты	Монголия, аймак Ховд, Мёст сум, на южной центральной террасе горы Халзан Чошуу
169	109	Ханьчжоу	-	-	-	-	XIII в.	КНР, провинция Чжэцзян, г. Ханьчжоу
170	72	Худайберген	пл. 5	м. 54	С	За головой	XIII-XIV вв.	Казахстан, Актюбинская область, на левом берегу р. Урал недалеко от аула Худайберген
171	17	Царев	40	1	З	За черепом	2-я пол.XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Царев, у левого берега р. Ахтубы
172	17	Царев	61	1	З	На черепе	2-я пол.XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Царев, у левого берега р. Ахтубы

173	17	Царев	64	1	З	У левого плеча	2-я пол.XIII - 1-я пол. XIV вв.	Россия Волгоградская область, Ленинский район, недалеко от с. Царев, у левого берега р. Ахтубы
174	105	Чадат Толгой	-	2	-	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Дорноговь, Алтанширээ сум, юго-западная сторона райцентра Чандмань, холм Чадат Толгой
175	88	Чанан	-	4	-	-	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хэнтий Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен
176	91	Чандаган	-	2	СВ	В районе ног	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хувсгел, в 20 км к западу от пос. Мурэн, в долине Чандаган
177	77	Чап	7	1	-	На груди и левой ключице	XIII-XIV вв.	Киргизия, Нарынская область, Кочкорская долина
178	106	Чар Аараг	-	1	-	В районе черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Дорноговь, Алтанширээ сум, левая сторона железной дороги Сайндшанд - Улан-Батор, в 60 км к юго-западу от райцентра Чандмань, холм Чар Аараг
179	90	Шар Гозгорын Чар Узююр	-	1	С	На груди	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Хэнтий, Дэлгэрхаан сум, на северо-восточном берегу реки Керулен
180	8	Шляховской III	1	1	ССЗ	За черепом	2-я пол.XIII – 1-я пол.XIV вв.	Россия, Волгоградская область, Фроловский район, около х. Шляховский
181	86	Эльст Чётёль	-	10	СВ	Слева от черепа	1284-1394 гг., университет Жюссье (Париж, Франция)	Монголия, аймак Булган, ХутагУндур сум, в долине реки Эгийн-Гол, на правом берегу притока Какин-Гол, в 10 км от поселка Шантай
182	104	Ясангий хар	-	1	С	Слева от черепа	XIII-XIV вв.	Монголия, аймак Туве, Баян сум.

* По отчетам, публикациям, найденному датирующему материалу.

Таблица А.2 – Каталог с описанием комплексов с находками боктаг (или его деталями)

№ п.п.	Общее наименование памятника	Год исследования, автор, экспедиция и др.	Курган, мавзолей, погребение и т.д.	Описание предметов убора – каркас, ткани обтяжки, украшения и др. элементы	Источник поступления
	Россия				
1	Увек	1913 г. П.И. Шишкин	мавзолей пог.1	От каркаса боктаг сохранился ствол и фрагмент крышки капители, лежащие в изголовье (рядом с зеркалом, гребнем и шелковым кисетом). «Тростниковый в 4 см толщиною и 21 см длиною круглый полый стержень, с придатком в верхней части, прикрепленный к стержню под прямым углом, так что вся конструкция представляла печатную букву Г. Над ним лежала деревянная позолоченная палочка (задний конец оканчивался выпуклой розеткой, а из центра вверх на 9 см поднимался стержень, в карандаш толщиной), с серебряными ажурными бляшками разнообразных форм (в виде полнолуний и сердечек с инкрустацией жемчугом и каменьями), листиками с обмоткой зеленым шелком и жемчугом, и несколько ниже плоская четырехугольная подвеска с инкрустацией в центре. Все сооружение оклеено красным гладким шелком». Помимо каркаса и ювелирных украшений, от боктаг сохранились фрагменты ткани первичной и вторичной обтяжки и верхняя шапочка «Шапочка, в виде шишака, плотно облегала голову, на лоб спускалась широким полукруглым фестоном, сзади разрезная, до конца лопаток. На макушке в виде усеченного конуса с отверстием 4 см, по бокам, над ушами имеет придатки в виде двух узких крылышек птицы, обращенных концами назад. Сзади, по разрезу стягивается в бантики тонкими ленточками. У верха на затылке два банта из более широких и прочных лент».	Кротков, 1915 **СМК КП 58386**
		1919 г. Ф.Д. Баллод	пог. 2 около мавзолея	Среди инвентаря находились фрагменты и часть головного убора.	Гарустович, 1998
2	Большие Копены - 2	2003 г. А.П. Захариков	кур. 1	Головной убор описан как «берестяной предмет длинной формы». Убор деформирован от упавшего перекрытия (ствол сплюснут, с небольшими утратами, края соединены внахлест, сохранились отверстия от прошивания). Под стволом находился мелкий бисер белого цвета и фрагменты стеклянного украшения в форме заостренного цилиндра.	Захариков, 2006
			кур. 2 пог. 2	Погребение ограблено, рядом с черепом находился небольшой фрагмент берестяного предмета, один край срезан и имеет отверстия, что дает возможность говорить о верхнем или нижнем крае ствола. Недалеко от черепа обнаружена бусина.	Захариков, 2006 **НВСП 42397**
3	Солодовка	Е.П. Мыськов	Солодовка кур. 48 пог. 2	В погребении, помимо зеркала и ножниц, сохранился ствол берестяного каркаса боктаг высотой 9,3 см, прошитый нитками и с многочисленными отверстиями по краям. На бересте сохранились фрагменты шелковой ткани обтяжки.	Мыськов, 2015 **ВИКМ ОФ14071/1 – 4 каркас** **ВИКМ ОФ14072 навершие** **ВИКМ ОФ14073/1–8 украшение**
		А.А. Глухов 2003 г.	Солодовка I кур. 8 пог. 2	От каркаса сохранились такие элементы как: ствол, передняя деталь капители (состоит из 2 частей), крышка (с дополнительной деталью – усиление «пяточки» с П-образным вырезом). Помимо каркаса сохранились остатки шелковой тканевой обтяжки, навершие обмотанное нитками (с отверстиями для крепления), проволочные украшения (треугольной	Глухов, 2003 Пилипенко, 2017

				формы) со стеклянными бусинами, ромбовидные нашивки с нижней шапочки (дерево обтянутое тканью, с нашитыми на лицевую сторону бусинами), стеклянный бисер (возможно от украшения головного убора). За черепом находились деревянный амулет с бронзовыми оправками, обрамленными тонкими проволочками и штампованная бляшка полусферической формы.	
		1989 г. В.И. Мамонтов	Солодовка II кур. 7 пог. 1	В погребении были найдены фрагменты берестяного каркаса боктаг, от которого сохранились на правом бедре погребенной ствол и Г-образная капитель, на бересте видны мелкие отверстия швов. Рядом с боктаг обнаружены фрагменты бронзового украшения из тонкой проволоки (небольшие отрезки связанные ниткой), россыпь мелких бус. С двух сторон черепа найдены бронзовые подвески с пятиконечными бляшками с жемчужинами. На сегодняшний день сохранились ствол, крышка (состоящая из трех частей), передняя деталь капители (состоит из двух частей).	Мамонов, 1989 **ВОКМ 27198/16 ОФ**
4	Большой Царын	1977 г. Е.В. Цуцкин	кур. 4 пог. 1	У правой ступни находилась берестяная трубка 40 см в высоту и 4 см в ширину (капитель не сохранилась). У восточного конца трубки сохранились фрагменты украшения ажурного плетения из зеленых скрученных нитей и жемчужин. Помимоэтого сохранились: бронзовые серьга, зеркало и подвеска с жемчугом, кремень и ножницы, от костюма – на груди фрагменты шелковой ткани, на ногах фрагменты кожи до пояса (возможно от штанов и сапог).	Цуцкин, 1977
			Большой Царын I кур. 1 пог. 1	В отчете головной убор почти не описывается, упоминается только, что «под кистью правой руки встречен слой бересты, на правом виске деталь головного убора – узелок ткани, над правой лопаткой – узелок ткани». От боктаг охранялись берестяные детали, по которым определилась конструкция – большая часть крышки и фрагмент передней части капители.	Цуцкин, 1977 **КРКМ Р-л 116**
			Большой Царын II кур. 3 пог. 1	На костях груди сохранились следы бересты. Справа от черепа россыпь бисера, рядом бронзовые шаровидные подвески, на груди и позвоночнике такие же подвески, справа за плечом 13 пастовых бус квадратной и круглой формы и среди них 2 каури с нитками. Помимо этого сохранились: серьги с жемчугом, 2 бронзовые шаровидные подвески, пряслице, фрагменты ножа, вокруг левого запястья россыпь бус от браслета? и белое меловое пятно.	Цуцкин, 1977
5	Маячный Бугор	1996 г. С.А. Котеньков	Маячный Бугор I пог. 224	Головной убор описан скупо «в районе груди и правой руки находилось изделие из бересты, у правой височной кости обнаружен бисер белого цвета». По факту мы имеем фрагмент ствола (точную высоту определить невозможно), крышку, переднюю деталь капители (с утратами).	Котеньков, 1996 **АМЗ КП 43723/3-5**
		1993 г. С.А. Котеньков	пог. 188	Согласно отчету «Справа от черепа обнаружены фрагменты берестяного каркаса боктаг в форме «сапожка» сшитого нитками, с фрагментами ткани обтяжки». Помимо каркаса сохранились украшения – деревянное навершие с втулкой, круглое в сечении, расширяющееся к низу и подвеска шестиугольной формы, выполненная из дерева с тремя серебряными оправками, украшенными жемчугом. Каркас состоит из ствола, крышки (2 части), передней и задней детали, 2-х боковых планок.	Котеньков, 1993 **АМЗ НВ 13747/4-9**
		1991 г. С.А. Котеньков	пог. 103	Описание головного убора очень маленькое и не информативное «Слева и справа от черепа множество фрагментов бересты – вероятно бокки».	Котеньков, 2011 **АМЗ НВ 13084/24**

			пог. 104	Описание в отчете - «Юго-восточнее черепа были обнаружены остатки изделия из бересты – вероятно бокка и деревянные резные украшения из него».	Котеньков, 2011 **АМЗ КП 13246/52-58**
			пог. 106	В отчете сказано, что «в левом углу гроба обнаружены остатки головного убора из бересты, а под боккой находились фрагменты бронзового украшения, похожего на бубенчики, деревянный предмет с позолотой (вероятно навершие) и фрагменты железа».	Котеньков, 1993 **АМЗ КП 42488/6 А-15881**
		1995 г. С.И. Четвериков	Маячный Бугор II пог. 51	Помимо парчовых халатов, сапог с аппликациями и украшений, были найдены остатки боктаг, располагавшиеся справа от погребенной (сохранились фрагменты шелковой ткани обтяжки с золотой штамповкой). Из украшений головного убора сохранилось деревянное навершие, виде 6-лепесткового плоского основания, с украшением в виде веток с плодами из меди и жемчуга, пришитое к материалу обтяжки, фрагменты верхней шапочки из красно-коричневой парчи (с бантиком) и тонкого газа с золотым узором. Каркас представлял собой части сапожка удовлетворительной сохранности (ок. 27 фрагментов) со множеством отверстий от швов – ствол, крышка, капитель, боковые планки и фрагменты внутреннего каркаса (задняя часть капители не сохранилась, но с учетом аналогий она могла состоять из 1 или 3 фрагментов). На многих фрагментах бересты сохранилась золотая краска в виде цветов, расположенных в шахматном порядке.	Васильев, 1998 Мамонова, 2012
		1996 г. С.А. Котеньков	пог. 60	В отчете написано, что изделие из бересты в форме футляра находилось в районе левого предплечья на дне ямы. Изделие было выполнено из целого куска бересты, края по длине сшиты кожей. Длина изделия 15,6 см.	Котеньков, 1996 **АМЗ КП43724/1-6**
		1999 г. П.В. Казаков	пог. 70	При хранении каркас разломался на разноразмерные фрагменты. Каркас боктаг состоял из ствола (четыре составные части одинакового размера), ширина берестяного полотна ствола ок. 32 см, высота ок. 18 см., широкой крышки размером 24х9,8 см, передней (размером 16х16,5 см) и задней части капители (состояла из двух составных частей размером 8х8 и 9х7,5 см), имел внутренний каркас. Конструкция усиливалась прутиками, на внутренней поверхности бересты от них остались только отпечатки/оттиски, сами прутики сохранились отдельно, в небольших фрагментах. Расчетный диаметр ствола ок. 10 см, приблизительная высота головного убора 25 см. Помимо этого сохранились небольшие фрагменты второй обтяжки и по отчету, нашивка в форме 4-лепесткового цветка (не сохранилась).	**Первоначальное место хранения АГУ, позже весь сохранившийся материал передан на хранение в Музей археологии и этнографии Алтая (г. Барнаул).**
6	Усть-Курдюм	Обнаружен в 1920 г. В.Ф. Баллод Раскопан в 1963 г. И.В. Синицын	кур. 7	В материалах с раскопок говорится: «На лобной и теменных костях черепа были обнаружены остатки бокки, состоящей из берестяной трубочки, диаметром 5,5 см со следами фольги серебристого цвета и красной краски; предмета овальной формы, вырезанного из бересты, один из концов которого был заострён; а также многогранной призматической привески из светло-зелёного камня. Берестяные части бокки были прошиты красными и зелёными нитями». Каркас состоит из фрагмента ствола, крышки, передних частей капители.	Гарустович, 1998 **НВСП 33539**
			кур. 9	В кургане, недалеко от черепа обнаружены берестяная трубочка от боктаг, обломки дерева, обрывки кожи и фигурная металлическая бляшка.	Гарустович, 1998
			кур. 11	В кургане, у черепа погребенной найдена узкая берестяная трубочка.	Гарустович, 1998 **НВСП 33542**

7	Быково III	1976 г. А.С. Скрипкин, В.И. Мажитов	кур. 6 пог. 1	В отчете указана береста от каркаса боктаг, расположенная между левой рукой и ребрами (полая трубка со следами прошивки), ствол сплющен, диаметр не большой, капитель не сохранилась. Рядом, на плече находилась амулетница изготовленная из дерева с тремя бронзовыми оправками с розетками под вставки из цветного стекла.	Мажитов, 1976 **ВОКМ 14930**
8	Шляховский III	1989-90 гг. Клепиков В.М., Круглов Е.В	кур. 1 пог. 1	В погребении, за черепом находились фрагменты берестяного каркаса боктаг, названые автором «берестяным накосником». Справа и слева от черепа находились бронзовые проволочные подвески с бусинками (9 шт.).	Круглов, 1993 Кравец, 2005
9	Гува III	1975 г. Е.В. Шнайдштейн	кур. 1 пог. 1	В погребении головной убор располагался «слева, перед лицом погребенной». От боктаг сохранилась берестяная трубка, на стволе имелись отверстия от сшивания. Сохранились белые пастовые бусины, возможно от украшения головного убора.	Шнайдштейн, 1979
10	Маляевка VI	2000 г. Е.П. Мыськов	кур. 4 пог. 1	В погребении головной убор находился на черепе (фрагменты бересты и ткани). Сохранившийся фрагмент ствола имел диаметр около 5 см, округлая берестяная «феска» была сшита из двух частей, по остаткам шелка понятно, что она была вшита в шапочку, выполненную из золототканой парчи. Из украшений сохранился металлический стержень с утолщениями на концах, лежащий за черепом.	Мыськов, 2016 **ВОКМ 109320НВ**
			кур. 2 пог. 2	Захоронение разрушено, погребение мужское, но в нем обнаружены берестяные фрагменты боктаг (по предположению Е.П. Мыськова головной убор был переброшен из разграбленного первого погребения, в котором из украшений ничего не осталось). В головном уборе сохранился ствол со следами прошивки и фрагментами обтяжки и фрагменты фески, к которой пришивался ствол (феска сшита из двух симметричных половин).	Мыськов, 2015 **ВОКМ, инв. № отсутствует**
11	Глазуновский	1971 г. В.И. Мамонтов	пог. 5	В погребении головной убор не сохранился, но о его наличии говорит ряд украшений – бронзовые ажурные бляшки-нашивки, амулетница и навершие. По погребению «разбросаны» предметы, которые, по нашему мнению, являются частью боктаг – бисер и квадратная бляха-нашивка с растительным орнаментом и петельками для крепления. Крестовидное навершие сохранилось в виде металлической основы обвитой проволокой с нанизанным на неё бисером (с нижней стороны сохранился штырь для крепления со следами древесных волокон), рядом находились стеклянные вставки. Амулетница представляла собой деревянный цилиндр, обтянутый тканью с ажурным орнаментом нитками, в центре располагался стеклянный кабошон в бронзовой оправе.	Кравец, 2005
12	Три Брата	Исследовался в 1933-36 и 1963 гг. П.С. Рыков	Три Брата I кур. 14 пог. 1	В погребении боктаг находился на голове покойницы «цилиндр с перпендикулярным конусом», из украшений головного убора сохранилось деревянное навершие, украшенное бронзовыми проволочными петельками.	Шилов, 2009
			Три Брата II кур. 8 пог. 1	В погребении слева от черепа находились фрагменты боктаг в виде берестяной трубочки. От серебряного украшения остались фрагменты.	Шилов, 2009
			кур. 11 пог. 1	В погребении череп лежал на левом виске, там же найдены фрагменты бересты, кожи и дерева, предположительно головной убор был надет на голову.	Шилов, 2009
13	Бахтияровка	1967 г. И.П. Лисицын	Бахтияровка кур. 11 пог. 1	В погребении с левой стороны черепа сохранился только ствол от берестяного каркаса со следами швов (прошивка ствола нерегулярная). Помимо этого сохранились: фрагменты ножниц, круглое зеркало с цветочным орнаментом в кожаном чехле.	Лисицын, 1967

			кур. 5 пог. 1	В погребении на черепе обнаружены фрагменты золототканой парчи плохой сохранности (остались только нижние части двух наушников). У правого плеча и затылка найдены берестяные фрагменты боктаг – ствол, с остатками тканевой обтяжки «слева от черепа находился берестяной предмет прямоугольной формы 10х15 см (шкатулка?), на нём – бронзовая треугольная бляшка в виде трех розеток и деталь от бокки – берестяная трубочка, обтянутая шелком и вверху расширяющаяся воронкой». Из украшений головного убора сохранились: бляшка треугольной формы со штампованным рисунком, амулет, длиной 4 см, из светло-зеленого стекла призматически-восьмигранной формы с серебряной оправкой со сканью и деревянное навершие, диаметром 0,7 см и высотой 8 см – полая трубочка с манжетой и многолепестковой розеткой в основании, с четырьмя перетяжками медной проволокой с крючками, на которых крепились кожаные с цветными вставками пятилепестковые цветочки (такие же цветы крепились на трубочке навершия). Помимо этого сохранились: фрагменты ножниц, разбитое зеркало, гребень, серьги, игольница с иголками.	Лисицын, 1967 **ВОКМ 4688/109**
		1983 г. В.А. Кригер	Бахтияровка II кур. 49	В погребении, слева у черепа найден берестяной ствол от каркаса боктаг, со следами прошивки. У затылка найдена деревянная подвеска, трапециевидная в сечении, с позолоченными бронзовыми обоймами с орнаментом.	Кригер, 1983 Кригер, 1986
		1984 г. В.А. Кригер	кур. 70 пог. 1	В погребении на черепе обнаружены фрагменты берестяного каркаса – двойная феска со следами прошивки и фрагментами ткани. Из украшений головного убора с правой стороны черепа сохранились цилиндрический амулет с тремя бронзовыми оправками, стеклянный бисер белого цвета, стеклянная голубая подвеска, бронзовое проволочное украшение в форме листа, бронзовая позолоченная нашивка, синяя бусина, две ажурные проволочные бронзовые бляшки треугольной формы и фрагменты деревянного предмета (возможно остатки навершия).	Кригер, 1984 **ВОКМ 7093/7 НВ**
			кур. 72 пог. 6	В погребении на черепе обнаружены фрагменты головного убора со следами прошивки, под затылком фрагменты ткани, у пояса слева находились фрагменты ствола боктаг сплющенной прямоугольной формы. Из украшений головного убора сохранились бронзовый амулет цилиндрической формы и, возможно, бисер, нанизанный на бронзовую проволоку	Кригер, 1984 **ВОКМ №6864/69 НВ**
		1985 г. В.А. Кригер	Бахтияровка III кур. 86	В погребении фрагмент головного убора – ствол, располагался за черепом (в отчете отмечен В.А. Кригером как необычайно широкий). Рядом с каркасом находились фрагменты ткани серого и коричневого цвета.	Кригер, 1985
			кур. 91	В погребении на черепе найден фрагмент головного убора – феска (круглая деталь из двухслойной бересты, со следами прошивки). Из украшений сохранились: бронзовая пластина-подвеска, бирюзовая каплевидная подвеска, стеклянный бисер, бронзовый амулет цилиндрической формы и обломок деревянного предмета (предположительно навершия) с отверстием для стержня.	Кригер, 1985
		1986 г. В.А. Кригер	кур. 112	От головного убора сохранились берестяные фрагменты ствола (5 средних и 9 маленьких), на которых имеются следы прошивки.	**ВОКМ, инв. № отсутствует**
			кур. 120 пог.1	От головного убора сохранился берестяной ствол и небольшие фрагменты капители, на всех частях имеются следы прошивки.	**ВОКМ Инв. №10539/9**

			кур. 137 пог.1	От головного убора сохранились небольшие фрагменты бересты, по которым трудно установить тип каркаса (но предположительно Г-образный с широким диаметром ствола) и деревянное навершие, состоящее из восьми лепестковой розетки с вставленным стержнем, обернутым тканью и обмотанным патинированными нитками в четырех местах, лучи перекрестья не сохранились	**ВОКМ Инв. № 34018/17**
14	Аксеновский	1966 г. Шилов В.П.	Кур. 20	«Под черепом находились фрагменты бокки из бересты с фрагментами парчи и золотыми нашивками. Справа от черепа находились 2 серебряные подвески, рядом серебряный каркас от бокки (по всей видимости, навершие под перья). Под берестой, в изголовье находился берестяной туесок с золотой бляшкой, между фрагментами туеска была золотая парча».	Шилов, 1966 **АМЗ КП 14754/а,б А 7308 СК П7308**
15	Новый	1982 г. Л.С. Илюков	кур. 5	В погребении ствол головного убора находился за черепом (капитель утрачена). Сохранилась ткань обтяжки (тонкая, орнаментированная) с пришитыми нашивками (с жемчугом и бусинами) в виде пятилучевых звезд. У верхнего края ствола каркаса находилась бронзовая цилиндрическая амулетница, ниже была пришита каури. Еще одно украшение – деревянное навершие, расположенное вдоль черепа и украшенное фаянсовой бусиной в виде водоплавающей птицы, коралловыми привесками и дисковидной бусиной.	Илюков, 2019 **РОМК ОФ 21737 РОМК ОФ 22904, 22905**
16	Комсомольский	1989 г.	мавзолей 2	В погребении, в области головы лежало шесть золотых кружков и фрагменты берестяного каркаса боктаг.	Павленко, 2001
17	Царев	1989 г. Мыськов Е.П.	кур. 40 пог. 1	В погребении помимо зеркала, пряслица, ножниц и бус, за черепом найдены фрагменты бересты со следами прошивки.	Мыськов, 2015
			кур. 61 пог. 1	На черепе погребенной сохранились фрагменты ткани и тесьмы, завязанной в узелки. Сам головной убор лежал на тазовых костях и груди с левой стороны. Сохранились ствол диаметром 8 см, с внутренним каркасом из прутиков и ткани обтяжки со штампованным рисунком. Каркас состоял из ствола, передней и задней детали капители и крышки. Ствол головного убора был вставлен в верхнюю шапочку из золототканой парчи. У левого плеча лежал берестяная ромбическая нашивка. Сохранилась часть деревянного навершия, планка с резным шести лепестковым цветком. К ткани обтяжки был пришит цилиндрический пустотелый амулет, из тонкого серебряного листа со сканью.	Мыськов, 2015 **ВОКМ №7621/27,28,29,30 НВ**
			кур. 64 пог. 1	В погребении сохранились 2 мягких головных убора, у левого плеча верхняя шапочка с раструбом под ствол боктаг, названым Е.П. Мыськовым «выступом-хохолком», сам берестяной каркас боктаг в погребении не сохранился. Второй, похожий головной убор находился на лице погребенной.	Мыськов, 2015 **ВОКМ №7621/40 НВ**
18	Бережновский II	1954-1955 гг.	кур. 28 пог. 1	В погребении помимо фрагментов одежды из кожи и шелка, около головы находилась берестяная трубочка от боктаг, фрагменты тканевого головного убора и стеклянная бусина. Шелковая ткань красного цвета с золотым растительным узором, вытканным в технике лампас.	Синицын, 1960 **Дофонд б/н**
19	Линево	2002 г. Сергацков И.В.	кур. 2 пог. 1	В погребении помимо украшения (серебряные височные кольца) и мелких предметов быта (зеркало, ножницы, нож), у левого плеча находились фрагменты берестяного ствола длиной 9 см и пуговица (диаметр 1,5 см, толщина 3,5 мм) из голубого стекла с двумя отверстиями. На иллюстрации показано 2 согнутых фрагмента ствола с отверстиями у, по всей видимости, верхнего края.	Сергацков, 2002 Сергацков, 2006

20	Олень-Колодезь	Открыт в 1902 г., исследован в 1996 г. К.Ю. Ефимов	кур. 9	В погребении головной убор находился, справа от черепа, имел форму «сапожка», на нем сохранились фрагменты шелковой обтяжки, низ боктаг был обшит тонкой кожаной полоской. От каркаса сохранился сплющенный ствол, пришитая к нему капитель из двухслойной бересты и часть крышки. На месте перехода от ствола к капители находились две серебряные с позолотой подвески – плоская прямоугольная с растительным орнаментом и цилиндрическая амулетница. Там же находились две кожаные нашивки в форме трилистника и деревянное навершие с десятилепестковой розеткой в центре (с фрагментами шелка).	Ефимов, 1999
21	Молчановка III	1955 г. И.В. Синицын	кур. 3 пог.1	В погребении на черепе сохранились фрагменты боктаг (на голове находилась круглая широкая берестяная трубка высотой 9,5 см и диаметром 10 см – ствол, по лбу проходила берестяная лента, покрывавшая череп выше глазниц, служившая основой – возможно феска). Сохранились ткани трехслойной (?) обтяжки – верхняя тонкая коричневого цвета ткань, с узорами более светлого тона. Под челюстью находились две золотые ажурные пятиконечные бляшки (со сканью и зернью напаянной на золотую пластину) и остатками жемчужных вставок, возможно, эти бляшки пришивались к лентам-завязкам нижней шапочки. Там же найдены фигурные бронзовые подвески в виде человека и 2 раковины каури. На костях сохранились большие фрагменты шелковой ткани не менее трех видов. Помимо этого – разбитое зеркало, ножницы, чашечка и серьга.	Синицын, 1960 **СОМК НВСП. 33539. АО 2575/1 18601**
22	Джангар	1980-81 гг. В.П. Шилов, Е.В. Цуцкин	кур. 27 пог.1	В погребении, помимо прочего инвентаря, слева от черепа лежал головной убор в виде «конуса со следами швов». Под убором находились бронзовая трехлепестковая накладка и подвеска слегка трапециевидной формы с растительным орнаментом и петельками для подвешивания.	Васюткин, 1985
23	Адрг	Е.В. Цуцкин	кур. 1 пог. 1	Головной убор был надет на голову, от верха черепа, перпендикулярно лежала берестяная трубка высотой 20 см и диаметром 6,5 см (на бересте имелись следы красной краски). Ствол имел шов сшивания спереди, вверху трубочка была «покрыта» слоем бересты овальной формы, образующей спереди козырек. Ниже подбородка, в области груди, находился бронзовый крючок, от одежды или головного убора. От остального костюма на груди сохранились фрагменты шелка темного цвета.	Цуцкин, 1978
			кур. 10 пог. 1	За черепом справа сохранилась берестяная трубочка от головного убора высотой 15 см и шириной 4 см, на трубочке имелись парные отверстия от креплений. На поверхности бересты сохранились следы краски. На правой стороне черепа и правом виске сохранились остатки кожи и ткани от головного убора, серьги и 2 бусины – белая и черная. Помимо этого сохранились: зеркало в кожаном футляре обтянутом золототканой парчой, гребень, пряжка ножницы.	Цуцкин, 1978
			кур. 11 пог. 1	На лицевой части черепа находились небольшие фрагменты бересты от боктаг с золототканой парчой, закрывавшей часть лба, переносицу и часть левого глаза. От костюма сохранились фрагменты кожаных сапог, остальной инвентарь – нож, зеркало, ножницы, костяной предмет.	Цуцкин, 1978
24	Малые Дербеты I	2007 г. Верещагин В.В.	кур. 1	В погребении, под черепом находилась тканевая шапка от боктаг, берестяной каркас не сохранился.	Кольцов, 2018
25	Архара	1962-63 гг. Синицын И.В.	кур. 15 пог. 1	Справа от черепа находился берестяной цилиндр от боктаг высотой 10 см, вместе с цилиндром находилась берестяная трубка длиной около 20 сми диаметром до 3 см. на	Синицын, 1962-1963

				бересте сохранились фрагменты шелковой ткани желтого цвета. От костюма сохранились фрагменты шелка и кожи от сапог.	
			кур. 16 пог. 1	Около плеча правой руки находились фрагменты бересты от боктаг. Иллюстрация показывает большой фрагмент подпрямоугольной формы, возможно от ствола, и берестяную трубочку (?) схожую по форме с предметом из кургана 15.	Синицын, 1962-1963
26	Рябичев	2006 г. И.Н. Парусимов	кур. 7 пог. 1	В публикации описан мягкий шелковый головной убор, типа башлыка, накрывавший лицо и голову погребенной, слева от головы находился другой убор в виде «берета» с деревянным прутиком, вставленным в край борта.	Парусимов, 2009
27	Тингутинский I	2014 г. А.В. Цыбрий	кур. 7 пог. 1	В отчете указан сохранившейся головной убор из бересты, кожи и шелка, по факту, сохранились маленькие фрагменты бересты и внутреннего каркаса, шелковые ткани с верхней и возможно нижней обтяжки, фата и нижняя шапочка.	Доде, 2018
28	Ленинск I	Исследовался в 1952, 1956, 1963-66, 1993 и 1998 гг. И.В. Синицын, В.П. Шилов, В.И. Мамонтов, А.В. Ситников	кур. 12	Инвентарь в погребении был представлен удилами, стременем, небольшими серебряными пластинками, бронзовыми розетками, фр. бубенчика, вопросовидной серьгой, бусами и бисером, фр. ткани, сапог и неопределенного деревянного предмета, а так же частью берестяного каркаса боктаг с остатками красной краски (на бересте имелись отверстия от прошивки).	Недашковский, 2011
29	Покровск (Энгельс)	1914 г. С.Н. Чернов, С.А. Щеглов, П.Н. Шишкин	кур. 2	В погребении около правого плеча погребенной находился фрагмент берестяного каркаса боктаг.	Гарустович, 1998
		1920 г. П.Н. Шишкин	кур. 7	Справа от черепа находились берестяные фрагменты боктаг, аналогичные убору из Увека пог. 1.	Гарустович, 1998 **НВСП 30843**
		1921 г. П.Н. Шишкин	кур. 8	На черепе погребенной найдены фрагменты ткани и ствол от берестяного каркаса (с широким диаметром ствола) (с фрагментами пучков ниток на одном конце ствола).	Гарустович, 1998 **НВСП 30837**
30	Давыдовка III	1928 г. А.И. Тереножкин	кур. 1	В погребении, слева от затылка обнаружены фрагменты ствола с узким диаметром (4 см).	Гарустович, 1998
31	Лысые горы	1924 г. П.С. Рыков	кур. 2	Рядом с черепом обнаружена шапочка из шелковой ткани и ствол каркаса боктаг.	Гарустович, 1998 **НВСП 30848**
32	Рудня	1924 г. П.С. Рыков	кур. 1	В кургане, помимо фрагментов шелковой одежды, серёг, зеркала, гребня в матерчатом кисете, бус, онгона на груди и котелка у ног, на черепе сохранились фрагменты головного убора боктаг, украшенного серебряными пластинками, стеклянными бусинами, и возможно, серебряной амулетницей.	Гарустович, 1998
33	Суслы	1924 г. П.С. Рыков	кур. 40	На черепе погребенной найден головной убор, «шапочка-боктаг», выполненная из парчовой ткани.	Гарустович, 1998
34	Блюменфельд	1925 г. И.С. Рыков, Б.П. Граков	курганная группа А, кур. 4	Возле затылка погребенной обнаружены фрагменты берестяного каркаса боктаг.	Гарустович, 1998

35	Станция 8 «Белая гора»	1929 г. П.С. Рыков	кур. 2	В кургане, рядом с черепом, обнаружены фрагменты парчовой ткани, ствол от каркаса боктаг (с узким диаметром ствола) и мелкие стеклянные бусины.	Гарустович, 1998 **НВСП 30628**
36	Лесное	1930 г. П.С. Рыков	кур. 1	Несмотря на то, что согласно отчету в кургане располагалось мужское погребение, на черепе найдены остатки шелковой ткани и бересты от боктаг (?).	Гарустович, 1998
		1931 г. Н.К. Арзютов	кур. 9	На черепе погребенной были зафиксированы фрагменты бересты.	Гарустович, 1998
			кур. 10	Возле черепа погребенной находилась берестяная трубочка от боктаг, покрытая красной краской с черной полоской.	Гарустович, 1998
37	Козицкое	1925 г. П.Д. Рау	кур. 1 пог. 1	На черепе погребенной сохранились фрагменты берестяного каркаса – ствол, обтянутый шелком, с бисером и бусинами желтого и синего цветов и капитель «огибающая череп».	Гарустович, 1998
38	Белокаменка	1926 г. П.Д. Рау	кур. Д-36	В кургане были найдены фрагменты бересты, деревянное навершие, белая бусина, фрагмент витого проволочного украшения, обмотанного зеленым шелком и неопределенный медный предмет.	Гарустович, 1998
39	Басы I (Малиновский)	1930 г. А.Н. Дашук	пог. 1	В погребении возле черепа расчищена берестяная трубочка от боктаг, украшенная семью раковинами каури.	Гарустович, 1998
40	Новопавловск	1982 г. Н.А. Охонько	пог. 10	В погребении, помимо многочисленного богатого инвентаря, содержало головной убор (5 фрагментов ствола) с остатками тканей, украшения – золотые ромбические нашивки (возможно с шапочки), серебряные с позолотой и жемчужными вставками четырехлепестковые нашивки.	Нарожный, Охонько, 2007 **СГМЗ ОФ 21200/1-10**
41	Дядьковский 45	2015 г. И.А Гордин	пог. 1	В погребение находились маленькие фрагменты бересты и тканей обтяжки, каури, амулетница и россыпи жемчуга (по обе стороны головы и на месте разрушения боктаг) и серебряное навершие, свернутое из листа метала.	Макласова, Гордин, 2020 **Б/Н**
42	Семенкин	1989 г. В.А. Ларенок	кур. 28 пог.1	Каркас головного убора в погребении найден был в фрагментированном состоянии и свернутым спиралевидно. Полоса большего диаметра находилась на голове, фрагмент поменьше за головой. На поверхности бересты имеются проколы, соответствующие проколам на стволе боктаг в нижней части ствола и по высоте (как от пришивания прутика внутреннего каркаса). Вместе с головным убором сохранились фрагменты кожи и шелковой ткани. На одном из фрагментов бересты были пришиты две раковины каури, на другом фрагменте нашит кожаный треугольник с золотыми орнаментированными нашивками. Из других украшений головного убора обнаружены береста в виде цветка, бусины из различных камней, стекла, коралла, бисера и жемчуга.	Ларенок, 1992
43	Песчаный-I	2015 г. Н.И. Шишлина	кур. 8 пог.2	В погребении у правого бедра был найден берестяной каркас, поверхность которого была красного цвета, на каркасе сохранились небольшие фрагменты ткани обтяжки. Боктаг состоит из сплющенного ствола, передней части капители, крышки и небольшой задней детали (боковые планки, скорее всего, утрачены). Убор Г-образной конструкции с широким диаметром ствола.	Леонова, 2023
44	Пчельник	1884 г. Ф.Д. Нефедов, К.А. Фишер	кур. 22	Погребение кургана было ограблено, но около головы были зафиксированы фрагменты бересты от боктаг.	Гарустович, 2014
			кур. 23	В кургане, так же, около черепа фиксировались фрагменты бересты.	Гарустович, 2014
			кур. 28	В описании инвентаря сказано, что «на месте шеи» расчищены фрагменты бересты от боктаг и несколько бусин.	Гарустович, 2014
			кур. 29	В погребении кургана 29 найден мягкий головной убор, надетый на голову, сохранились	Гарустович, 2014

				фрагменты бересты и, по всей видимости, золототканой парчи, расшитой голубым и белым бисером. Часть каркаса боктаг находилась с правой стороны черепа.	
		1887 г. Ф.Д. Нефедов	кур. 6	На черепе зафиксированы фрагменты головного убора.	Гарустович, 2014
45	Увак	1957 г. К.Ф. Смирнов	кур. 3	В погребении возле головы найдены фрагменты бересты от боктаг, покрытые мелом.	Гарустович, 2014
46	Гвардейцы	1970 г. Г.И. Матвеева	кур. 3	В погребении, у черепа находилась берестяная трубочка от каркаса боктаг.	Гарустович, 2014
47	Башкир-Беркутово	1968 г. Н.А. Мажитов	кур.2	Согласно отчету, у левого виска погребенной лежала берестяная трубочка (принятая первоначально Н.А. Мажитовым за чехол для хранения кос). На трубочке находились 2 небольшие пластинки-накладки (по отчету серебряные, но анализ не проводился). Под берестой, на которой сохранились фрагменты ткани, находился кусок кожи и бронзовая трубочка, на концах которой были две стеклянные бусины. На черепе погребенной находился обломок ножа и маленькая стеклянная бусина, под черепом две серьги в виде знака вопроса.	Мажитов, 1968 **МАЭ ОФ 444/9** **МАЭ ОФ 444/303**
		1969 г. Н.А. Мажитов	кур.3	В кургане, со следами грабительского вскопа, слева от черепа лежала берестяная трубочка (опять же, описанная в отчете как чехол для кос), в области пояса лежал кусок кожи. В заполнении ямы встречен кусок бересты со следами шва.	Мажитов, 1969 **МАЭ ОФ 471/1**
48	Новый Кумак III	Кон. 80 – нач. 90х гг. XX вв. С.Н. Заседателева	кур. 7 пог. 1	Берестяное навершие «боктаг» в виде остроносого сапожка располагалось за головой погребенной, там же находились бронзовая пятилепестковая бляха-нашивка, деревянная заколка в виде цветка со стеблями, 2 бусины и фрагменты ткани.	Бытковский, 2014
49	Хабарный I	1984 г. В.А. Иванов	кур. 7	Боктаг (с остатками шерстяной ткани синего и коричневого цветов) располагалось на левом предплечье и бедренной кости. Сохранился ствол берестяного каркаса с отверстиями по нижнему краю и в местах сшивания полотна в цилиндр на передней и тыльной стороне ствола, верхняя часть с капителью не сохранилась.	Иванов, 2004 **КП 803/7**
50	Имангулово II	1974 г. Н.А. Мажитов	кур. 1 пог. 1	В отчете головной убор описан как «кусочек дерева со следами тканей». По факту от головного убора остались небольшие фрагменты ствола, капители и крышки.	Мажитов, 1975 **КП 603/9**
			кур. 3 пог. 1	В погребении помимо обычного инвентаря (фрагмента ножа, ножниц, шила, зеркала, плошки и т.д.) справа от черепа были обнаружены остатки головного убора, первоначально принятые за чехол от зеркала. К боктаг относились три крупные стеклянные бусины, а от «значительных фрагментов берестяного корпуса» сохранилось 17 фрагментов, 8 из которых достаточно крупные и информативные (ствол, части капители и ромбики от украшения нижней шапочки), с отверстиями от швов. Дополнительно в коллекции указываются 7 фрагментов вытянутой остролистной формы, от возможного украшения убора.	Камалеев, 2021
51	Уральский	1982 г. В.А. Иванов	кур. 5	В отчете написано, что на черепе сохранились остатки головного убора из бересты, а в иллюстративной части указаны украшения из витой проволоки и перламутровых бусин. По факту от боктаг сохранилась только нижняя часть ствола.	Иванов, 1982 **МАЭ ОФ 749/29**
52	Линёвский	1988 г. В.А. Иванов	Линёвский I кур. 5	Целый каркас боктаг, состоящий из ствола с широким диаметром, и Г-образная капитель, включающая передние, задние детали, крышку и боковые планки находились слева над черепом. Береста была обшита тканью и украшена низкой из раковин каури. На лице,	Иванов, 1988 Матюшко, 2012 **СИКМ ОФ**

				левой стороне груди, руки и бедра находились фрагменты разных тканей со следами прошивания.	**3147/1419–3147/1430**
			кур. 15	С левой стороны, между рукой и телом, находилась трубочка от боктаг длиной 40 см (на фото 37 см) и шириной 4,5 см, на бересте имеются парные отверстия от вертикального шва и множественные одиночные отверстия вверху и внизу ствола. На черепе прослеживаются фрагменты войлока или шерстяной ткани от головного убора.	Иванов, 1988 **СИКМ ОФ 3147/1411**
			Линёвский II кур. 1	Возле черепа, на нем и под ним обнаружены остатки золототканой ткани. Справа от черепа находились фрагменты боктаг – берестяная трубочка 33х4,5 см, выкрашенная в красный цвет и украшенная в нижней части бронзовой прямоугольной пластинкой на конце покрытой орнаментом, 2 костяные бусины. Правее боктаг находился еще фрагмент золотной ткани.	Иванов, 1988 **СИКМ ОФ 3147/1412**
53	Андреевка I	2008 г. Л.В. Купцова	кур. 3 пог. 1	Под и около черепа обнаружены фрагменты плетеного изделия (веточки и травы). За черепом зафиксировано множество бус (26 шт. – круглые и грушевидная) закрученных в спираль вокруг несохранившегося предмета, скорее всего это часть украшений с боктаг. Под черепом находилось ещё 33 округлых бусины разного диаметра.	Харламов, 2024
54	Мустаево V	2004 г. ОГПУ	кур. 6 пог. 3	В погребении сохранились два фрагмента берестяного каркаса, возможно со ствола (тонкие листы бересты, размерами 6,3х4,1 и 6,3х1,9 см, полукруглые), на нижнем крае большего фрагмента имеются следы прошивки. Также в погребении были раковины каури и ажурное золотое украшение – круглая бляха со сканью и зернью, диаметром 1 см, с двуз сторон имеются крепления.	Моргунова, 2005 Матюшко, 2011
55	Телеутский Взвоз I	1996 г. А.А. Казаков	кур. 8	Согласно отчету «В ногах женщины располагался берестяной предмет в виде «трубки с раструбом от навершия головного убора».	Тишкин, 2009
		1997 г. А.А. Казаков	кур. 9	В погребении находились различные берестяные нашивки разной формы и размеров, головной убор типа «трубка и воронка», более 300 бусин и бисера и другие украшения.	Тишкин, 2009
			кур. 10	Согласно отчету, погребение 10 мужское, но в инвентаре находились предметы из бересты (названые берестяными нашивками) по своей форме напоминающие детали каркаса боктаг – крышка, передняя и задняя части капители, фигурные боковые планки, ствол.	Тишкин, 2009
			кур. 12	В сопровождающем инвентаре находились детали каркаса боктаг и берестяные нашивки. Каркас состоял из фески, двойного ствола, крышки, фрагмента передней части капители и боковых планок.	Тишкин, 2009
56	Крохалевка-5	1987 г. Г.И. Галямин	кур. 75 пог. 27	Головной убор располагался недалеко от темени, был деформирован, сохранность удовлетворительная. Высота каркаса около 21 см. Исследователем Д.В. Поздняковым выдвинуто предположение, что боктаг был на женщине в момент погребения. В районе головного убора находились стеклянные бусины и бисер. Каменные бусины располагались в месте соединения капители и ствола. Сохранившиеся детали каркаса — ствол, крышка и передняя часть капители.	Марченко, 2015 Поздняков, 2018
57	Сагыр-Хая	1975 г. Г.В. Длужневская	пог. 1	В погребении головной убор (сегодня утрачен) был надет на голову покойницы, слева от него находился железный стержень, справа сферическая бусина белого цвета с фрагментом шнурка в отверстии. Форма головного убора - цилиндрический ствол и «средняя и верхняя конусовидные части» капители, швы соединения боктаг сшиты или состыкованы внахлест.	Длужневская, 2007
58	Кудырге	Открыт в 1929 г. А.Н. Глухов	пог. 17	В погребении от головного убора сохранились украшения: серебряное фигурное орнаментированное украшение (располагавшееся над черепом), бисер трех цветов (под	Гаврилова, 1965

				подбородком), серебряная орнаментированная цилиндрическая амулетница (внутри находилось дерево) и две берестяные круглые детали со следами прошивки, диаметром ок. 4 см. (скорее всего основа для нашивания бисера, бусин или др. украшений и выступающая более простым аналогом подвесок, нашивок, «медальонов» из металлов). Утраченные предметы: на груди находился берестяной предмет (предположительно каркас головного убора), там же медное украшение, костяная бляшка и серебряная трубочка.	
59	Ближние Елбаны VI	1946-49 гг. М.П. Грязнов	пог.4	В погребении довольно хорошо сохранились берестяные предметы и фрагменты шелковой и шерстяной тканей, из украшений были найдены бисер и бусины. От головного убора сохранился ствол с широким диаметром, круглая коническая деталь, возможно феска и берестяные ромбические нашивки от нижней шапочки. Все детали имеют следы прошивки. Ещё один крупный берестяной предмет круглой формы, с отверстиями по краю трудно интерпретируется, так как на рисунке отсутствует линейка для определения размеров, скорее всего он не имеет ни какого отношения к головному убору.	Грязнов, 1951
60	Басандайк	1946 г. А.П. Дульзон	кур.24. пог.2	Женское погребение было частично разрушено. Головной убор находился с левой стороны у ступни и состоял из берестяной высокой и узкой «воронки» и вставленной в нее трубки высотой 24 см и диаметром 3,5-4 см. Изделие выполнено из двойного слоя бересты, сшито по краям и между собой. На месте шва трубки проложена дополнительная узкая берестяная прокладка в 2,5 мм закрывающая разрез, а на месте шва сшивания «воронки», между двумя деталями бересты имеется прокладка в 4 см. Вокруг узкого края «воронки» наложена полоса бересты шириной 4 см (пришитая к убору сзади, где располагались все швы) с фигурным краем и нарезанным узором в виде двух параллельных и множества перпендикулярных полос. Эта полоска призвана спрятать шов соединения «воронки» и трубки. От украшений головного убора остался только белый бисер.	Дульзон, 1947
61	Крутский II	1970-е гг. И.В. Асеев	пог. 1	В погребении найдены фрагменты бересты слева и под головой сохранилась часть крышки капители с прикрепленным фрагментом центральной розетки деревянного навершия, с нижней стороны имелись пазы для перпендикулярных лучей перекрестья.	Пилипенко, 2017
	Украина				
62	Волошино II	2005 г.	кур. 2	В погребении справа от черепа располагались две берестяные детали ствола каркаса (сплющенных), капитель полностью разрушилась. Из украшений сохранилась металлическая шпилька для волос (?), костяные бусины, фрагменты двух проволочных серебряных подвесок и остатки тканево-войлочных элементов.	Супруненко, 2011
63	Афанасьевка	Нач. XX в. Д.И. Эварницкий	кур. 7	В «Дневнике раскопок» описано более подробно это богатое захоронение (парчовые ткани, множество инкрустированных серебряных бляшек и пр.). При анализе описания можно утверждать о наличии берестяной основы боктаг и шапочки (по фрагментам коры с «налипшими» остатками шелковой парчовой и газовой ткани и ювелирным украшениям-нашивкам).	Эварницкий, 1907
64	Сторожевский		кур. 16 пог. 1	В погребении от головного убора сохранился ствол берестяного каркаса (цилиндрической формы, широкий диаметр, сплюснут, сохранилась прошивка нитками, капитель не сохранилась), и ткани от, возможно, верхней шапочки. Сохранность ствола фрагментарная, на бересте остались фрагменты тканей обтяжки, бусины и нашивки. Помимо этого, на черепе с правой стороны сохранилось украшение – пятилепестковая нашивка с бусинами и камнями, пришитая на ткань.	Коваленко, 2011

				Авторами публикации приведена художественная реконструкция головного убора - в виде берестяного цилиндра, пришитого к тканевой шапочке, боктаг имеет берестяное дно, укреплен кожаными полосками, шапочка украшена нашивками и бусинами.	
	Казахстан				
65	Кара-Оба (Новая Казанка)	1950 г. И.В. Синицын	кур. 1	Из вещевого ряда была найдена берестяная трубочка – боктаг (длиной 35 см), лежащая вдоль левой руки, поверх локтя. Под ней находился нож, выше фрагмент зеркала и костяное пряслице.	Синицын, 1950 Синицын, 1956 Сенигова, 1956
			кур. 4	Возле головы был найден боктаг длиной 26 см и шириной 4 см. помимо этого – проволочная серебряная серьга, зеркало и нож.	Синицын, 1950 Синицын, 1956 Сенигова, 1956
			кур. 12	В погребении возле черепа обнаружен футляр боктаг длиной 20 см и шириной 6 см (?).	Синицын, 1950 Синицын, 1956 Сенигова, 1956
66	Мокринский I	1974-75 гг. Г.А. Кумаев, Б.Ф. Железчиков	кур. 19 пог. 1	В ограбленном погребении обнаружена трубочка из свернувшейся бересты размером 15х3 см, а около черепа фрагменты дерева. По анализу бересты было предположено, что это ствол от боктаг, несмотря на то что шов соединения краев отсутствует.	Марыкисн ,2009
			кур. 30 пог. 2	В погребении, с левой стороны черепа находился сплющенный фрагмент берестяного каркаса ствола (?).	Попов, 2011
67	Салтак I	70-е гг.	кур. 1	В погребении головной убор сохранился фрагментарно: на черепе и за ним (небольшие фрагменты бересты и ткани), на кисти правой руки сплюснутый ствол каркаса. Из украшений найдена деревянная подвеска – расширяющийся к низу стержень с прикрученными к нему проволокой четырьмя проволочными листовидными подвесками с бусиной в центре каждого лепестка.	Бисембаев, 2019
68	Ждановский	Открыт в 1955 г., исследовался в 1960-61 гг. Ф.Х. Арсланова	кур. 14	От головного убора в погребении сохранились фрагменты берестяного каркаса и тканевые элементы шапочки на подкладке, расположенные с правой стороны на груди и предплечье. «Головной убор конусовидной формы, оканчивался в верхней части четырёхугольным отверстием с вставленной в него берестяной трубкой. Между подкладкой и верхом вшиты 4 берестяные пластины, повторяющие форму головного убора. На одном конце имеется надетое на берестяную трубку кольцо». Из украшений боктаг в погребении сохранился жемчуг и четырехугольная бронзовая пластинка (обнаруженная на черепе).	Арсланова, 2013 Пилипенко, 2017 Пилипенко, 2021
			кур. 25	В погребении, в области груди, находился головной убор похожий на предыдущий, фрагменты шелковой ткани, нитки и фрагмент золотой ажурной накладки.	Арсланова, 2013 Пилипенко, 2017
69	Калыбай II		кур. 1 пог. 1	Погребение было ограблено и кости сильно перемешаны. Под черепом были найдены 8 жемчужин, рядом лежали ещё две жемчужины и фрагменты металлического изделия, недалеко находились фрагменты бересты (на некоторых фрагментах имелись следы шелковой ткани с позолотой) и метала. От головного убора сохранился ствол со следами парных проколов. При расчистке других костей находился ещё жемчуг и металл.	Пилипенко, 2017
70	некрополь Бозоксонский (Бозок)	2002 г. К.А. Акишев, Ю.А. Мотов	пог. 2	В погребении головной убор лежал слева от черепа, от каркаса сохранился берестяной ствол. Из украшений в погребении сохранились три каури (прикрепленные к бересте), у висков множество низок жемчуга (681 шт.), справа от черепа обнаружены низки жемчужин (с характерным ромбовидным расположением, как на нашивках завязок нижних шапочек) и стеклянные бусины разных форм, одна бусина серебряная цилиндрической формы, с	Пилипенко, 2021

				сохранившейся шелковой нитью с нанизанными на неё двумя жемчужинами.	
71	Мавзолей Болган Ана	А.Е. Касеналин	мавзолей	В погребении находились фрагменты костюма – остатки ткани и боктаг. На голове сохранились фрагменты верхней шапочки из узорчатого шелка на подкладке.	Пилипенко, 2021
72	Худайберген	1932-33 гг. Б.Н. Граков	пл. 5 мог. 54	В погребении за черепом обнаружена берестяная трубочка боктаг окрашенная в розовый цвет.	Гарустович, 2014
73	Ушарал-Илибалык	2021-2022 гг. Д. А. Воякин	L-290	Работа с погребением велась в два этапа, первый – частичное вскрытие и извлечение: 19 шт. мелких округлых стеклянных бусин и бисера, фрагмент белой прямоугольной бусины, фрагмент деревянного навершия. Второй этап – расчистка в лабораторных условиях: справа от черепа находился берестяной каркас боктаг, между берестой и черепом цилиндрическая филактерия, у верхней кромки бересты скопление бисера, под височной костью фрагмент берестяного ромбика с множеством отверстий по периметру и несколько вытянутых резных жемчужин с его обшивки, под берестой фрагменты газовой ткани и четыре розетковидные нашивки. За черепом находились - синяя стеклянная бусина, множество мелкого стеклянного и жемчужного бисера и пять фрагментов деревянного резного навершия. О наличии в погребении золототканых шелков говорит множество крошечных золотых блесток, осыпавшихся с деградировавших нитей.	https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html **Б/Н**
74	Сыгнак	2011 г. Институт археологии им. А.Х. Моргулана	мав. 3 пог. 4	Все органические материалы полностью утрачены. Сохранились золотые ювелирные украшения – у висков пара вопросовидных серёг с крупными круглыми жемчужинами, цилиндрическая амулетница, еще одна проволочная серёжка или подвеска округлой формы, с двумя небольшими жемчужинами, множество мелкого жемчуга и на груди между ребер 3 ажурные золотые пуговицы от нижнего халата.	https://24.kz/ru/news/culture/item/629028-v-kyzylorde-prezentovali-rekonstruirovannyj-obraz-sakskogo-voina-i-syganakskoj-printsessy **Б/Н**
	Киргизия				
75	Секи I	1990 г. К.Ш. Табалдиев	кур. 1	В погребении, около левого плеча находился немного уплощенный боктаг, состоящий из трапециевидной и прямоугольной частей. В области черепа был найден берестяной ромбик со следами прошивки.	Орозбекова, 2016
			кур. 3	Головной убор был положен на погребенную с левой части груди. Сохранность боктаг фрагментарная, форма уплощенно-цилиндрическая. Под челюстью находились берестяные ромбики со следами прошивки.	Орозбекова, 2016
			кур. 5	Головной убор лежал на правой стороне груди. Сохранность фрагментарная, форма уплощенно-цилиндрическая. Около черепа располагались берестяные ромбики и стеклянный бисер, и другие украшения боктаг.	Орозбекова, 2016
76	Бел-Саз I	1990 г. К.Ш. Табалдиев	кур. 4	В области головы, с левой стороны обнаружены остатки ткани, бересты и крестообразное деревянное навершие. Около шеи найдены берестяные ромбики.	Орозбекова, 2016
			кур. 12	Курган был разграблен, все что осталось – три берестяных ромбика со следами прошивки и фрагменты ткани.	Орозбекова, 2016
			кур. 15	В погребении находился один ромбик и фрагменты ткани.	Орозбекова, 2016
			кур. 16	Головной убор находился за головой погребенной (ствол и одна часть капители), из украшений сохранился бисер, ромбик-нашивка с шапочки найден у стопы погребенной.	Орозбекова, 2016
77	Чап	1990 г. К.Ш. Табалдиев	кур. 7	Головной убор располагался на груди и левой ключице. Форма у боктаг стандартная – сплющенный прямоугольный ствол и трапециевидная капитель. Украшения – ромбик и бусины.	Орозбекова, 2016

78	Сюттуу-Булак I	1995 г. Германо-киргизская экспедиция	кур.10	Головной убор располагался справа от черепа. Сохранность фрагментарная, форма уплощенно-цилиндрическая, имелось деревянное декоративное навершие с растительным орнаментом, различные фрагменты ткани обтяжки с орнаментальными аппликациями, стеклянные бусины и бронзовое изделие треугольной формы. На темени и шее находились ромбики, украшенные бисером.	Орозбекова, 2016
			кур.17	В погребении находились только четыре ромбика и деревянное навершие.	Орозбекова, 2016
			кур.21	С правой стороны черепа находился изогнутый берестяной предмет и следы войлочной шапки, возле уха находились стеклянные бусины. Боктаг, с фрагментами деревянного навершия на крышке капители, располагалась возле правого колена и берцовой кости.	Орозбекова, 2016
79	Жетим-Кыркол	2002 г. Турецкий археологический отряд Турк Тарых Курум и Ассоциация историков Киргизии	кур. 1	В погребении найдены - берестяные диадема и боктаг.	Орозбекова, 2016
			кур. 3	В погребении зафиксирован боктаг, как и в 1 кургане.	Орозбекова, 2016
80	Боз-Адыр	2013-14 гг. К.Ш. Табалдиев	кур. 10	С правой стороны погребенной располагался боктаг, слегка закрывая лицо и плечо. Возле головного убора находились фрагменты деревянных палочек, белый бисер, справа от челюсти – 3 каури, ромбик и бронзовая трубочка с деревом внутри, около темени – на стволе находился ромбик, украшенный бронзовыми бляшками, чуть правее темени находилась половина ромбика.	Табалдиев, 2014 Орозбекова, 2016
			кур. 11	С левой стороны от черепа погребенной находился головной убор (ствол в форме цилиндра и капитель трапециевидная с крышкой).	Орозбекова, 2016
			кур. 38	Головной убор находился над правым плечом. Сохранность фрагментарная, рядом с каркасом, у крышки капители, находились фрагменты деревянных палочек (она была обмотана тканью и проволокой), возможно, это от навершия. На черепе сохранились фрагменты двухслойной плотной ткани с фрагментом бронзовым украшением в форме трилистника. По краю ткани была пришита плетеная косичка.	Орозбекова, 2016
81	Кырчын		пог. 1	В погребении головной убор лежал диагонально на черепе, от каркаса сохранился очень широкий ствол (высота каркаса более 40 см, диаметр ствола более 10 см) и фрагменты деталей капители разной сохранности (передняя, задняя, боковые планки и предположительно, крышка), на бересте видны остатки шелковой обтяжки, сам убор декорирован по верхнему краю капители большим количеством каури.	Фото в экспозиции
	Монголия				
82	Ногоон Гозгор I (Цыгыр I)	Открыт в 1999 г., исследован в 2017 г. А.В. Харинский	пог. 5	Головной убор находился за головой погребенной. От каркаса сохранились сплющенный ствол и капитель, сшитые между собой в некоторых местах, сохранность удовлетворительная, позволяющая целиком рассмотреть боктаг, с точки зрения конструкции и технологии. Ствол сохранился не полностью (только верхняя часть), капитель состояла из 12 деталей (передняя, задняя части, крышка, боковые и наклонные планки). Длина всего каркаса 36 см, ширина в узкой части 13 см, в широкой 25 см. Так как погребение было ограблено в древности, украшений боктаг и другого инвентаря в нем не оказалось.	Портнягин, 2017 Харинский, 2018

			пог. 6	Могила была ограблена и все металлические предметы изъяты, остальные сильно перемешены. В отвале погребении был обнаружен фрагмент шелкового головного убора, надеваемого вместе с боктаг и остатки тканей, некоторые с прошивкой и завязками (множество фрагментов полихромной и однотонной шелковой ткани, некоторые с орнаментом птиц, цветов, облаков и волн) и кожи от одежды и, возможно, обуви (на фрагментах кожи имелись окислы меди, отверстия от прошивки и отверстие трапециевидной формы с неровными краями). По аналогии с погребением 5 боктаг, скорее всего, был с широким диаметром ствола и Y-образным строением капители.	Харинский, 2018 Портнягин, 2020
83	Булган Уул	1989 г. Монголо-советская экспедиция	пог. 1	В погребении рядом с левым плечом были найдены фрагменты берестяного каркаса боктаг (преимущественно от ствола).	Erdenebat, 2009
84	Урд-Хяр II		пог. 23	В погребении был найден головной убор конструкцией похожий на боктаг из памятника Ногоон Гозгор I погребение 5 – с широкий диаметр ствола и Y-образная капитель, из украшений убора сохранилась золотая ромбическая нашивка, обшитая шелковой тканью (?) с нижнего мягкого головного убора.	Портнягин, 2020
			пог. 24	В погребении берестяная основа не сохранилась, но найдено украшение с боктаг – бронзовый амулет с растительным орнаментом (длина 4,5 см, диаметр ок. 1,3 см), прикрепленный к фрагменту ткани через петельку, расположенную в центре. Но по аналогии с погребением 23 и с др. памятниками региона боктаг должен быть с широким диаметром ствола и Y-образным строением капители.	Портнягин, 2020
85	Зараа Толгой	1978 и 1980 гг. Монголо-советская экспедиция	пог. 1	В погребении, на груди погребенной, найдены фрагменты берестяного каркаса головного убора (сохранилась часть Y-образной капители со следами прошивки по верхнему, нижнему краю и более крупные отверстия на полотне бересты от пришивания украшений), справа от черепа две синие стеклянные бусины диаметром около 2 см (от украшений головного убора?).	Erdenebat, 2009
86	Эльст Чётёль	1994-1995 гг. Монголо-французская экспедиция	пог. 10	В погребении, слева от черепа, найдены фрагменты берестяного каркаса головного убора (преимущественно от Y-образной капители), под нижней челюстью раковина каури (возможно не с головного убора), на левой скуловой кости черепа найдены четыре бусинки белого цвета, выполненные из раковины улитки каури (возможно от берестяных нашивок с нижней шапочки).	Erdenebat, 2009
87	Бурхан Толгой	1988 г. Экспедиция Монгольской академии наук	пог. 3	В погребении, слева от черепа, находились фрагменты берестяного каркаса головного убора (по первоначальным расчетам высотой 26 см и шириной 15-22 см), по нашим расчетам общая высота боктаг более 30 см, диаметр ствола 6,5-7 см (ствол со следами прошивки, передняя часть, боковая планка и небольшой фрагмент задней части капители?). На передней планке капитель сохранилось украшение - круглая берестяная основа диаметром около 5 см, обтянутая шелком с нашитым бисером (?), жемчугом (?).	Erdenebat, 2009
			пог. 4	В погребении, на левом плече погребенной, найден почти полностью сохранившийся головной убор из бересты (сохранился ствол, передняя и задняя части капители, боковые планки и крышка) с фрагментами шелковой ткани от первой обтяжки (на ткани набойка светло жёлтого цвета с китайскими (?) иероглифами). Высота убора около 33 см, ширина 12-24 см, длина крышки капители 23,5 см.	Erdenebat, 2009, Горелик, 2014

			пог. 5	В погребении, с левой стороны черепа найден берестяной головной убор высотой 25 см и шириной 12-18 см (ствол и капитель). На уборе были найдены три бронзовые монеты (датированные династией Северная Сун, при правлении Шан Цзуна (1068–1086 гг.) и Хуэй Цзуна (1101-1126 гг.)).	Erdenebat, 2009
88	Чанан	1987 г. Экспедиция Монгольской академии наук	пог. 4	В погребении на черепе (район темечка) сохранился треугольный берестяной предмет с множеством маленьких отверстий по периметру, размер 4,8х5,8х5,8 толщина 0,15 см (возможно, это нашивка с лент шапочки или другое украшение головного убора). Рядом с правой голенью были найдены 5 раковин каури с отверстиями для крепления, круглая бусина из белого камня диаметром 0,95 см и круглая бусина из синего стекла диаметром 0,3 см (возможно, головной убор располагался на/около правой голени, но не сохранился кроме некоторых нашивных украшений).	Erdenebat, 2009
89	Долуд	1968 и 1989 гг. Экспедиция Монгольской академии наук	пог. 4	В разграбленном погребении, в северной части, найден полностью сохранившийся головной убор из бересты высотой 27 см и шириной 15–22 см (возможно боктаг располагался справа от головы или был надет на неё). От каркаса сохранились часть ствола, одна прямая планка капители (передняя или задняя), боковые планки (наклонные и верхние) и крышка.	Erdenebat, 2009
90	Шар Гозгорын Чар Узююр	1989 г. Экспедиция Монгольской академии наук	пог. 1	В погребении, на животе и груди погребенной, находился каркас головного убора с трапециевидной капителью, высотой 28 си и шириной 12-18 см. От каркаса боктаг сохранился ствол, передняя и фрагмент задней (?) части капители, крышка и, возможно, боковые наклонные планки.	Erdenebat, 2009
91	Чандаган	1976 г. Экспедиция Монгольской академии наук	пог. 2	В потревоженном погребении, в районе ног, зафиксированы 2 небольших фрагмента от берестяного каркаса головного убора (на одном имеются отверстия прошивки). Из украшений сохранились три округло-фигурные берестяные нашивки с отверстиями (наподобие восьмилепестковых цветов) диаметром 2,5 см, помимо этого разнообразные бусины круглой и овальной формы синего зеленого и красного цвета, диаметрами от 0,5 до 1,0 см.	Erdenebat, 2009
92	Булган Чошуу	1984 г. Экспедиция Института истории Монгольской академии наук	пог. 1	В погребении, на голове найдены фрагменты шелкового головного убора, ткань жёлтого цвета (?), с цветочным орнаментом, заключенным в «медальоны». Фрагменты берестяного каркаса находились в верхней части черепа (возможно боктаг был надет на голову вместе с верхней шапочкой).	Erdenebat, 2009
93	Халзан Чошуу	1986 г. Монголо-советская экспедиция	пог. 1	В погребении, за черепом, в северо-восточном углу, найдены фрагменты плохо сохранившегося берестяного каркаса (предположительно ствола).	Erdenebat, 2009
94	Хаан Уул	1959 г. Монгольский институт наук	пог. 2	В погребении, на черепе были обнаружены фрагменты головного убора из желтой шелковой парчи с красным шелковым шнуром (лентой?), к концу которого прикреплены квадратные берестяные нашивки, обтянутые шелком. Слева от черепа находились фрагменты берестяного каркаса головного убора (в основном сохранился ствол с небольшими фрагментами капители).	Erdenebat, 2009
95	Сайхан Овоо	1999 г.	пог. 1	В погребении, на костях голени (над ступнями) погребенной были обнаружены фрагменты	Erdenebat, 2009

		Монгольская академия наук		берестяного каркаса боктаг (части от Y-образной капители) и остатки зеленого шелка (возможно от шапочки или от обтяжки?).	
96	Нарийны Ам	1989 г. Монгольская академия наук	пог. 1	В погребении, на тазовых костях были найдены фрагменты берестяного каркаса, семь ромбовидных берестяных нашивок с множественными отверстиями (по краям и на основном полотне) размером 2x2,5 см каждая (с лент нижней шапочки).	Erdenebat, 2009
97	Каракорум	1986 г. Монголо-советская экспедиция	пог. 2	На левом плече погребенной были обнаружены фрагменты сплющенного берестяного каркаса боктаг (широкий цилиндрический ствол, передние и задние части капители, боковые планки, крышка). Рядом с левой голенью бронзовая накладка с отверстием посередине (возможно украшение головного убора).	Erdenebat, 2009
98	Буурал Уул	1981 г. Д. Наваан, П. Б. Коновалов	пог. 2	На левой стороне груди погребенной был найден берестяной каркас боктаг с шелковой обтяжкой (первоначальные размеры – высота 33 см, ширина 12-24 см). Головной убор спереди был богато украшен, к стволу крепилось три вида металлических украшений: пять бусин в форме пятилепесткового цветка, из бирюзы (?) с круглым отверстием посередине, диаметром 1,2 см; бронзовые ромбовидные нашивки (спаянные из четырех круглых элементов или двух круглых и двух каплевидных, размером 3,1x2,2 см и 4x2,5 см соответственно) с инкрустацией (перламутр?, белый и коричневый камень?); круглые металлические нашивки с символами Lantsa-Dewanagari диаметром ок. 1,5 см. От каркаса боктаг сохранились все детали – ствол, передняя и задняя части капители, боковые планки и крышка, высота головного убора до 35 см, диаметр ствола 8,4 см, размер крышки капители 23x11 см.	Erdenebat, 2009 Коновалов, 2017 Портнягин, 2017
			пог. 3	В погребении, на ногах погребенной были найдены фрагменты берестяного каркаса боктаг, с левой стороны бедра лежали две жемчужины и три китайские бронзовые монеты династии Северная Сун периодов правления трех императоров (Тай Цзун, Чжень Цзун, Жень Цзун): Тай Пин тун бао (976-989 гг.), Сянь Фу юань бао (1008-1016 гг.), Тянь Шен юань бао (1023-1031 гг.) (возможно они были пришиты к головному убору, по аналогии с пог. 5 могильника Бурхан Толгой).	Erdenebat, 2009
			пог. 7	В погребении, в районе костей таза был найден треугольный берестяной предмет (скорее всего это капитель от каркаса боктаг) с 11 медными декоративными нашивками разных форм (возможно крепившихся к головному убору). В районе черепа был найден бронзовый орнаментированный амулет (11,5x2 см) с сохранившейся боковой бусиной из бирюзы, раковина каури с отверстием для пришивания, бронзовая фигурная нашивка в форме трех лепесткового цветка (2,1x2,1 см) и фрагменты мехового изделия (возможно все эти украшения были от верхней шапочки, которая была либо надета на голову, либо положена рядом, не исключено, что она была подбита мехом).	Erdenebat, 2009
			пог. 11	В погребении фрагменты головного убора находились под черепом, береста от каркаса (высота берестяного каркаса 34 см, размер крышки капители 23x11,5 см) и фрагменты шелковой шапочки желтого цвета (возможно, это была ткань от верхней обтяжки боктаг). Рядом с левым плечом найдена медная декоративная накладка (3x0,6 см) и раковина каури (возможно, это украшения с боктаг).	Erdenebat, 2009
99	Залаа	1971 г. Монгольская академия наук	пог. 1	В погребении, слева от черепа, находился берестяной головной убор с фрагментами ткани верхней обтяжки (ориентировочно красного цвета), рядом находилось серебряное украшение с него.	Erdenebat, 2009

100	Таван Толгой	2022 г. Центр арх. исследований МГУ, Французский институт пустынь и степей Ц. Торбат	пог. 56	В погребении был найден головной убор с симметричной Y-образной капителью (упоминаются золотые и серебряные украшения, но какие относились к боктаг нам не известно). На черепе и верхней части груди сохранились фрагменты ткани (возможно от нижней и верхней шапочек). Берестяной каркас состоял из ствола (4 детали – 2 боковые, передняя и задняя) и капители (7 деталей – крышка со следами ремонта, 4 боковые наклонные планки, передняя и задняя части), от нижней обтяжки сохранился фрагмент с набивным золотым рисунком (стилизованный четырёхлистник) на части капители, от верхней обтяжки небольшие фрагменты тонкой шелковой ткани бурого цвета.	https://ikon.mn/opinion/2ud9
101	Морин Толгой	1983-84 гг. Монголо-советская экспедиция	пог. 3	В погребении, справа от черепа был обнаружен почти полностью сохранившийся берестяной головной убор (ствол, передние и задние части капители, боковые планки и крышка), 2 черные бусины диаметром 0,7 см, фрагмент медной накладки (?) с цветочным орнаментом и фрагмент серебряной цилиндрической амулетницы диаметром 1,85 см (сохранившаяся часть 3,2 см), с двумя ушками для подвешивания, боковые крышечки выпуклые, украшены цветочным декором.	Erdenebat, 2009
102	Гоожур	2014 г. Буянтская археологическая экспедиция	скальное пог. 1	В погребении были найдены фрагменты кожаной одежды, берестяного каркаса боктаг и деревянного навершия. От головного убора сохранились боковые части каркаса и капители, с внутренней стороны изделия виден прикрепленный к бересте вертикальный прутик усиливающего каркаса.	Мунхбаяр, 2015
103	Баянгол	2000-е (?)	пог. 4	В погребении головной убор был расположен слева, при захоронении его положили вплотную к левой стороне черепа и плеча. Боктаг сплющен и деформирован, сохранился ствол, передняя и задняя части капители (с небольшими утратами), крышка. Ткани обтяжки, полотняного переплетения, сохранились небольшими фрагментами на капители. Из украшений сохранились нетипичная бронзовая ажурная нашивка (нашивка была прикреплена к передней части капители, на задней части так же было прикреплено бронзовое украшение, но форма нам не известна) и фрагмент бронзового навершия (подробнее в Главе 3.2). Кроме этого, вокруг боктаг находилось несколько бронзовых фрагментов, возможно, от украшений.	Эрдэнэбат, 2016
104	Ясангий хар	2000-е (?)	-	В погребении, головной убор располагался на левой стороне груди и плече. Каркас слегка деформирован, сохранились – ствол, передняя и задняя части капители, крышка. На передней детали (ближе к центру) капители видны отверстия. Ткани и украшения, возможно, не сохранились.	Эрдэнэбат, 2016
105	Чадат Толгой	1976 г. Монгольская академия наук	пог. 2	В погребении, слева от черепа были зафиксированы украшения боктаг: три медные накладки (подтрапециевидная, с отверстием в центре, диаметром 3,9 см и высотой 1,4 см; плоская округлая с отверстием в центре, размером 4х3,7х0,1 см; плоская круглая с цветочно-геометрическим орнаментом, диаметром 4,1 см и толщиной 0,1 см, на противоположных концах имеются утраты, возможно в местах отверстий для крепления), медная амулетница с чеканным растительным орнаментом (цилиндрической формы диаметром 1,4 см и длиной 5,8 см, орнамент – восьми лепестковый цветок замкнут в ромбовидную фигуру) и жемчужина, вырезанная из раковины. От каркаса головного убора сохранились фрагменты бересты.	Erdenebat, 2009

106	Чар Аараг	1976 г. Монгольская академия наук	пог. 1	В погребении, в районе черепа (рядом со скулой) были найдены фрагменты берестяного каркаса с фрагментами шелка от обтяжки, от украшений головного убора сохранились: две цилиндрические амулетницы (медная, с двумя проушинами для подвешивания, с растительно-геометрическим орнаментом и символами Lantsa-Dewanagari, размером 6,1х1,4 см; бронзовая размером 6,6х1,5 см), две медные накладки (круглая плоская диаметром 3,8 см, толщиной 0,1 см; полусферическая с растительно-геометрическим орнаментом диаметром 4,1 см, высотой 0,8 см). Там же находились: бронзовая пряжка (2,5х1х0,2 см) и фрагмент непонятного крючкообразного медного предмета (1-2,5х0,2 см), возможно, имеющие отношение к украшению боктаг.	Erdenebat, 2009
107	Нартын	2005 г. С. Хурэлсух Р. Мунхтулга	пог. 1	На правом плече погребенной были найдены фрагменты берестяного каркаса боктаг (ствол, фрагменты капители, частично сохранившиеся прутики внутреннего усиления), с шелковыми тканями нижней и верхней обтяжки (коричневым и жёлтым соответственно), с сохранившимся (ок. 40 см в длину) фрагментом фаты (коричневое «вязаное/ажурное» полотно с желтой шелковой подкладкой), пришитым к нижнему краю задней стороны ствола, с лентами (из жёлтого шелка (?)) для крепления убора на голове (из 4-х сохранилось 3 (?)). Помимо боктаг были найдены фрагменты верхней шапочки, выполненной из коричневого бархата (?), с нашитыми на него фрагментами бисерного украшения. Из украшений сохранилось деревянное резное составное навершие (19х9х2,5 см), выполненное в виде шестилепестковой розетки в центре, с расходящимися в противоположные стороны лучами, в розетку перпендикулярно вставлялся стержень вытянутой подгиперболической формы, сверху имелась небольшая выемка для крепления перьевого украшения.	Эрдэнэбат, 2007 Ildiko Oka, 2015 Харинский, 2018
	Китай и др.				
108	Марджани		-	Сохранность головного убора полная, каркас состоит из ствола и наклоненной несколько вперед капители, сохранился внутренний каркас из прутьев. Высота убора 40 см, диаметр ствола ок. 10,5 см, длина крышки капители 21 см. На каркасе сохранились ткани обтяжки, фата размером 43х48 см, 2 ленты длиной 71 см и шириной 4,8 см, ближе к верху у лент имелась короткая перемычка, ювелирные украшения, жемчужная вышивка. С боковых сторон свисали своеобразные «уши» на 12 см, шелк от верхней обтяжки. Сохранилось два серебряных (с медью) с золочением амулета цилиндрической формы диаметром 2 см и длиной 6 см, серебряный с позолотой круглый «медальон» со сканью зернью и бирюзой (?) диаметром 6 см. С каркасом шло несколько шапочек: нижняя – похожая на «тюбетейку», с трапециевидным назатыльником и лентами (сшитыми под углом), украшенная 10 ромбовидными нашивками с жемчугом и верхняя шапочка с фигурными краями наушников и системой лент крепления на голове и боктаг. Верхняя шапочка имела длину 32 см, длину завязок 23 см. Нижняя шапочка имела трапециевидную форму, спереди длина 8,5 см, в остальных частях 5 см, диаметр верхнего отверстия 5,2 см, общая длина Y-образных лент 38 см, назатыльник шириной 12-14 см, пришитые ромбические нашивки размером 3з5 см.	Горелик, 2014
109	Ханьчжоу		-	Боктаг имеет симметричное строение капители (часть убора была повреждена, была проведена реставрация), обтяжку золотой парчой с орнаментом двуглавых птиц, верхнюю шапочку, выполненную из похожей ткани и жемчужные украшения.	Ли Минь, 2016

110	М-14		-	Сохранность у каркаса боктаг очень хорошая, обтяжка выполнена желтой «гипюровой» тканью и узорчатым шелком, имеющим сильное сходство с тканью из памятника Дурбэд. Сохранились нашивные украшения – зеленые цветы, листья, лозы из шелка и бумаги (?), крашеные павлиньи перья (?), пришитые к желтому «гипюру».	Су Донг, 2001
111	Ван	70-е гг. XX в.	-	Конструкция каркаса с симметричной капителью, выполнена из бересты. В боктаг сохранился ствол, передняя и задняя часть капители, усиление прутиками и ткань первой обтяжки с хорошо сохранившейся золотой печатью, крышка и боковые детали не сохранились. На левой боковой стороне ствола сохранилось ювелирное украшение с инкрустацией.	Сун Цзябинь, 2017
112	Дурбэд		-	Высота боктаг 34 см, диаметр ствола 9 см, каркас выполнен из бересты и состоит из трех деталей (в 2001 г. Су Донг описывал 4 детали, к моменту реставрации в 2004 г. была утрачена крышка капители подпрямоугольной формы размером 11,5х22,5 см) (ствол, передняя и задняя части симметричной капители, одна из которых пришита к стволу и соединена с другой деталью капители по нижним боковым сторонам) и внутреннего каркаса. От первичной обтяжки сохранился коричневый шелк, вторая обтяжка была выполнена ориентировочно красным шелком (впоследствии ставшим бурым) с набивным золотым рисунком четырехлистных цветов. Так же сохранились: небольшой фрагмент верхней шапочки с двумя тканевыми пуговичками, ромбовидная позолоченная нашивка с резьбой и бусинами, сложносоставное деревянное навершие.	Су Донг, 2001
113	Нетипичный		-	Боктаг нетипичной конструкции каркаса, выполненный из бересты, высотой 38 см. У головного убора великолепная сохранность, он обтянут золототканым шелком, обильно украшен (плетеные тканевые цветы и нашивки, жемчуг, белый полупрозрачный кристалл огранки «фогель», нашивные «уши» по верхнему краю «капители»), по внешнему виду напоминает – гиперболу, пришитую с нижнего края к полусферической жесткой шапочке, а вверху расширяющуюся в «воронкообразную» капитель, не имеющую крышки.	Цзя Си Цзэн, 2011
114	Корея	Впервые был представлен на выставке	-	Это высокий убор (30 см) с ассиметричной капителью и широким диаметром ствола, с сохранившимся полотном фаты, двумя парами завязок, вышивкой на тыльной стороне, украшениями и нижней шапочкой с ромбическими нашивками, обшитыми мелким жемчугом (4 с левой стороны).	Фото с выставки

Таблица А.3 – Разделение боктаг по типам

№	Y-образные (тип А)	Г-образные с широким стволом (тип В)	Г-образные с узким стволом (тип С)	Спорные/нестандартные
Россия	Молчановка III, Рябичев к.7, Тингутинский I к.7, Дядьковский 45 п.1, Телеутский взвоз I к.8, к.9, к.10, к.12, Крохалёвка 5 п.27, Сагыр-Хая, Кудырге п.17, Ближние Елбаны VI п.4, Басандайк к.24 п.2	Бахтияровка к.5, Бахтияровка III к.112, к.120, к.137, Джангар к.27, Солодовка к.48 п.2, Царев к.61, к.64, Маячный I п.103, п.104, п.106, Маячный II п.51, п.60, п.70, Бережновский II к.28, Олень-Колодезь к.9, Малые Дербеты к.1, Новопавловск п.10, Песчаный-I, Линёвский I к.5, Аксеновский к.20, Джангар к.27	Бахтияровка к.11, Бахтияровка II к.49, к.70, к.72, Бахтияровка III к.91, Большие Копены 2 к.1 п.1, к.2 п.2, Быково III к.6, Солодовка II к.7, Усть-Курлюм к.7, Три Брата I к.14, Три Брата II к.8, Гува III, Увек п.1, Шляховской III к.1, Маячный I п.188, п.224, Новый к.5, Большой Царын к.4, Большой Царын I к.1, Лесное к.9 Давыдовка III к.1, Башкир-Беркутово к.2, к.3, Новый Кумак III к.7, Хабарный I к.7, Имангуловские II к.1, Уральские курганы к.5, Мустаево V к.6 п.3, Имангуловские II к.3, Линёвский I к.15, Линёвский II к.1, Маляевка VI к.2 п.2, к.4 п.1	Бахтияровка III к.86, Глазуновский к.5, Царев к.40, Три Брата II к.11, Комсомольский п.2, Линево к.2, Покровск к.2, к.7, к.8, Увек п.2, Блюменфельд А к.4, Козицкое к.1. Рудня к.1, Лесное к.1, к.10, Басы I п.1, Лысые Горы к.1, Белокаменка Д36, Станция 8 к.2, Усть-Курдюм к.9, к.11, Село Суслы к.40, Семёнкин к.28, Гвардейцы к.3, Увак к.3, Пчельник к.6, к.22, к.23, к.28, к.29, Ленинск I к.12, Крутский могильник II, Андреевка I, Большой Царын II к.3 п.1, Адрг к.1, к.10, к.11, Архара к.15, к.16
Украина	-	Волошино II к.2	Афанасьевка к.7, Сторожевский к.16	-
Казахстан	Ушарал-Илибалык п.290	Болган Ана, Бозок п.2, Сыгнак м.3 п. 4	Кара-Оба к.1, к.4, к.12, Мокринский I к.19, к.30, Салтак I к.1, Ждановский к.14, к.25, Калыбай II к.1, Худайберген п.5 м.54,	-
Киргизия	Секи I к.1, к.3, к.5, Бел-Саз I к.4, к.12, к.15, к.16, Чап к.7, Сюттуу-Булак I к.10, к.17, к.21, Жетим-Кыркол к.1, к.3, Кырчын, Боз-Адыр к.10, к.11, к.38	-	-	-
Монголия	Ногоон Гозгор I п.5, п.6, Булган Уул, Зараа Толгой, Эльст Чётёль п.10, Бурхан Толгой п.3, п.4, п.5, Долуд п.4, Шар Гозгорын Чар Узюур, Чандаган п.2, Булган Чошуу, Халзан Чошуу, Ясангий хар, Баянгол п.4, Морин Толгой п.3, Залаа, Буурал Уул п.2, п.3, п.7, п.11, Каракорум п.2, Сайхан Овоо, Хаан Уул п.2, Гоожур, Урд-Хяр I п.23, п.24, Нартын п.1, Таван Толгой п.56, Чанан п.4, Нарийны Ам п.1, Чар Аараг п.1, Чадат Толгой п.2	-	-	-
Китай	Марджани, Ван, Корея, Дурбэд, М-14, Ханьчжоу,	-	-	Нетипичный (Тибет)

Таблица А.4 – Локализация памятников с боктаг

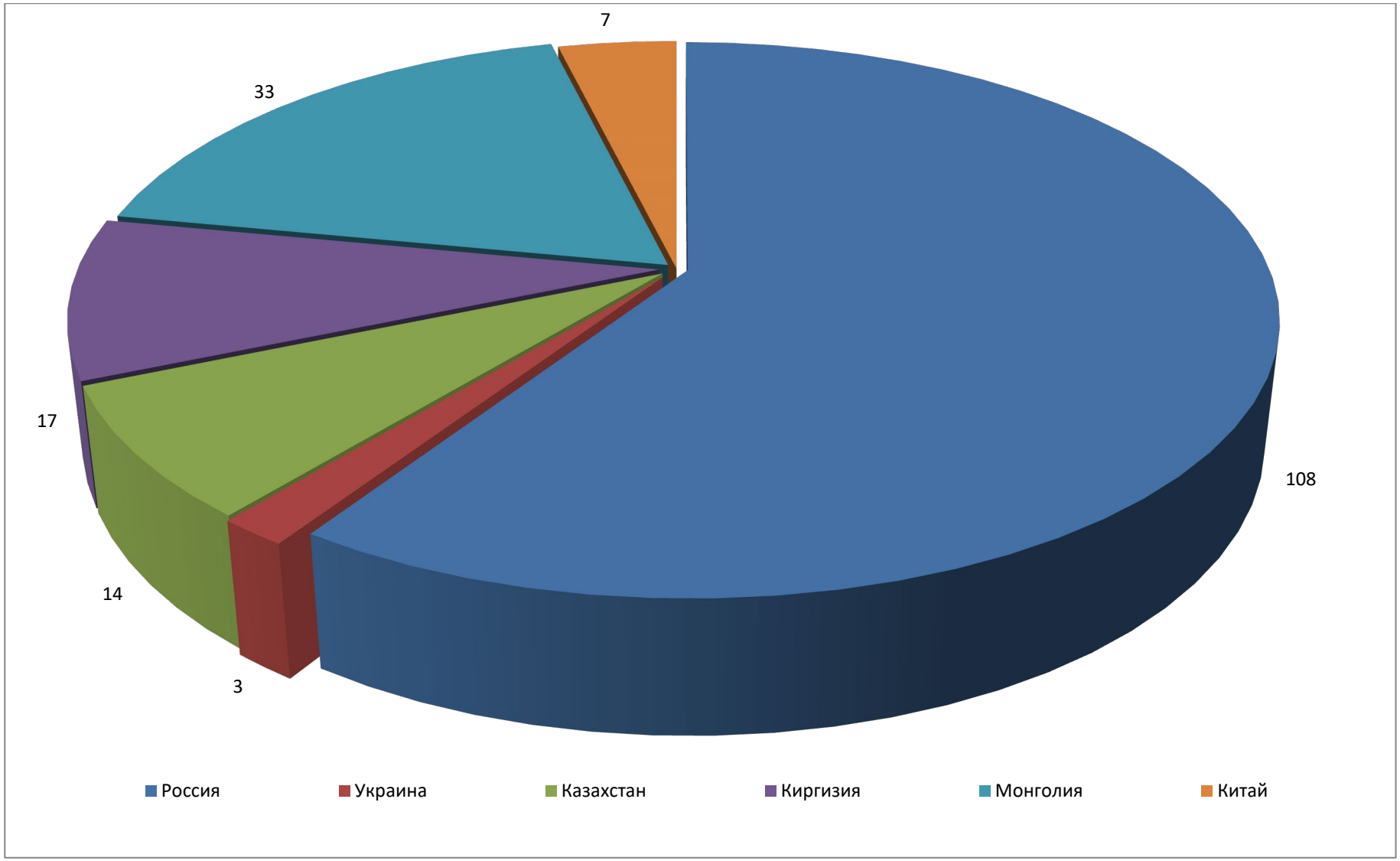


Таблица А.5 – Соотношение каркасов боктаг между типами Г-образной и Y-образной конструкции

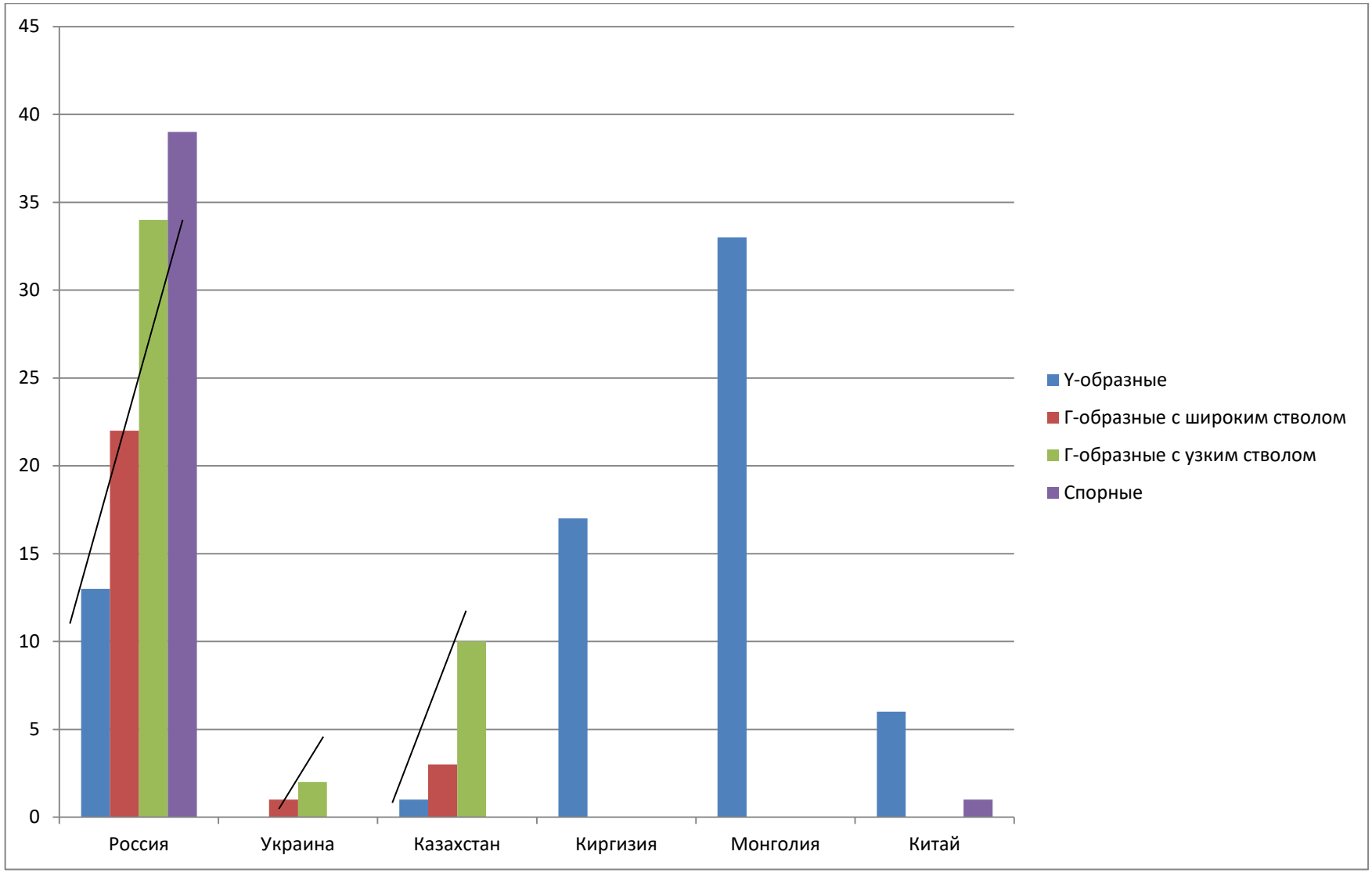


Таблица А.6 – Ориентировка погребенных

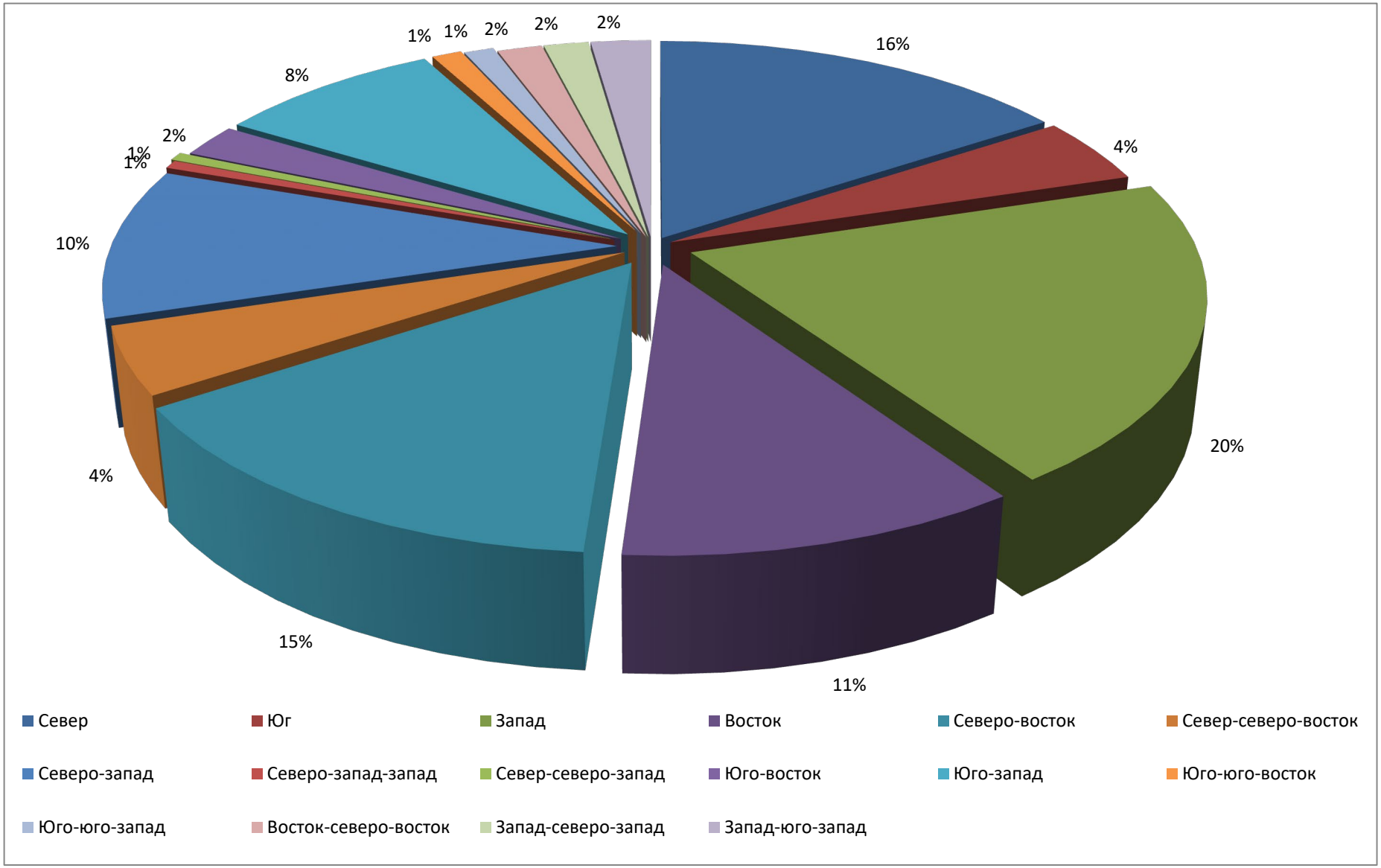


Таблица А.7 – Расположение боктаг в погребении

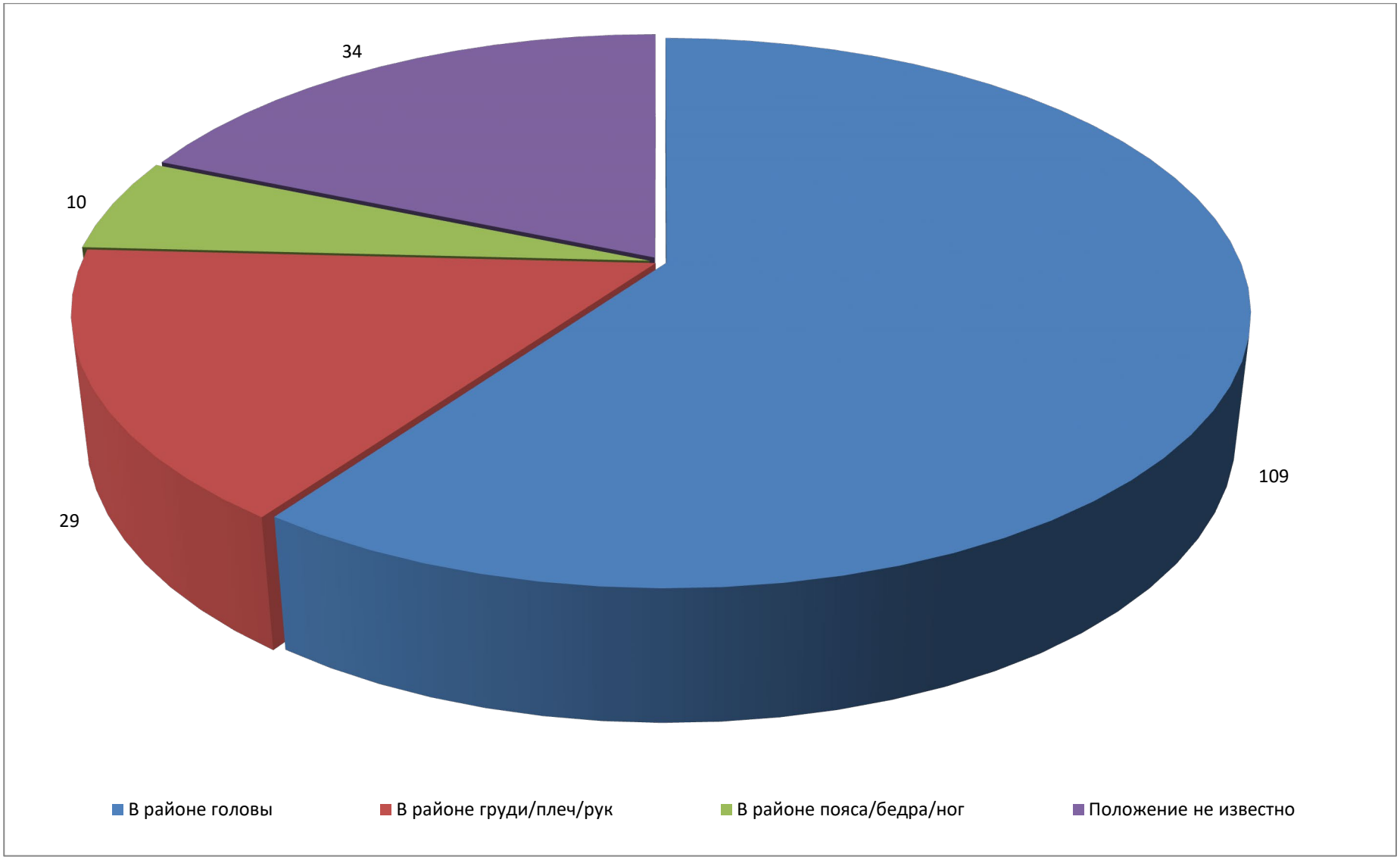


Таблица А.8 – Сводная таблица с основными деталями и элементами

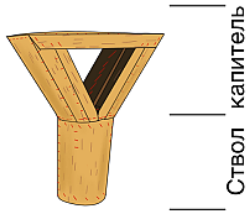
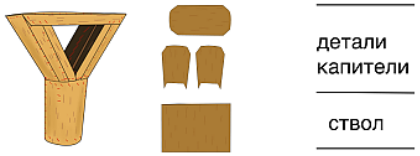
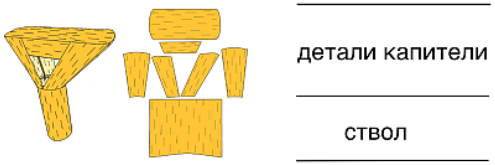
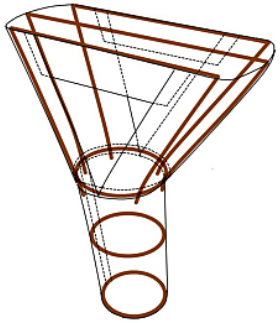
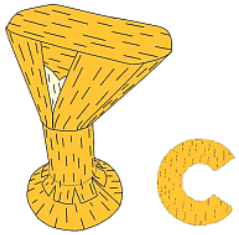
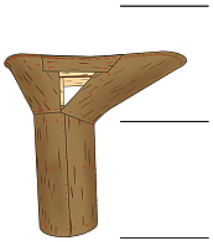
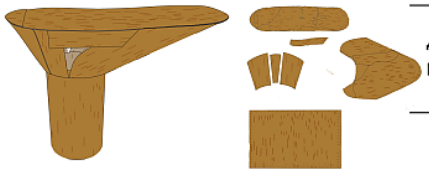
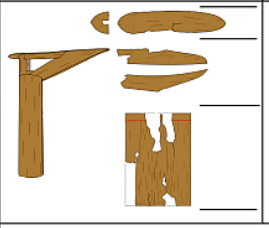
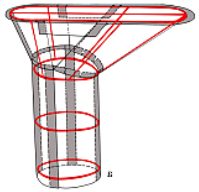
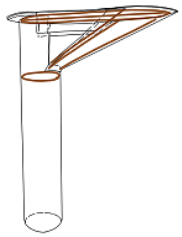
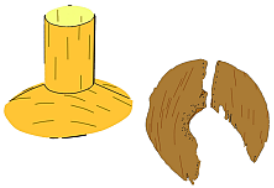
Форма каркаса	Основная конструкция	Варианты кроя основных типов*	Внутреннее усиление**	Дополнительные детали
Y - образная		Симметричная капитель  Ассиметричная капитель 		
Г - образная		С широким стволом  С узким стволом L - 90˚ кпитель/ствол  L - 130˚ кпитель/ствол 	 	
		*показанный вариант-один из возможных в своей категории	**показанный вариант- максимально возможнное усиление в своей категории	

Таблица А.9 –Технологические аспекты и особенности производства

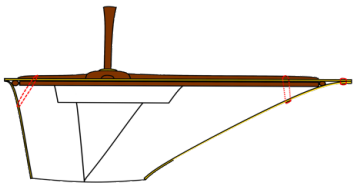
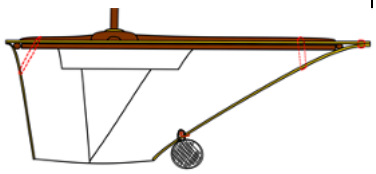
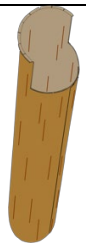
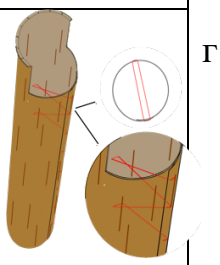
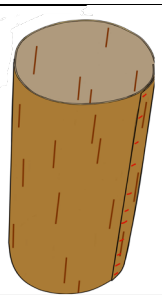
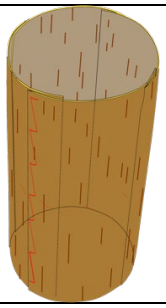
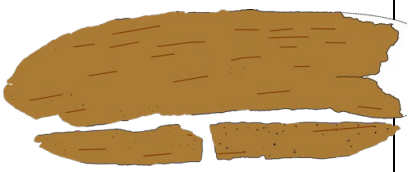
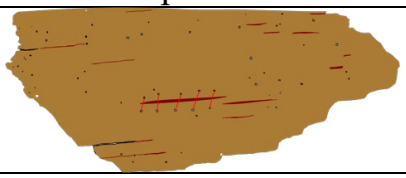
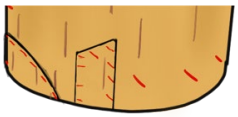
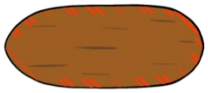
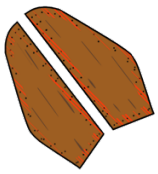
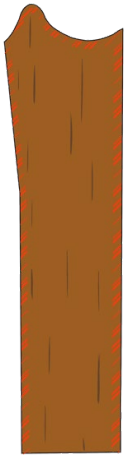
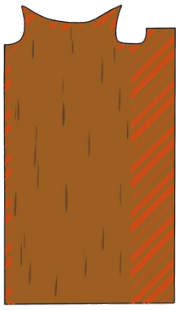
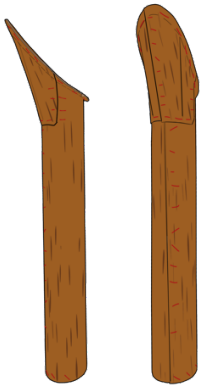
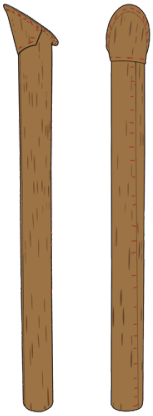
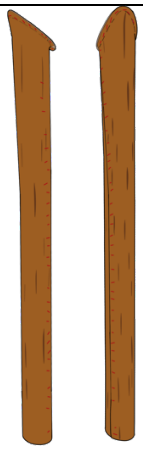
Наименование пришивных декоративных элементов						
а	Навершие				б	Амулетница
						
Методы сшивания ствола						
в	Узкий ствол				г	Широкий ствол
	Цельнокроеный с задней деталью капители	Составной	Простой шов	Сквозной шов		Из одной детали / Из несколько составных частей
						 
Некоторые варианты деталей, сшитых из составных частей						
д	Феска				е	Крышка капители
						
Ремонт						
ж	Простой				з	С подкроем
						

Таблица А.10 – Различные подходы в изготовлении каркасов с узким стволом*

Развёртка	**Детали капители**			
				
	Ствол			
Графическая реконструкция берестяного каркаса				
Графическая реконструкция головного убора				

- Часть деталей каркаса утрачена. При графическом восстановлении учитывались расположение отверстий и форма сохранившихся деталей.

Таблица А.11 – Этапность обтяжки

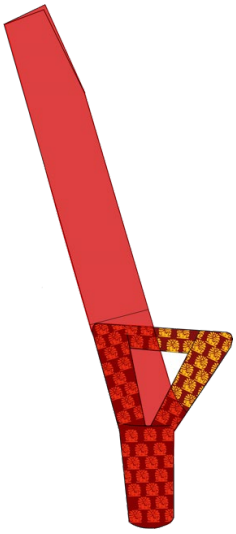
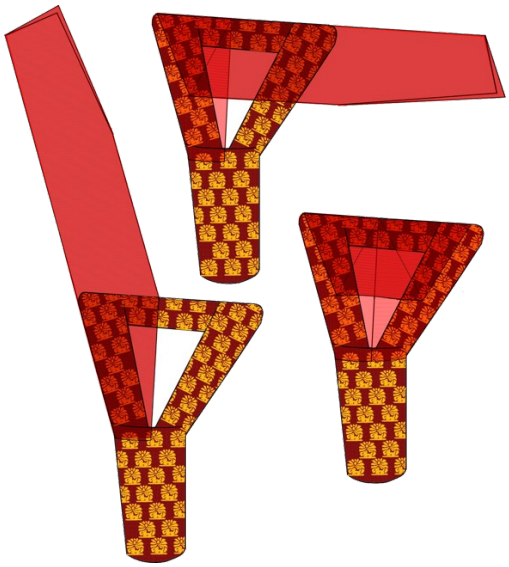
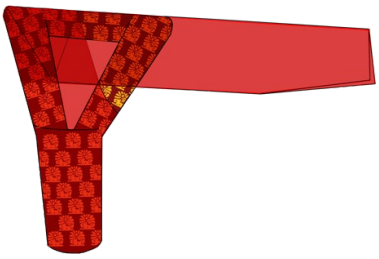
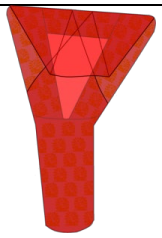
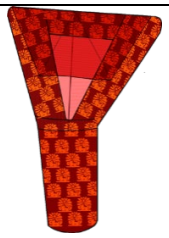
Этапы	**1 отрез полотна**		**2 отреза полотна**	
Раскрой ткани	Ствол и капитель		Капитель	Ствол
Обтяжка	Ствол		Капитель	
	1		1	
	Капитель			
	2			
	Ствол		Ствол	
	3		2	

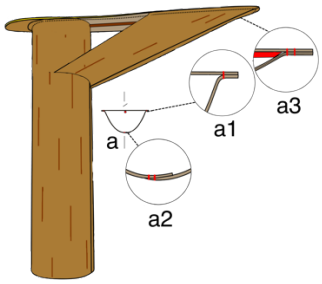
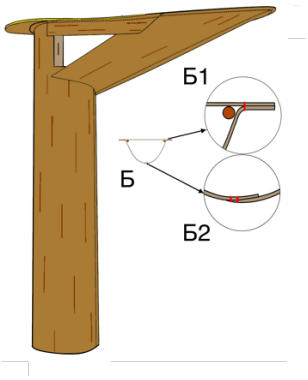
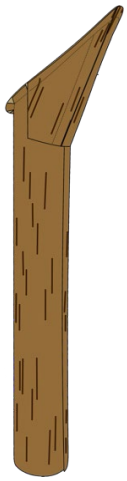
Таблица А.12 – Графическая развертка Y-образных берестяных каркасов

Памятник	**Схема развёртки берестяного каркаса**			**Графическая реконструкция**
Берестяной каркас боктаг памятника Буруал Уул пог. 2	Ствол	Капитель		
		Задняя деталь	Передняя деталь	
		Боковые детали		
		Крышка		
Берестяной каркас боктаг памятника Телеутский Взвоз I пог. 9	Ствол	Капитель		
		Задняя деталь	Передняя деталь	
	Феска	Боковые детали		
		Крышка		

Таблица А.13 – Графическая развертка Г-образных берестяных каркасов с широким диаметром ствола

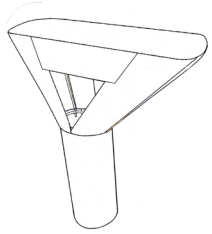
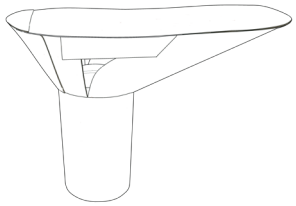
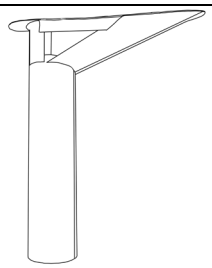
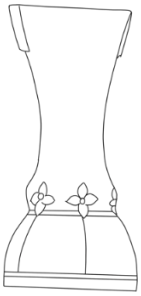
Памятник	**Схема развёртки берестяного каркаса**			**Графическая реконструкция**
Берестяной каркас боктаг памятника Маячный Бугор II пог.70	Ствол	Капитель		
		Задняя деталь	Передняя деталь	
		Крышка		
Берестяной каркас боктаг памятника Маячный Бугор II пог.60	Ствол	Капитель		
		Задняя деталь	Передняя деталь	
		Боковая деталь		
		Крышка		

Таблица А.14 – Графическая развертка Г-образных берестяных каркасов с узким диаметром ствола

Памятник	Схема развёртки берестяного каркаса		Графическая реконструкция
Берестяной каркас боктаг памятника Солодовка I кур. 8 пог.2	Ствол	Капитель Передняя деталь капители Крышка и дополнительный часть	
Берестяной каркас боктаг памятника Усть-Курдюм кур. 7	Ствол	Капитель Передняя деталь капители Крышка	
Берестяной каркас боктаг памятника Башкир – Беркутово кур. 2	Ствол	Капитель Передняя деталь	

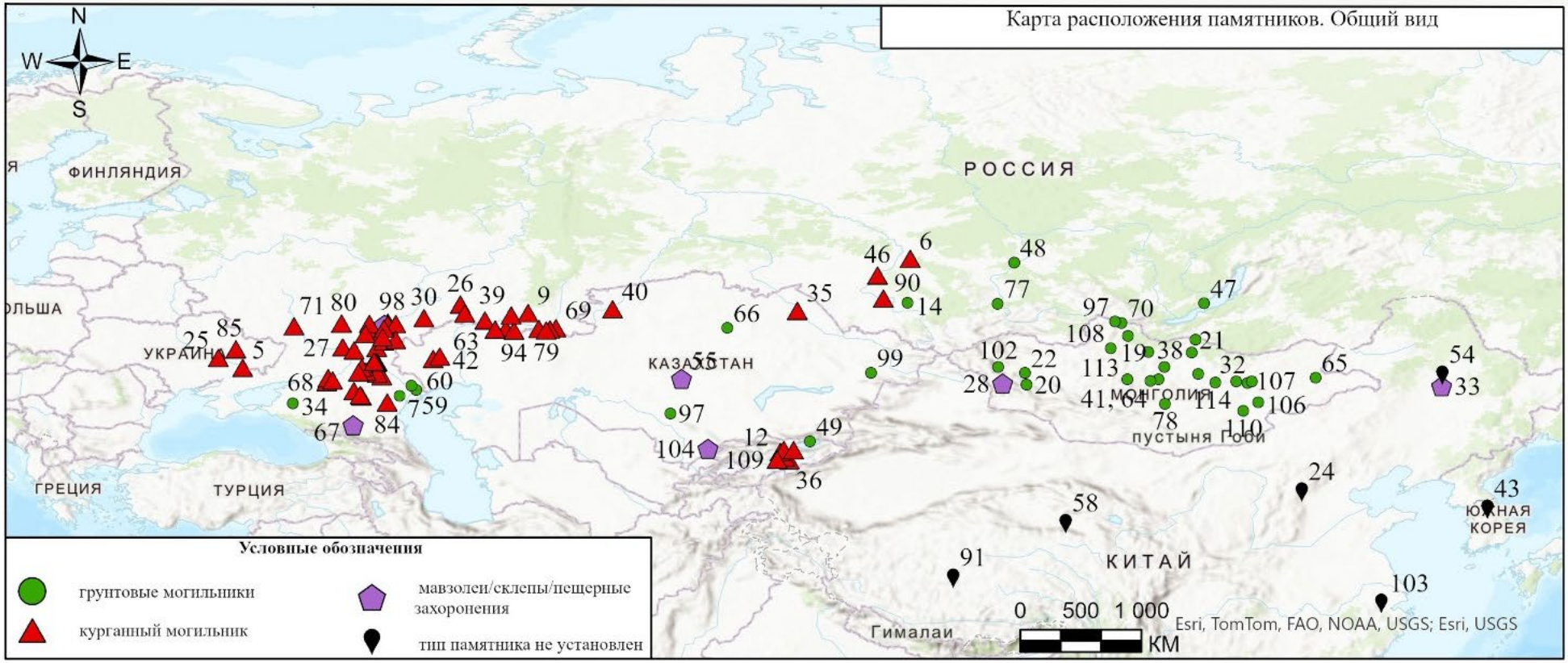
А – прогиб капители: а1 – место бокового соединения крышки с передней частью капители, а2 – место соединения составных частей передней детали капители, а3 – усиление крышки прутиком.
Б – прогиб капители: б1 – место бокового соединения крышки с передней частью капители и усиление его прутиком, б2 – место соединения составных частей передней детали капители.

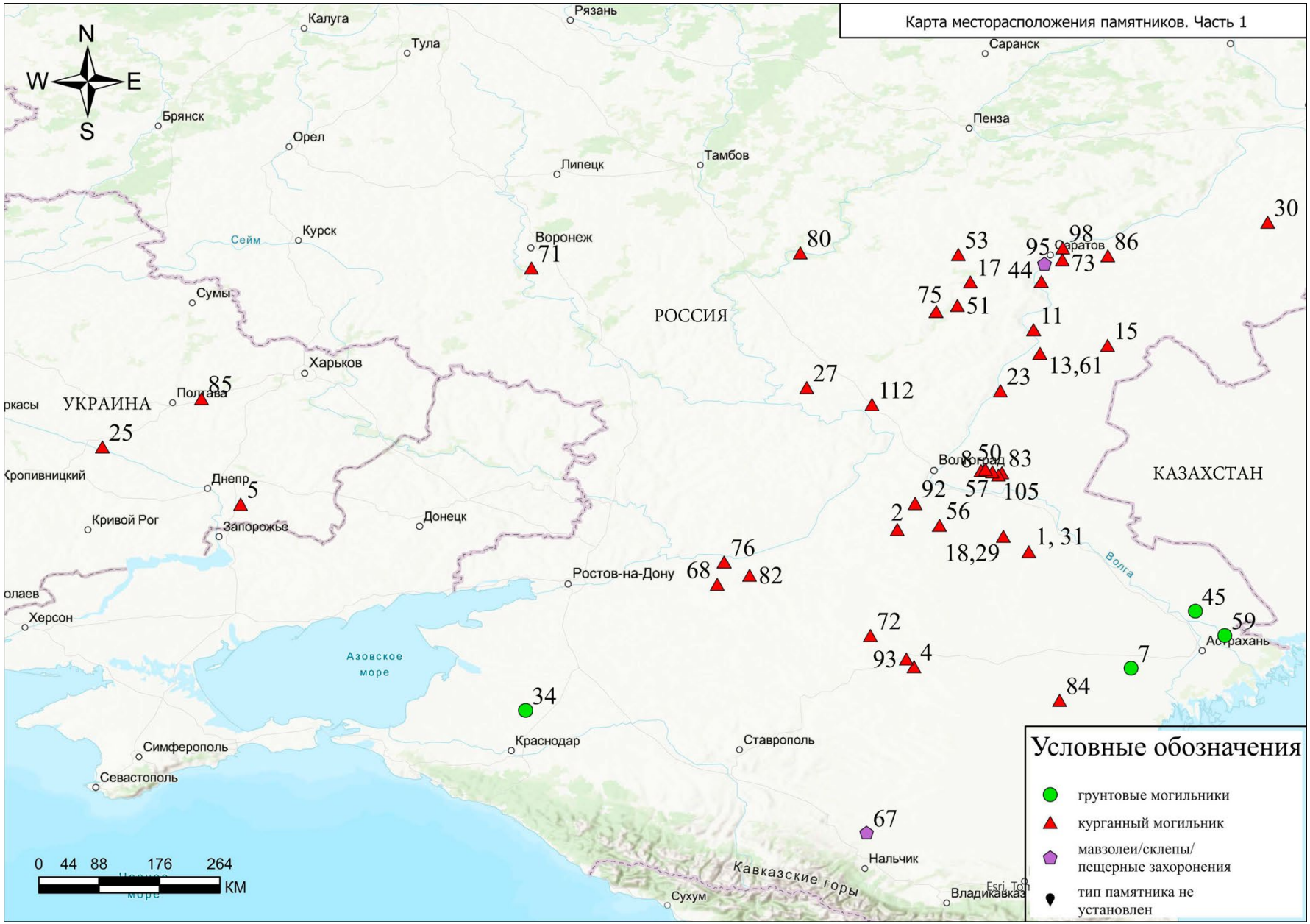
Таблица А.15 – Типология женских каркасных головных уборов боктаг

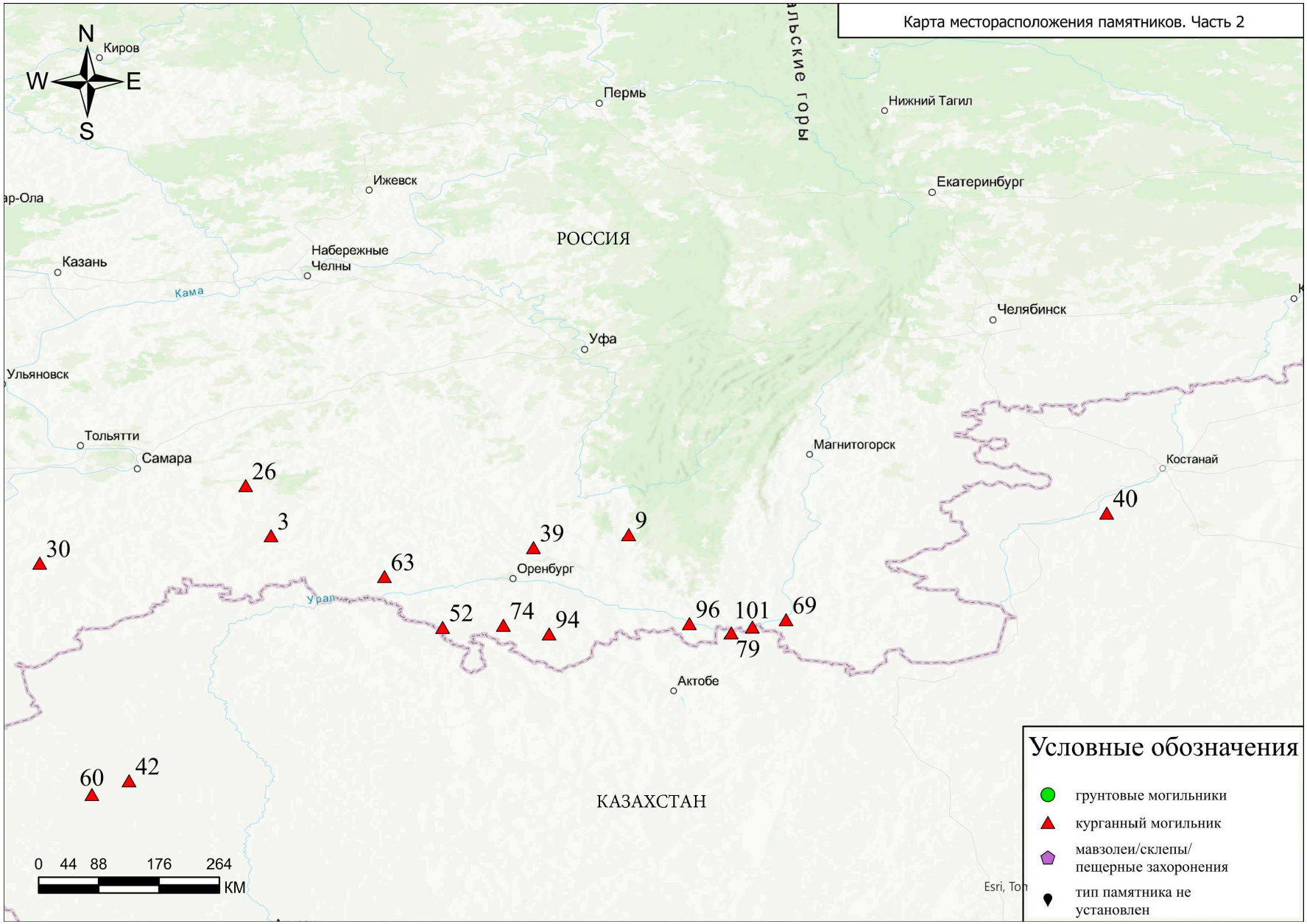
№п/п	Тип	Подтип	Особенности	Схематичный рисунок	Примеры
1	***A***	-	Высота каркаса от 20 см, диаметр ствола от 5 см* Капитель может быть как симметричной, так и ассиметричной		Телеутский Взвоз I п. 9, Ногоон Гозгор I п. 5, Бурхан Толгой п. 3, п. 4, п. 5, Крахолёвка 5 п. 27
2	***B***	-	Высота каркаса от 14 см, диаметр ствола от 5 см* Угол капитель-ствол 90°		Царёв к. 61 п.1, Маячный бугор I п. 70, Маячный бугор II п. 60, Маячный бугор II п. 51, Песчаный-I, Ленёвский к. 5 п. 1
3	***C***	***C* I**	Высота каркаса от 18 см, диаметр ствола до 5 см* Угол капитель-ствол 90°		Увек п. 1, Солодовка I к. 8 п. 2, Усть-Курдюм к. 7 п. 1.
		***C* II**	Высота каркаса от 25 см, диаметр ствола до 5 см* Угол капитель-ствол 120° и более.		Башкир Беркутовский к. 2, к. 3, Новый Кумак I к. 7, Хабарный I к. 7, Линевский I к.15, Линевский II к. 1
4	***D*** **	-	Различные сложные технологические решения, отходящие от основных типов по каким-либо причинам		«Нетипичный»

*При появлении новых данных параметры могут меняться.
**Данный тип выбивается из общей типологии. Мы считаем, что по наличию одного нестандартного предмета типология не строится, но оставляем «поле для маневров» из-за возможного появления других головных уборов с нестандартным решением конструкции.

Приложение Б


Карта расположения памятников. Общий вид
N
W
E
S
ФИНЛЯНДИЯ
РОССИЯ
УКРАИНА
КАЗАХСТАН
МОНГОЛИЯ
пустыня Гоби
ГРЕЦИЯ
ТУРЦИЯ
КИТАЙ
ЮЖНАЯ КОРЕЯ
Гималаи
Условные обозначения
грунтовые могильники
курганный могильник
мавзолеи/склепы/пещерные захоронения
тип памятника не установлен
0 500 1 000
КМ
Esri, TomTom, FAO, NOAA, USGS; Esri, USGS


Карта месторасположения памятников. Часть 1
N
W
E
S
Калуга
Рязань
Тула
Саранск
Брянск
Пенза
Орел
Липецк
Тамбов
Курск
Сейм
Воронеж
Сумы
Харьков
Полтава
УКРАИНА
РОССИЯ
КАЗАХСТАН
Днепр
Кривой Рог
Запорожье
Донецк
Ростов-на-Дону
Волгоград
Саратов
Волга
Астрахань
Херсон
Азовское море
Краснодар
Ставрополь
Симферополь
Севастополь
Нальчик
Кавказские горы
Сухум
Владикавказ
0 44 88 176 264
КМ
Условные обозначения
грунтовые могильники
курганный могильник
мавзолеи/склепы/
пещерные захоронения
тип памятника не
установлен


Карта месторасположения памятников. Часть 2
N
W
E
S
Киров
Пермь
Нижний Тагил
Ижевск
Екатеринбург
РОССИЯ
Набережные Челны
Казань
Кама
Челябинск
Уфа
Ульяновск
Тольятти
Самара
Магнитогорск
Костанай
Оренбург
Урал
Актобе
КАЗАХСТАН
26
3
30
63
39
9
40
52
74
94
96
101
69
79
60
42
0 44 88 176 264
КМ
Условные обозначения
грунтовые могильники
курганный могильник
мавзолеи/склепы/ пещерные захоронения
тип памятника не установлен

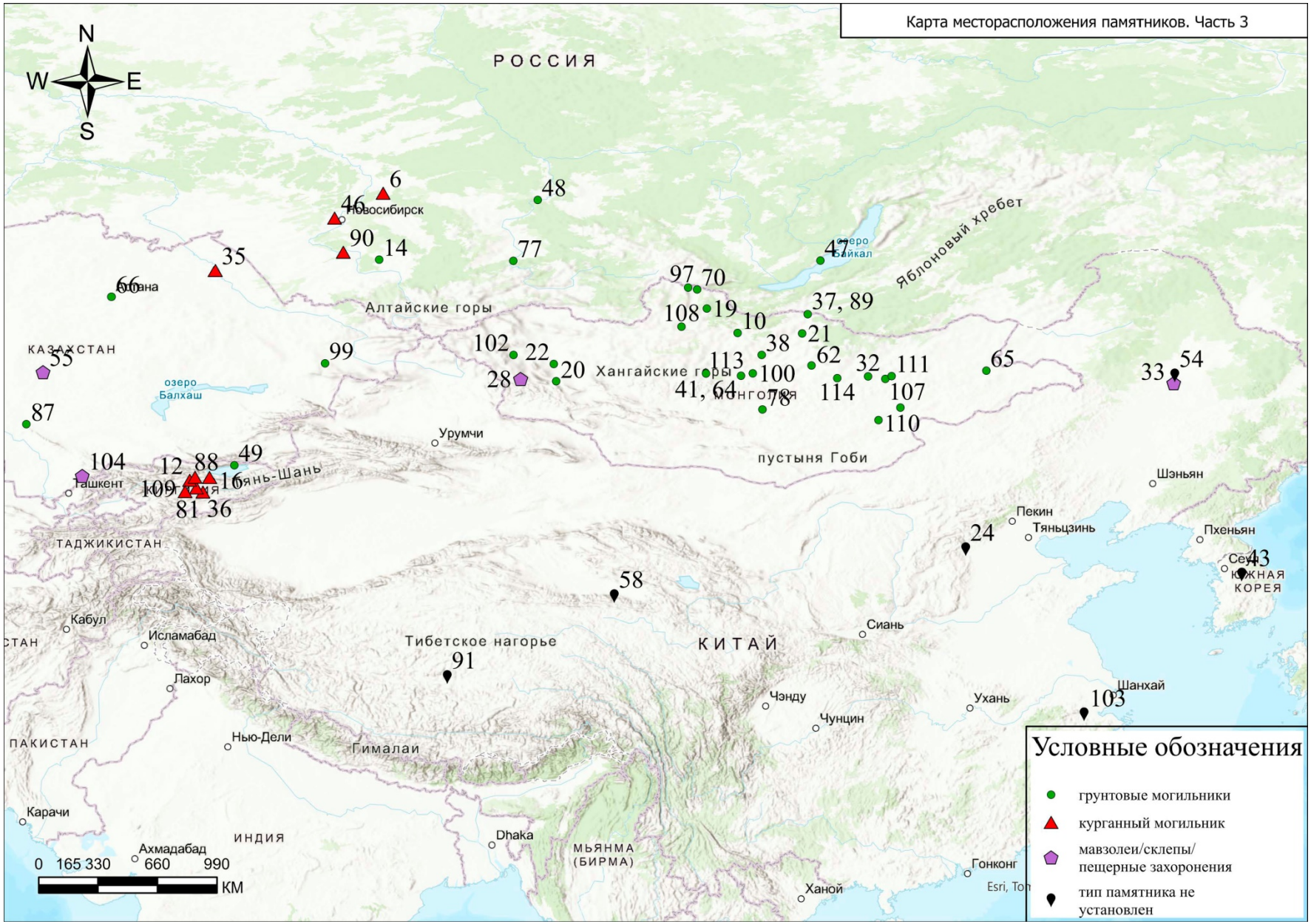

Карта месторасположения памятников. Часть 3
N
W
E
S
РОССИЯ
Новосибирск
Алтайские горы
Хангайские горы
Монголия
Яблоновый хребет
озеро Байкал
КАЗАХСТАН
озеро Балхаш
Урумчи
пустыня Гоби
Ташкент
ТАДЖИКИСТАН
Шэньян
Пекин
Тяньцзинь
Пхеньян
ЮЖНАЯ КОРЕЯ
Кабул
Исламабад
Лахор
Тибетское нагорье
КИТАЙ
Сиань
Чэнду
Чунцин
Ухань
Шанхай
ПАКИСТАН
Нью-Дели
Гималаи
Карачи
ИНДИЯ
Ахмадабад
Dhaka
МЬЯНМА (БИРМА)
Гонконг
Ханой
0 165 330 660 990 КМ
Условные обозначения
грунтовые могильники
курганный могильник
мавзолеи/склепы/ пещерные захоронения
тип памятника не установлен

Рисунок Б.1 – Карта места расположения памятников, с найденными остатками женских головных уборов – боктаг:

1 – Адрг; 2 – Аксеновский; 3 – Андреевка I; 4 – Архара; 5 – Афанасьевка; 6 – Басандайк; 7 – Басы (Малиновский); 8 – Бахтияровка, Бахтияровка II, Бахтияровка III; 9 – Башкир-Беркутово; 10 – Баянгол; 11 – Белокаменка; 12 – Бел-Саз I; 13 – Бережновский II; 14 – Ближние Елбаны VI; 15 – Блюменфельд А; 16 – Боз-Адыр; 17 – Большие Копены 2; 18 – Большой Царын; 19 – Булган Уул; 20 – Булган Чошуу; 21 – Бурхан-Толгой; 22 – Буурал Уул; 23 – Быково III; 24 – Ван; 25 – Волошино II; 26 – Гвардейцы; 27 – Глазуновский; 28 – Гоожур; 29 – Гува III; 30 – Давыдовка III; 31 – Джангар; 32 – Долуд; 33 – Дурбэд; 34 – Дядьковский 45; 35 – Ждановский; 36 – Жетим-Кыркол; 37 – Залаа; 38 – Зараа Толгой; 39 – Имангулово II; 40 – Калыбай II; 41 – Каракорум; 42 – Кара-Оба (Новая Казанка); 43 – Корея; 44 – Козицкое; 45 – Комсомольский; 46 – Крохалёвка 5; 47 – Крутский II; 48 – Кудырге; 49 – Кырчын; 50 – Ленинск I; 51 – Линево; 52 – Линёвский I; 53 – Лысые горы; 54 – М-14; 55 – Мавзолей Болган Ана; 56 – Малые Дербеты I; 57 – Маляевка VI; 58 – Марджани; 59 – Маячный Бугор I; Маячный бугор II; 60 – Мокринский I; 61 – Молчановка III; 62 – Морин Толгой; 63 – Мустаево V; 64 – Нарийны Ам; 65 – Нартын; 66 – некрополь Бозок; 67 – Новопавловск; 68 – Новый; 69 – Новый Кумак III; 70 – Ногоон Гозгор I (Цыгыр I); 71 – Олень-Колодезь; 72 – Песчаный-I; 73 – Покровск (г. Энгельс); 74 – Пчельник; 75 – Рудня; 76 – Рябичев; 77 – Сагыр-Хая; 78 – Сайхан Овоо; 79 – Салтак I; 80 – Лесное (Свинуха); 81 – Секи I; 82 – Семёнкин; 83 – Солодовка; 84 – Станция 8 (Белая гора); 85 – Сторожевский; 86 – Суслы (Герцог); 87 – Сыгнак; 88 – Сюттуу-Булак I; 89 – Таван Толгой; 90 – Телеутский Взвоз I; 91 – Нетипичный (Тибет); 92 – Тингутинский I; 93 – Три Брата I, Три Брата II; 94 – Увак, 95 – Увек; 96 – Уральский; 97 – Урд-Хяр II; 98 – Усть-Курдюм; 99 – Ушарал-Илибалык; 100 – Хаан Уул; 101 – Хабарный I; 102 – Халзан Чошуу; 103 – Ханьчжоу; 104 – Худайберген; 105 – Царев; 106 – Чадат Толгой; 107 – Чанан; 108 – Чандаган; 109 – Чап; 110 – Чар Аараг; 111 – Шар Гозгорын Чар Узюур; 112 – Шляховской III; 113 – Эльст Чётёль; 114 – Ясангий хар

Рисунок Б.2 – Изобразительные источники:

а – стенопись склепа. 1269 г. (Горелик, 2010. С. 54); б – прорисовка с миниатюры «The King and his Wife». 1300 г. (Yuka Kadoi, 2009. С. 286); в – «Праздничный пир ильхана». Фрагмент миниатюры, нач. XIV в. (MS. Diez A. Fol. 70, S. 22 № 1); г – парадные портреты императриц. 1273–1368 гг. Национальный дворцовый музей Тайбэя (инв. № 仲华 000325). Первый ряд: Сугабала жена Гэгэн хана; неназваная супруга императора; Джияту жена Кайшана. Второй ряд: Намбуи вторая жена Хубилая, Чженге жена Кайшана, Таджи.; д – мандала Ямантаки. Ок. 1330–32 гг. Музей Метрополитен (Watt, 2010. P. 112–113)

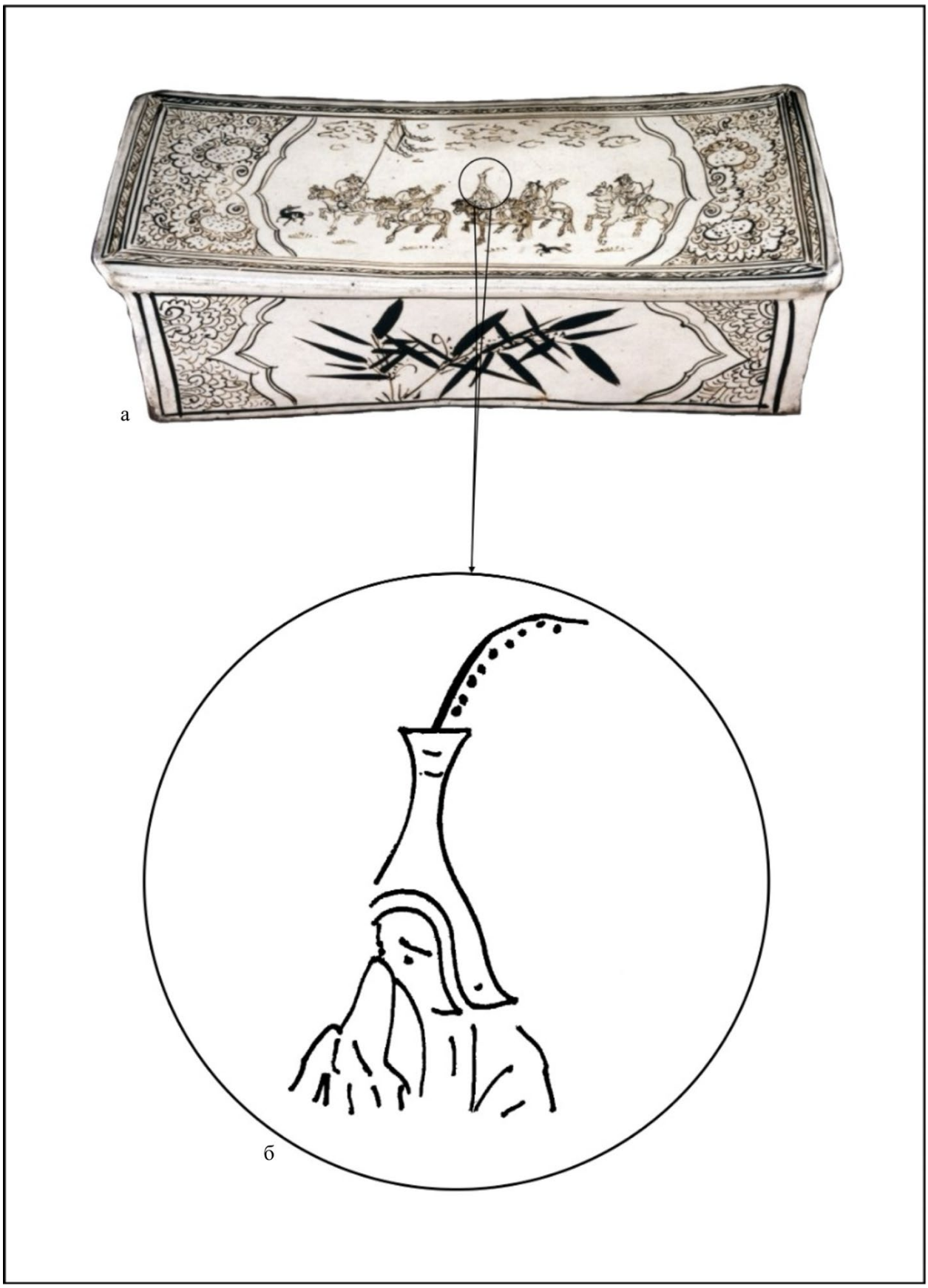
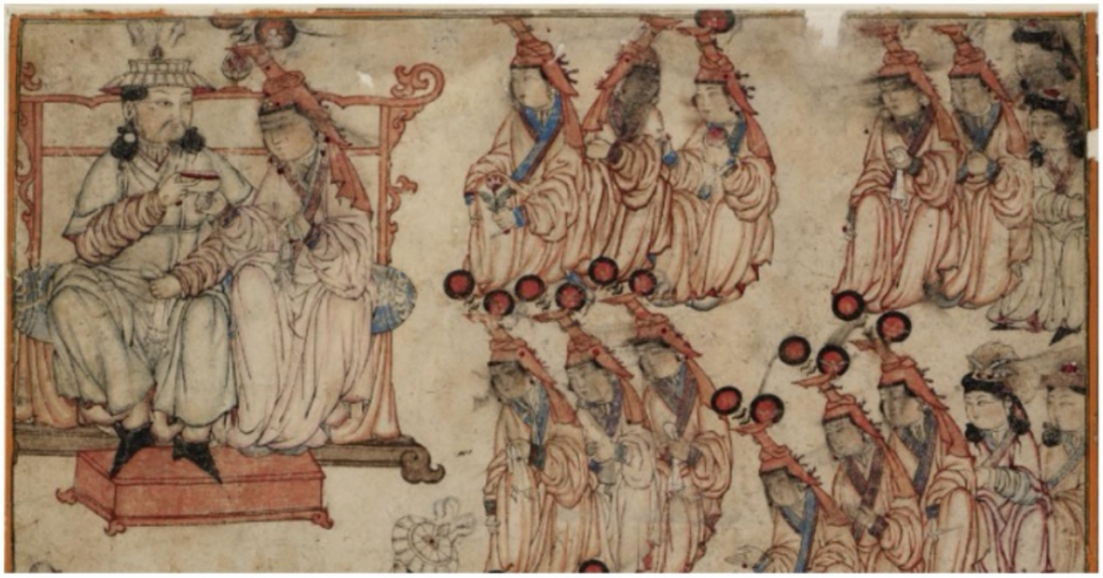


Рисунок Б.3 – Фарфоровая подушка Цычжоу «Чжаоцзюнь покидает пределы родины». XII–XIII вв.: а – подушка; б – прорисовка головного убора (Ду Вэнь, 2017. С. 47)



а

б

Рисунок Б.4 – Миниатюрная живопись:

а – «Празднование середины лунного года». Иран, начало XIV в. (MS. Diez A. Fol. 70, S. 22 № 2); б – «Тронная сцена». Иллюстрация к сборнику Рашид-ад-Дина «Джамиат-таварих». Тебриз, ок. 1330 г. (Юрченко, 2012. С. 381, 384)

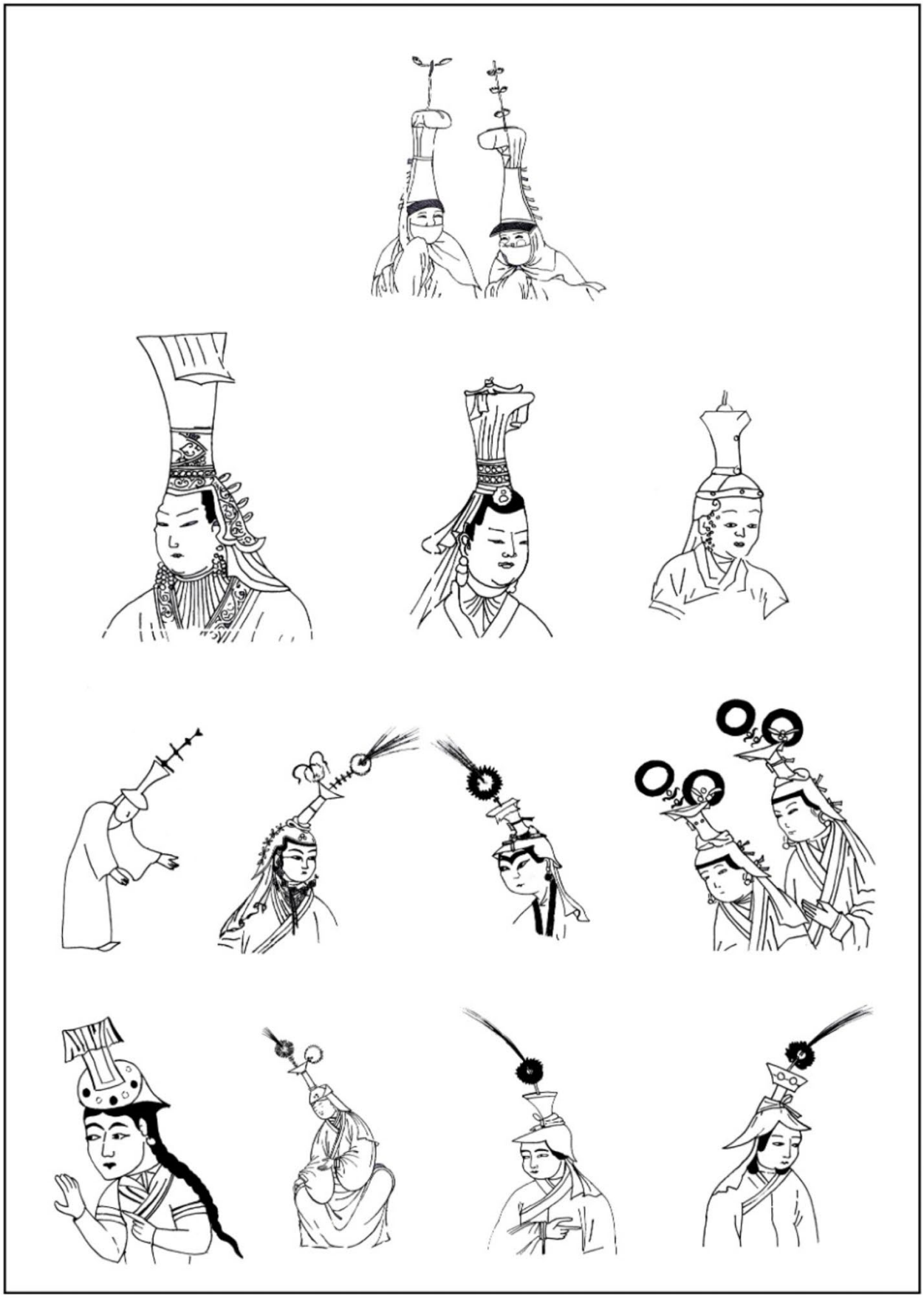


Рисунок Б.5 – Прорисовки форм боктаг с различных картин и миниатюр

Рисунок Б.6 – Балбал, изображающий женщину в боктаг. XIII в. Музей«Хархорум», сомон Хархорин, аймак Уверхангай, Монголия

Рисунок Б.7 – Мавзолей городища Увек пог. 1:

а – художественная реконструкция костюмного комплекса А.А. Кротковым;

б – боктаг и верхняя шапочка. Фото до реставрации. Фонд СОМК

(Инв. № СМК 57946, 58386).

Рисунок Б.8 – Боктаг с территории Южного Урала:

а – прорисовка боктаг. Новый Кумак III кур. 7 (Бытковский, 2014. С. 214–228);

б – фрагменты ствола. Башкир-Беркутово кур. 3 (музей ИЭИ УНЦ РАН КП-471);

в – берестяной каркас Башкир-Беркутово кур. 2 (музей ИЭИ УНЦ РАН КП 444/303)

Рисунок Б.9 – Боктаг с широким диаметром ствола и Г-образной капителью:
а – берестяной каркас, Царёв кур. 61 (Мыськов, 2015. С. 300, 310–313);
б – берестяной каркас, Линёвский I кур. 5 (Матюшко, 2016. Рис. 80, 16)

Рисунок Б.10 – Боктаг с территории Нижнего Поволжья и Подонья:
а – фрагменты каркаса, Солодовка II кур. 7 (Мамонова, 2012. С. 122–126);
б – фрагменты ствола, Новый кур. 5 (Илюков, 2019. С. 212–214)

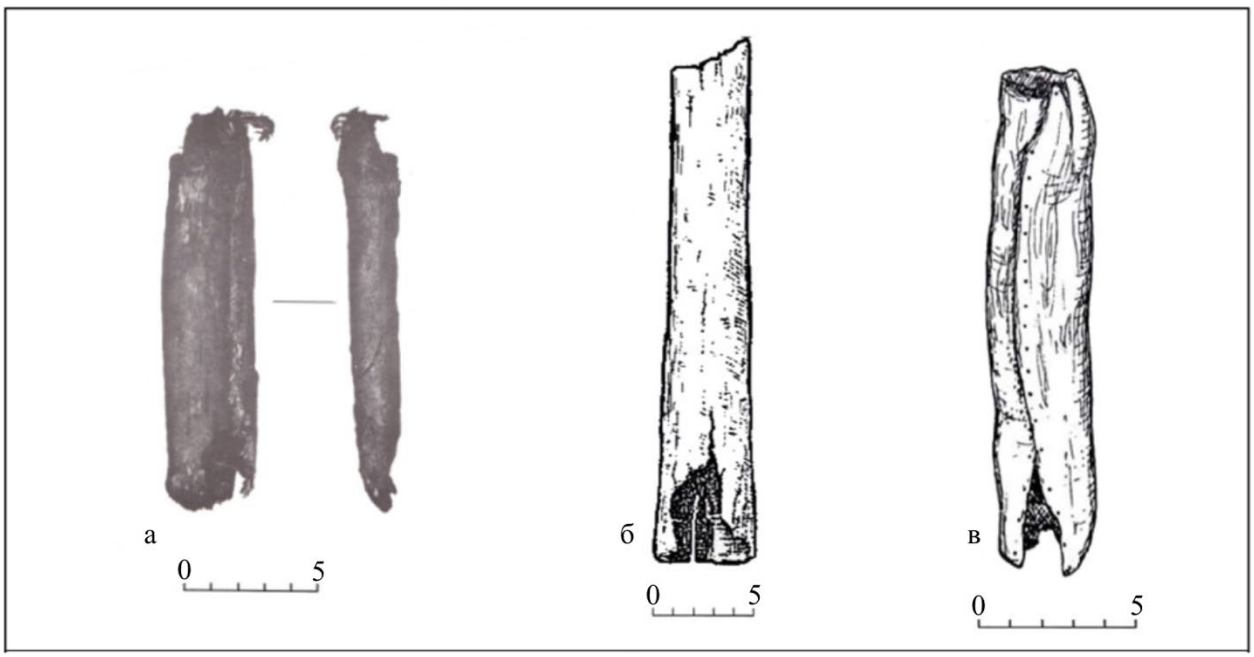


Рисунок Б.11 – Боктаг с территории Казахстана:
а – ствол, Мокринский кур. 19 п. 1; б – ствол Кара Оба кур. 4 (Сенигова, 1956. С. 152);
в – ствол, Кара Оба кур. 1 (Синицын, 1956. С. 124)

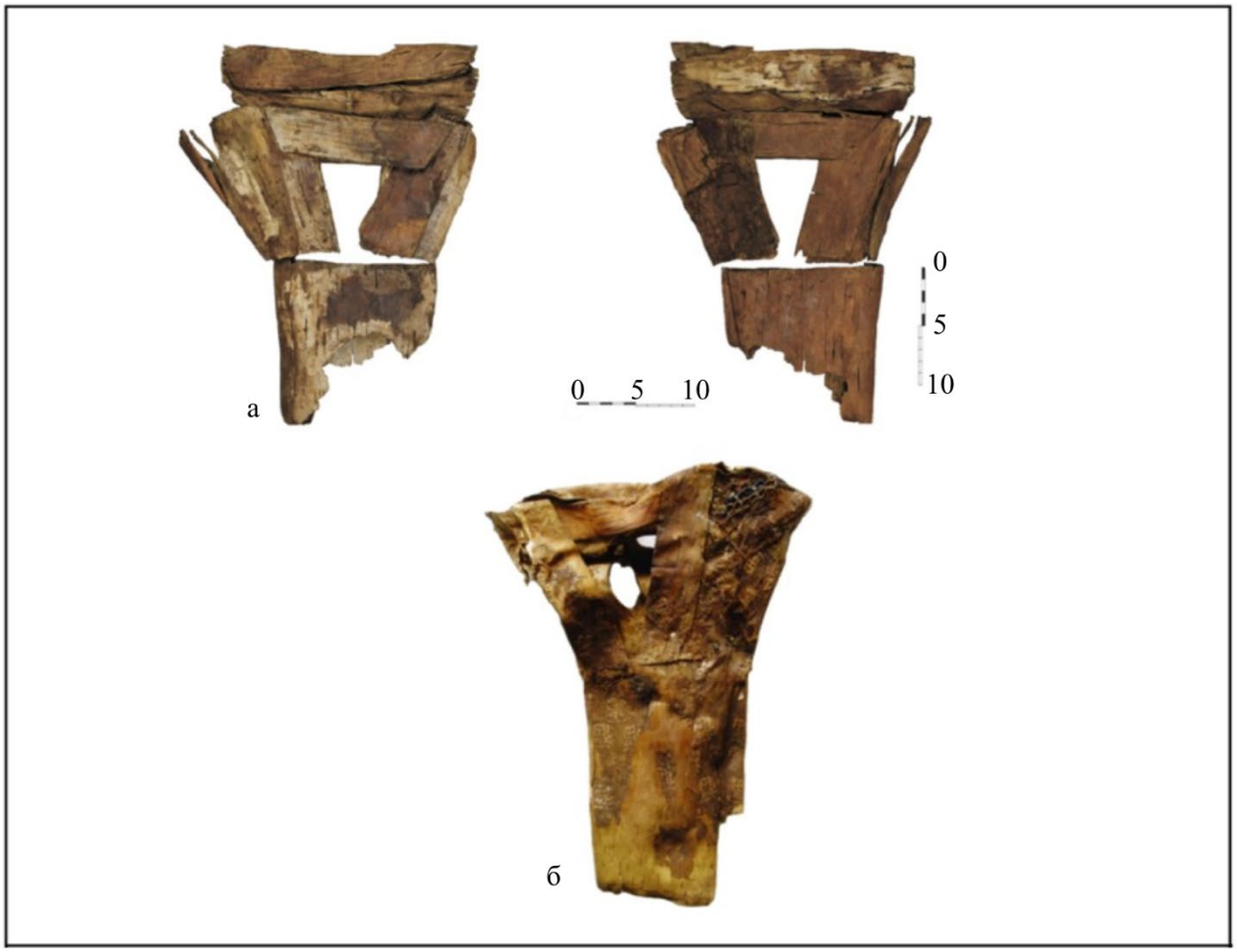


Рисунок Б.12 – Боктаг с территории Монголии:
а – фрагменты каркаса Ногоон Гозгор I пог. 5 (Харинский, 2018. С. 102);
б – каркас с фрагментами обтяжки Бурхан Толгой пог. 4 (Erdenebat, 2009. С. 112)

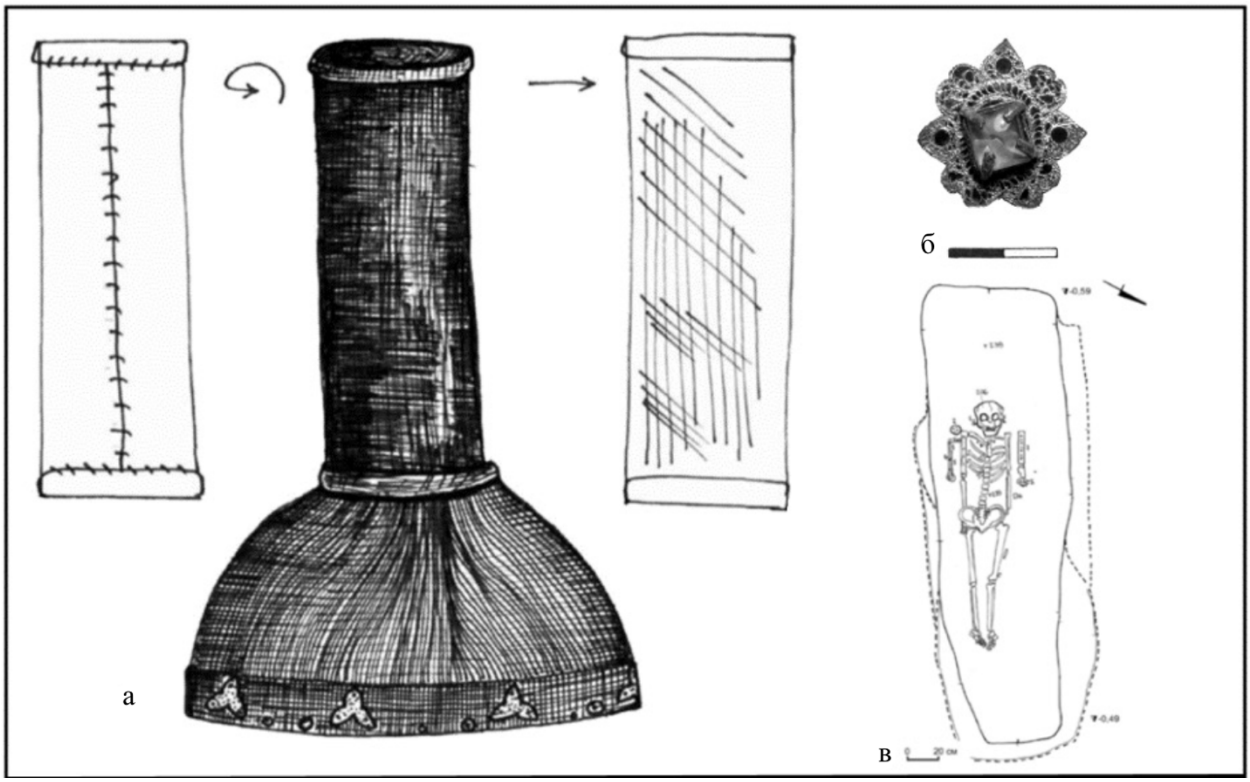


Рисунок Б.13 – Украина. Могильник Сторожевский кур. 16 пог. 1:
а – гипотетическая реконструкция боктаг; б – украшение с головного убора;
в – расположение каркаса в погребении (у левого предплечья) (Коваленко, 2011. С. 334–336, 342–344)

Рисунок Б.14 – Сохранность каркаса в погребении:
а – Кырчын, фото в экспозиции музея, Киргизия; б – Сагыр Хая, Республика Тыва (Длужневская, 2007. С. 163–165)

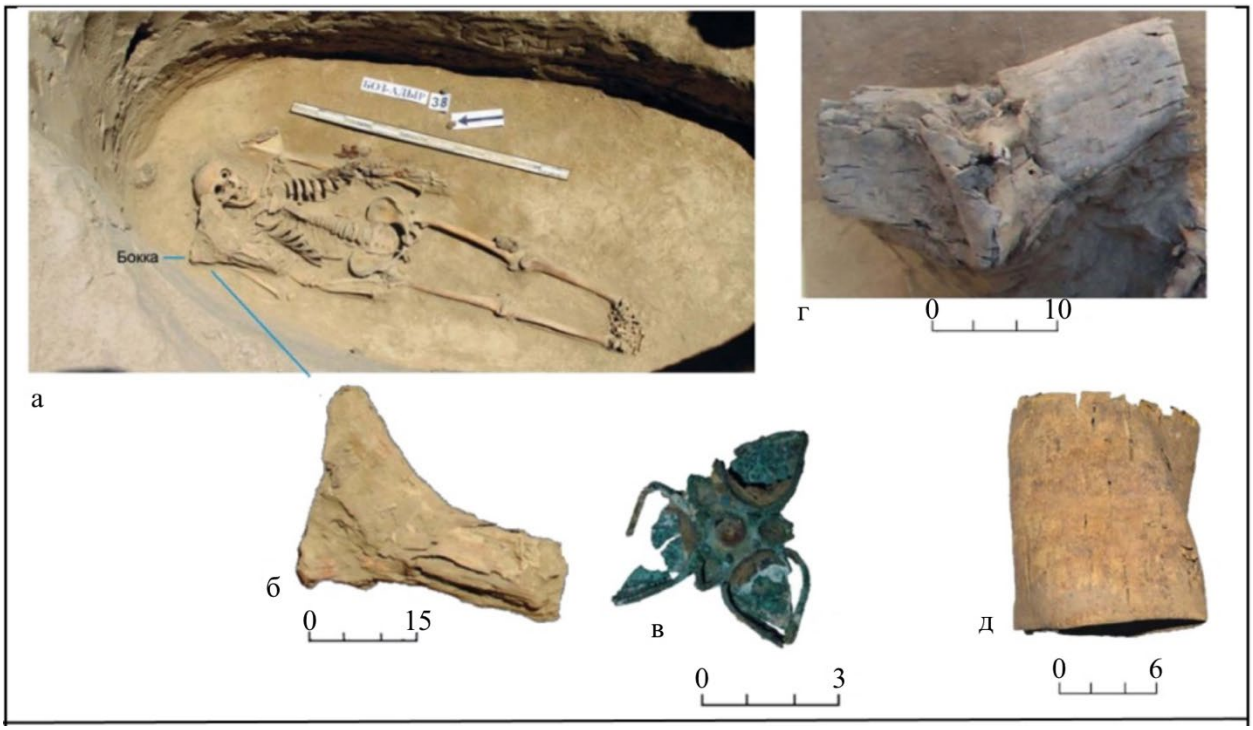


Рисунок Б.15 – Киргизия. Могильник Боз-Адыр:

а – расположение боктаг в погребении кур. 38; б – сохранность каркаса в кур. 38;

в – нашивное украшение с боктаг в кургане 38; г – сохранность каркаса в кур. 11;

д – ширина ствола боктаг из кур. 11 (Орозбекова, 2016. С. 178–180; Таболдиев, 2014. С. 189).

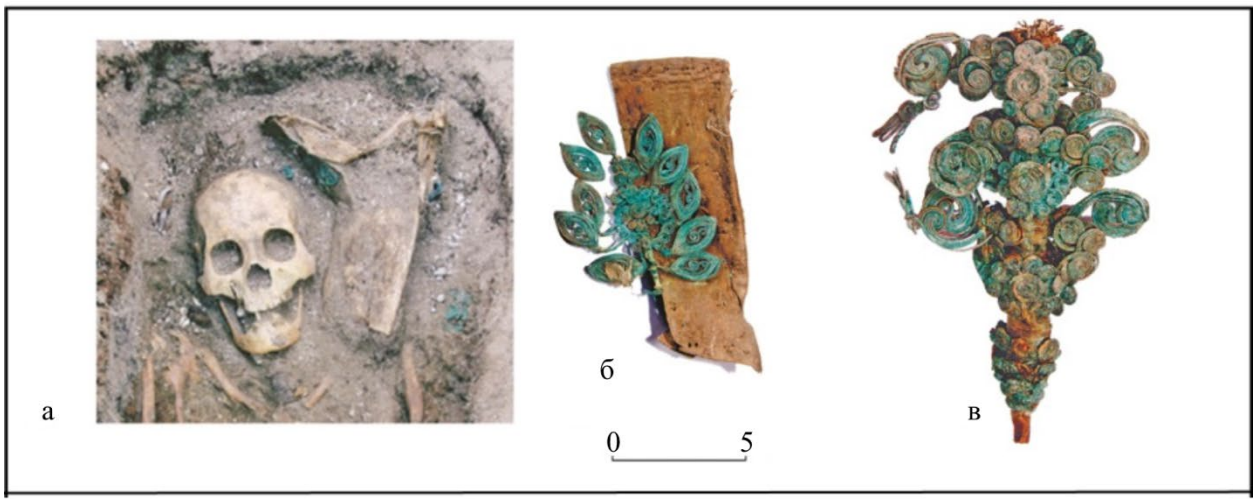


Рисунок Б.16 – Монголия. Могильник Баянгол пог. 4:

а – расположение боктаг в погребении; б – бронзовая нашивка с передней части капители;

в – фрагмент бронзового навершия (Монголым …, 2016. С. 245–257).

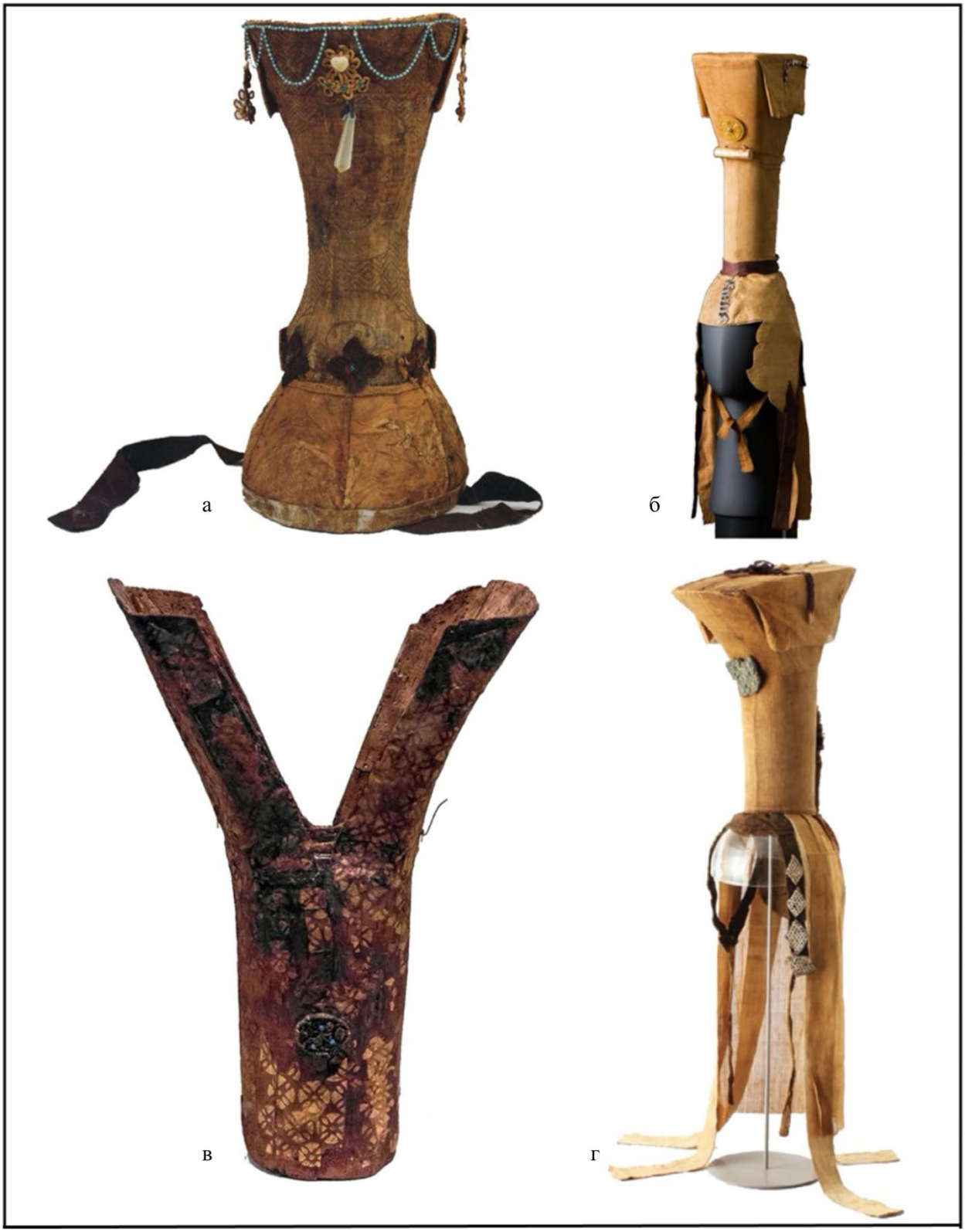


Рисунок Б.17 – Головные уборы с территории Китая:

а – нетипичный, коллекция Музея Внутренней Монголии (Цзя Си Цзэн, 2011. С. 86–87);

б – Фонд Марджани (Горелик, 2014. С. 82);

в – каркас боктаг из пог. 22 гробницы семьи Вань (Сун Цзябинь, 2017. С. 3);

г – боктаг с выставки (представленный проф. Кюсун Чхои (Сеул, Корея))

(Цзя Си Цзэн, 2011. С. 84)

Рисунок Б.18 – Этнографические головные уборы:
а – саукеле 1899 г. (МАЭ РАН № 439-21); б – курхас (вид сбоку и спереди) из надземного склепа у с. Фалхан (Крупнов, 1971. С. 52); в – халванг XIX в. (Батырева, 2019. С. 69); г – элечек, головной убор киргизской женщины XVIII в. (Георги, 1799. С. 132–133); д – «монетная шапка» казанской татарки (Георги, 1799. С. 12–13)

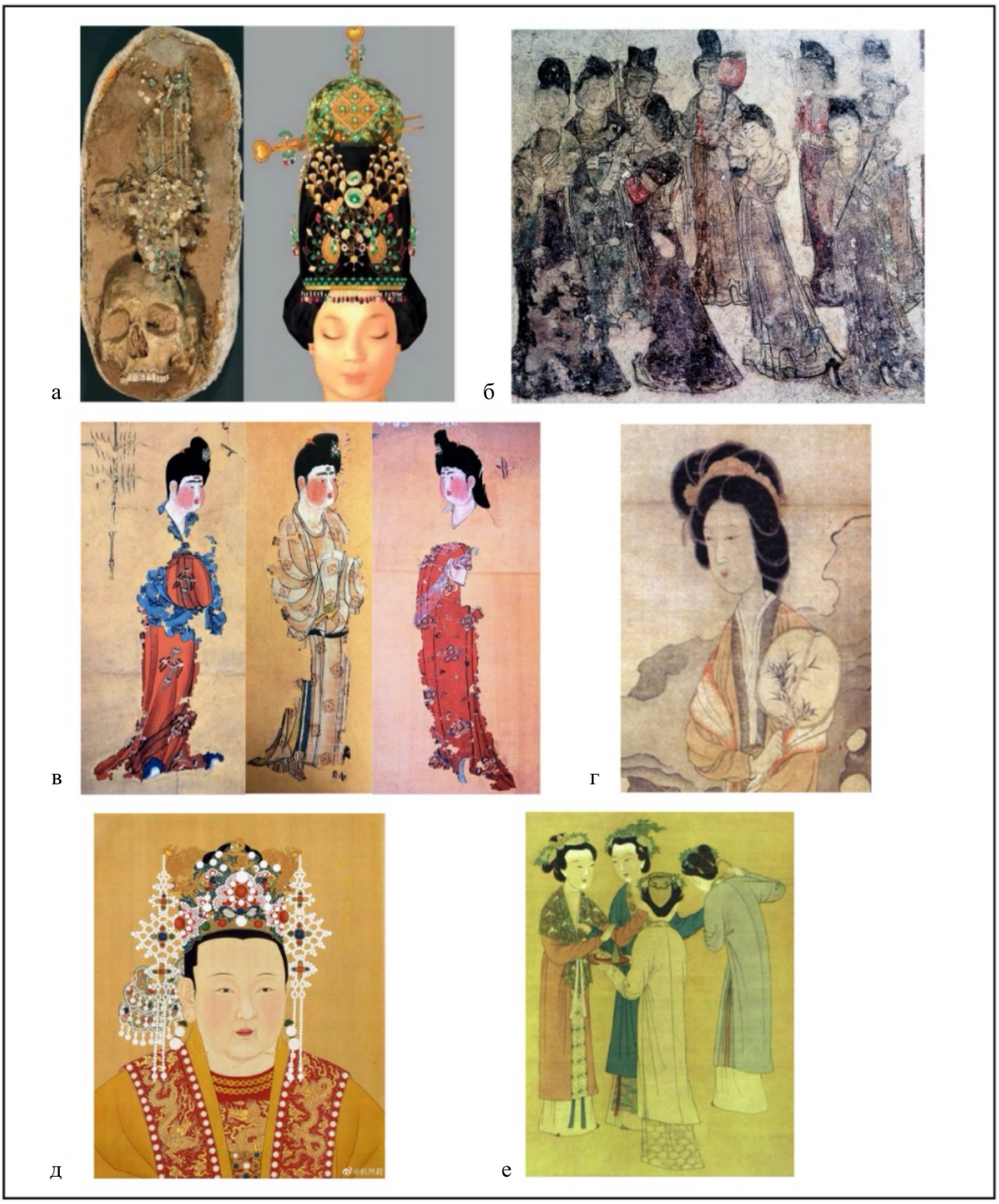


Рисунок Б.19 – Китайский костюм. Династия Тан:
а – корона принцессы Ли Чуй. 736 г. (耿国华.从唐代公主相貌谈起);
б – группа дворцовых женщин. Фреска гробницы принцессы Юнтай. 706 г. (Chen Bu Yun, 2013. С. 106); в – дамы, играющие в го. Гробница Астаны № 187, сер. VIII в. (Chen Bu Yun, 2013. С. 114). Династия Мин: г – «Оценивая сливы». Чэнь Хуншоу XVII в. (URL: http://www.zhuokearts.com/html/20181212/241463.html);
д – жена императора Мин Чэнцзу Чжу Ди императрица Сюй Мяоюнь 1362–1407 гг. (URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1714465271091250370&wfr=spider&for=pc);
е – «Наложницы последнего императора» Tang Yin XIV-XV вв. (URL: https://aoimevelho.blogspot.com/2021/01/blog-post_27.html?showComment=1632141248203)

Рисунок Б.20 – Украшение жемчугом: а, б – верхняя шапочка и боктаг, фонд Марджани (Горелик, 2014. С. 75–262); в – проволочные украшения от навершия, Солодовка I кур. 8 пог. 2 (Глухов, 2003. С. 32–35)

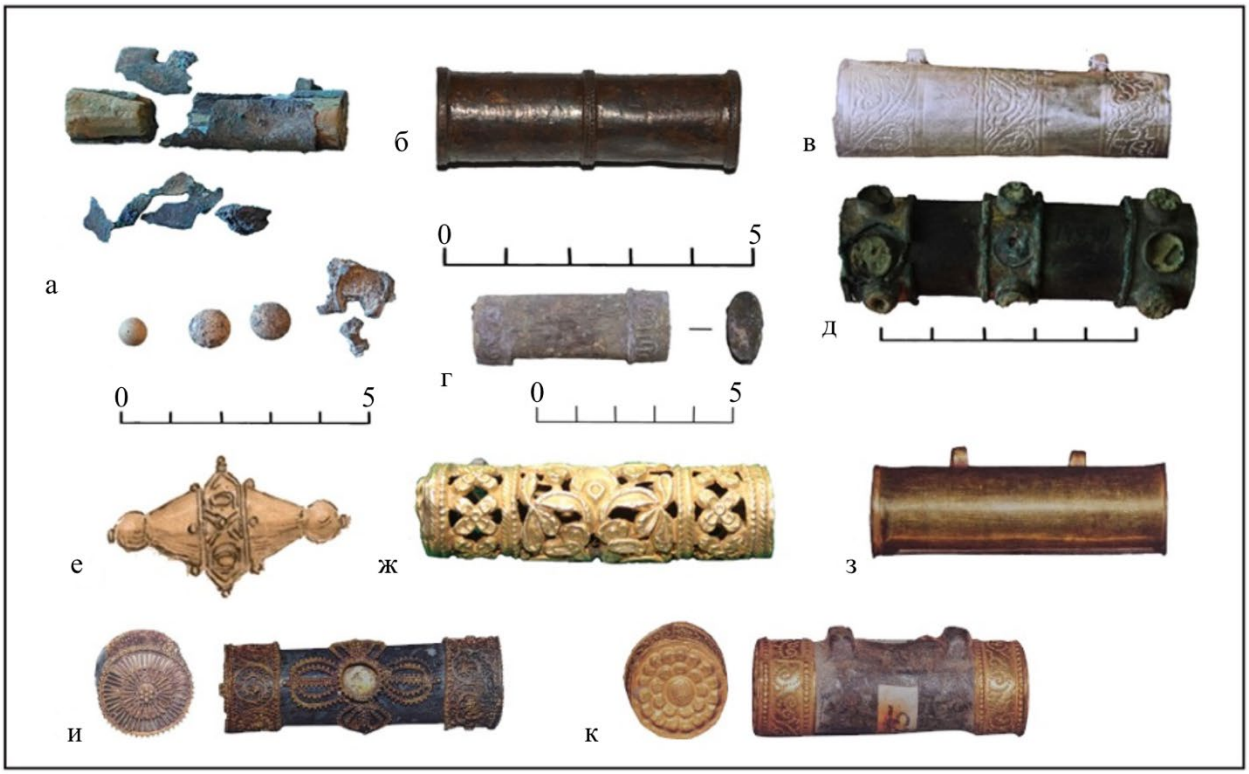


Рисунок Б.21 – Амулетницы: а – Башкир-Беркутово кур. 2 (ИЭИ УНЦ РАН КП-444/9); б – Новый кур. 5 пог.1. (ГБУК РО «РОМК» 21737-КП); в – фонд Марджани (Горелик, 2010. С. 16–79); г – Дядьковский 45 пог. 1 (Макласова, 2020. С. 162–163); д – Быково III пог. 6 (Мажитов, 1976. С. 23–24); е – рисунок А. А. Кроткова (Кубанкин, 2006. С. 190–213); ж – Красный Яр (ОГБУК АО КП 45770 А 19351); з – гробница Вань Шисянь пог. 1 (Исследования …, 2017. С.178); и – гробница Вань Шисянь пог. 4 (Там же, С. 270); к – гробница Вань Шисянь пог. 22 (Там же. С. 280)

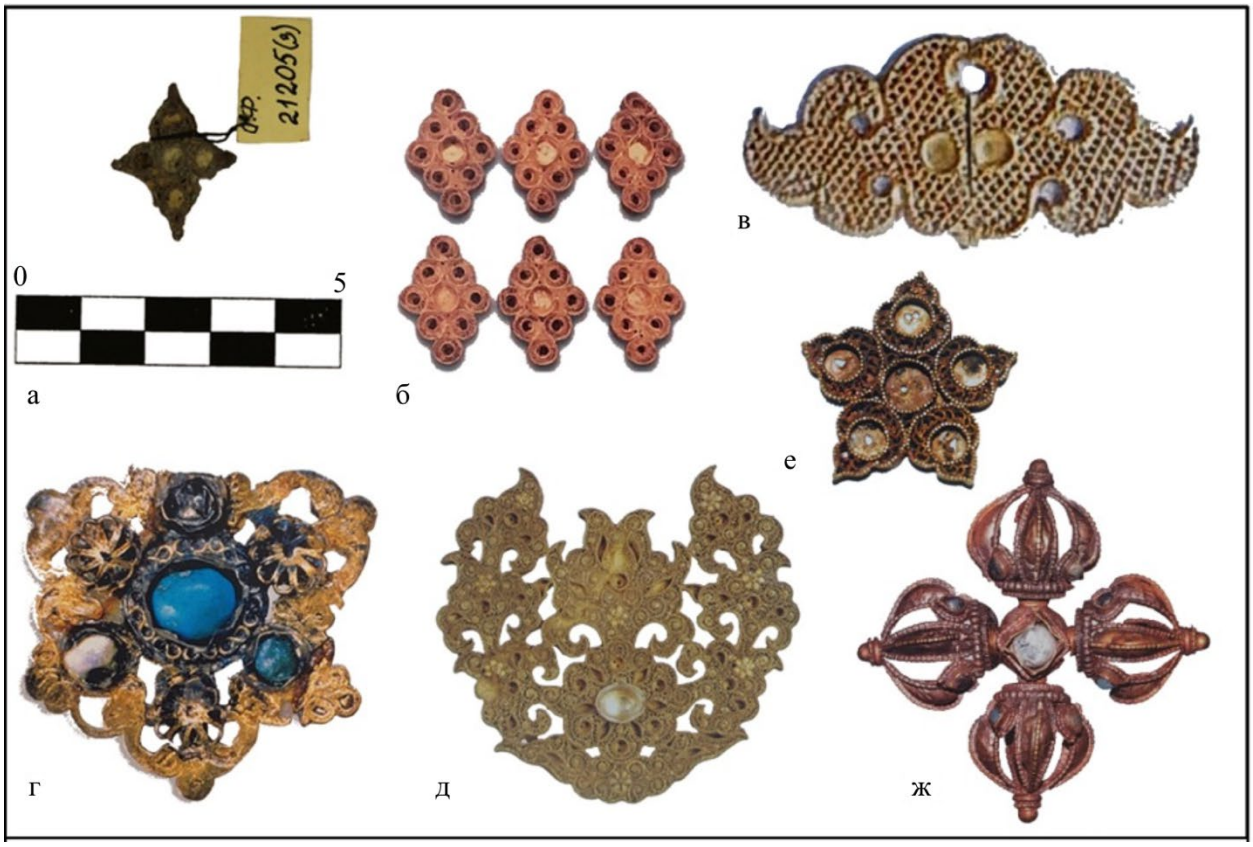


Рисунок Б.22 – Нашивки:
а – Новопавловск пог. 10 (Ставропольский государственный музей-заповедник им Г.Н. Прозрителева и Г. К. Праве ОФ № 21205);
б – клад «Брик-Алгинское местонахождение» (Гарустович, 2011. С. 33–42);
в – фонд ГБУК АО (Пилипенко, 2019. С. 46);
г – Шляховской кур. 2 пог. 1 (ВОКМ Инв.№ 27400/18);
д – клад «Шахрисабза» (Горелик, 2010. С.73);
е – Молчановка кур. 3. (СОМК СМК 48460/1-2);
ж – гробница Вань Шисянь пог. 22 (Исследования …, 2017. С. 209)

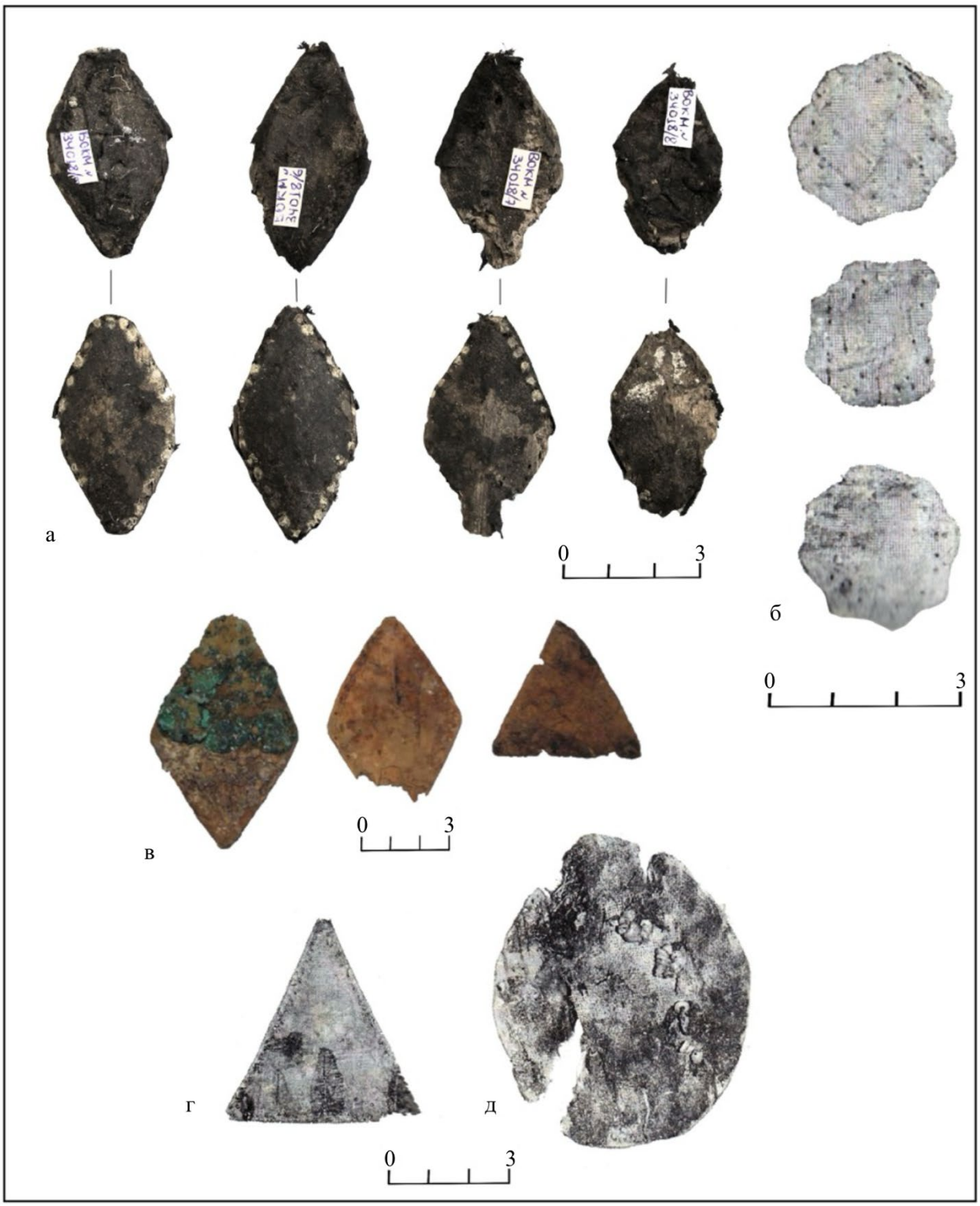


Рисунок Б.23 – Нашивки берестяные:

а – Царёв кур. 61, Россия (Мыськов, 2015. С. 484), б – Чандаган Тал пог. 2, Монголия (Erdenebat, 2009. С. 173–174); в – нашивки с памятников Киргизии (Секи I, Бел Саз I, Суттуу-Булак I и др.) (Орозбекова, 2016. С. 177–179); г – Буруал Уул, Монголия (Erdenebat, 2009. С.252); д – Бурхан Толгой пог. 3, Монголия (Erdenebat, 2009. С.105,109)

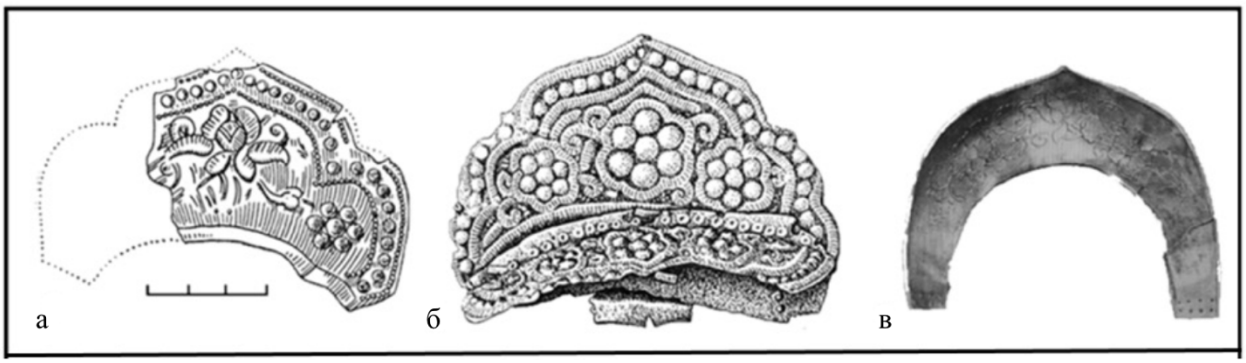


Рисунок Б.24 – Пластины «очелья»:

а – Кудыргэ пог. 17 (Гаврилова, 1965. С. 44–45); б – Усть-Алейка 5 (Тишкин, 2007. С. 156–158); в – Таван Толгой кур. 5 (Эрдэнэбат, 2009. С. 107)

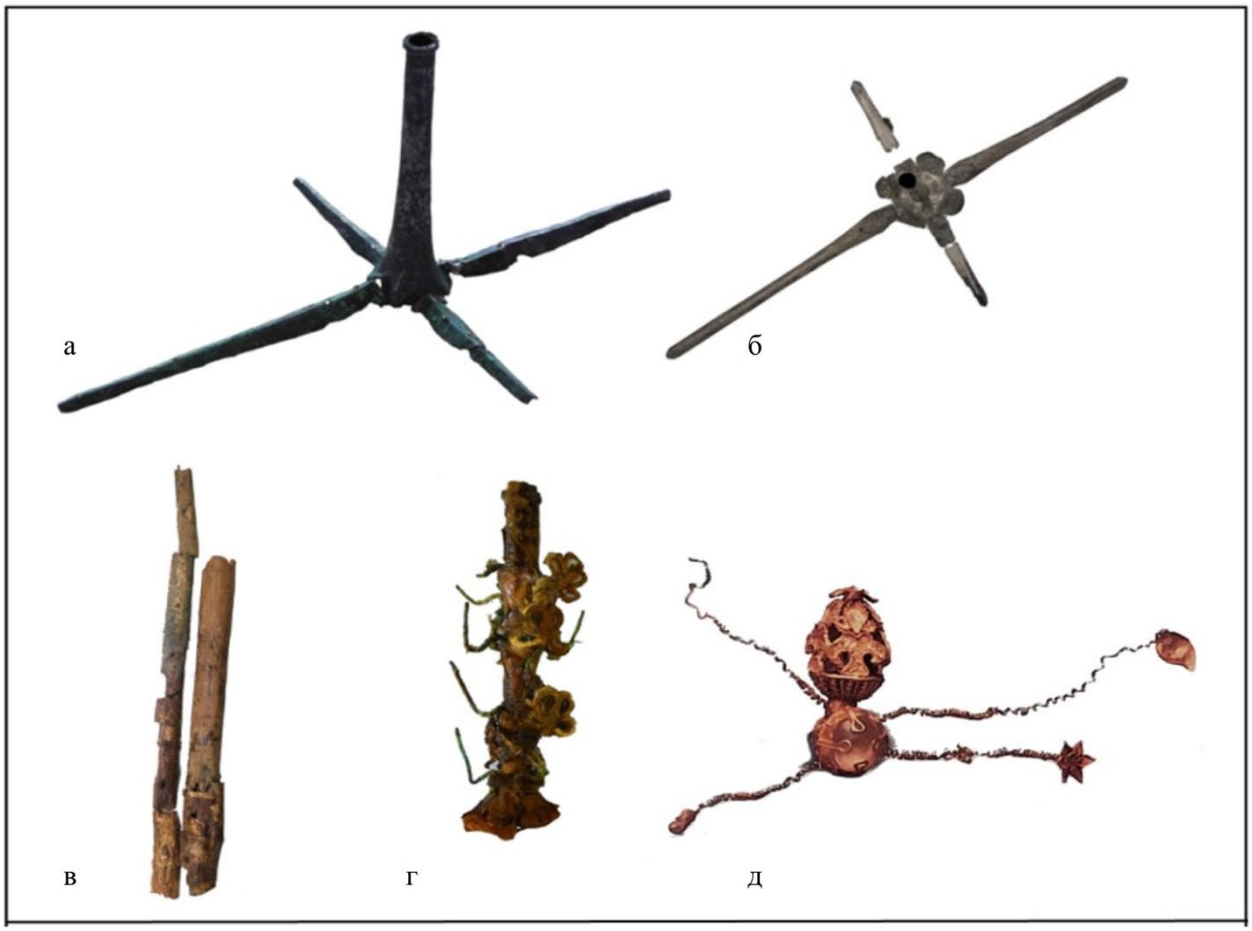


Рисунок Б.25 – Навершия под перьевую систему:

а – Дядьковский 45 пог. 1 (Макласова, 2020. С. 159–168);

б – Аксеновский могильник (Юрченко, 2012. С. 432);

в – мавзолей Увека пог. 1 (Кротков, 1915. С. 111–133);

г – Бахтияровка II кур. 5 пог. 1 (Мыськов, 2015. С. 359);

д – клад «Брик-Алгинское местонахождение» (Гарустович, 2011. С. 36–41)

Рисунок Б.26 – Нижние шапочки:

а – Национальный музей шёлка КНР

(URL: https://www.chinasilkmuseum.com/zggd/info_21.aspx?itemid=1860);

б – Музей Исламского искусства г. Доха, Катар (Горелик, 2014. С. 154);

в – Фонд Марджани (Горелик, 2014. С. 151); г – скальное захоронение Цамбагарав Хайрхан, аймак Ховд, Монголия (Tumur-Ochir B., 2023. С. 57–60)

Рисунок Б.27 – Верхние шапочки:

а – рисунок верхней шапочки из погребения у х. Дёмочкин (Мыськов, 2015. С. 312–313); б – рисунок верхней шапочки из кур. 64 пог. 1 могильника Царев (Мыськов, 2015. С. 312–313); в – рисунок верхней шапочки из могильника Бахтияровка кур. 70 пог. 1 (Мыськов, 2015. С. 312–313); г – фонд Марджани (Горелик, 2014. С. 161–172); д – фонд музея шелка Ханьчжоу (Горелик, 2014. С. 161–172); е –музей Исламского искусства г. Доха, Катар (Горелик, 2014. С. 154); ж – фрагмент картины, фонд Национального дворцового музея Тайбэя (Горелик, 2010. С. 40); з – гробница Вань Шисянь пог. 4 (Исследования …, 2017. С. 242–243)

Рисунок Б.28 – Могильник Дядьковский 45 пог. 1:
а – погребение (а – россыпь жемчуга, б – навершие, в – каури); б – расположение фрагментов украшений в погребении; в – навершие (Макласова, 2020. С. 159–168)

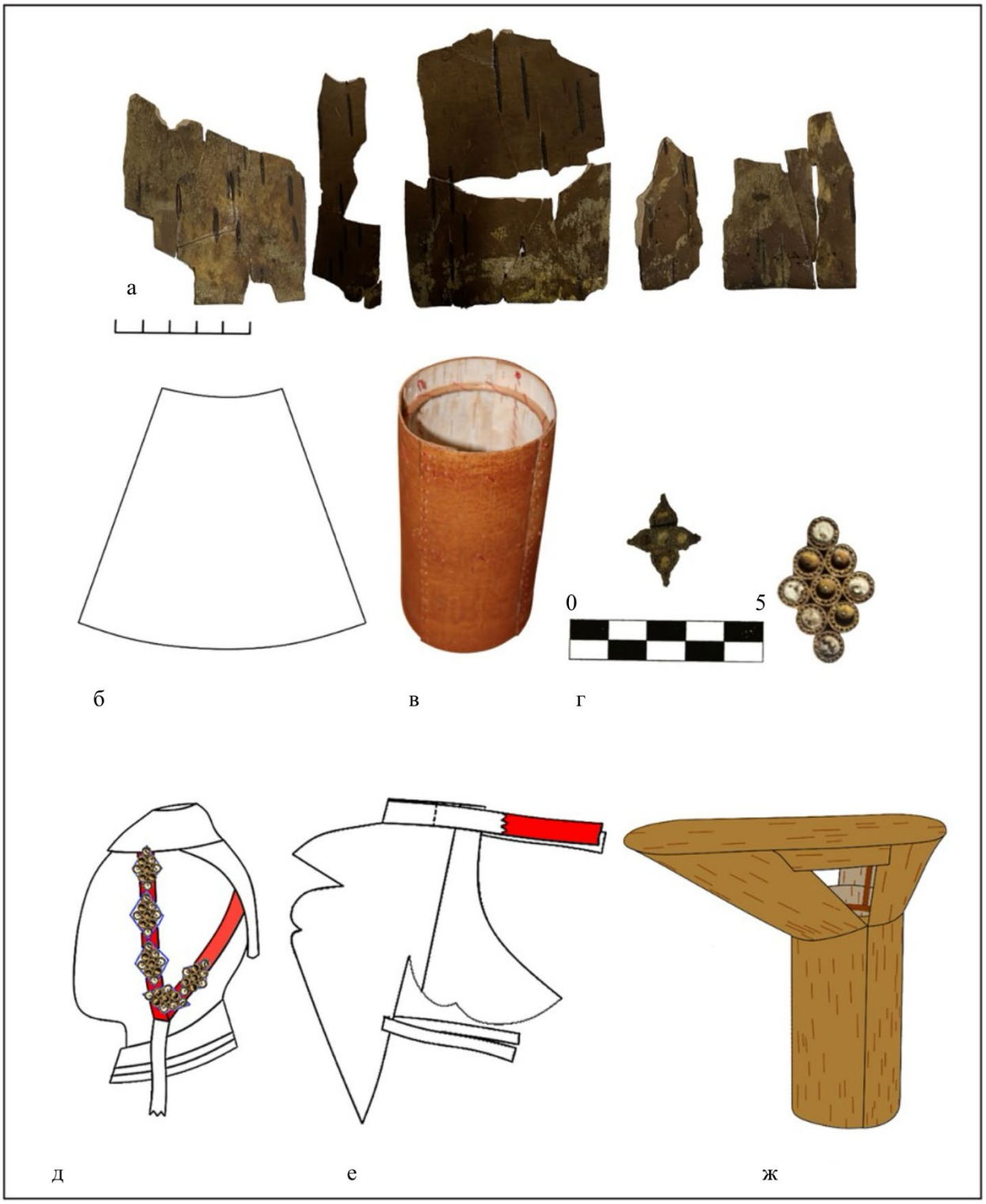


Рисунок Б.29 – Боктаг из пог. 10 Новопавловского могильника:
а – фрагменты бересты. Ставропольский государственный музей-заповедник им Г.Н. Прозрителева и Г. К. Праве (инв. № не имеется); б – развертка усеченного конуса; в – реконструкция ствола; г – украшения с головного убора (Макласова, 2020. С. 26–28); д – расположение ромбических украшений на сохранившихся лентах нижней шапочки; е – расположение сохранившихся завязок верхней шапочки; ж – графическая реконструкция берестяного каркаса

Рисунок Б.30 – Маячный Бугор I пог. 70. Сохранившиеся составные части берестяного каркаса

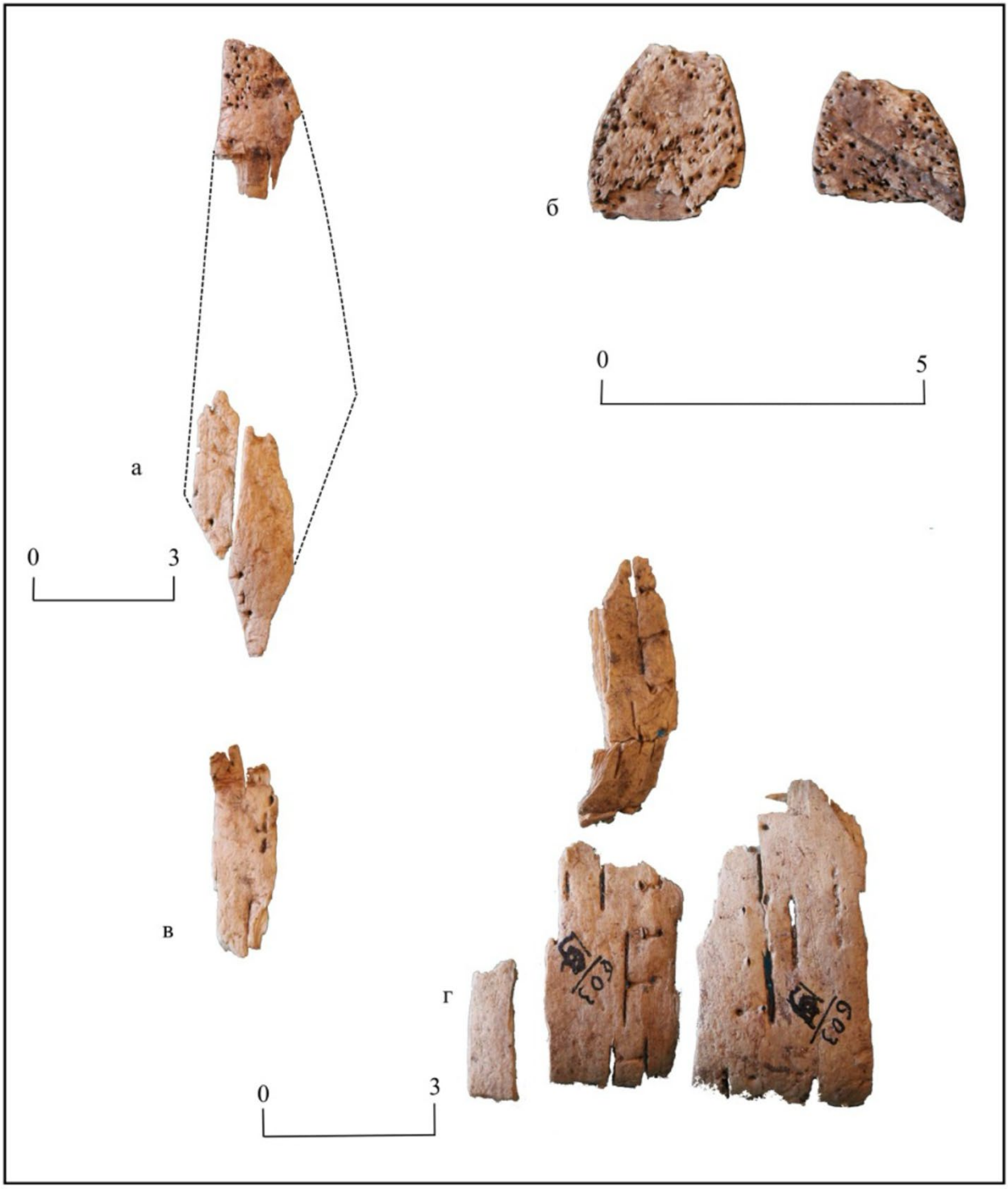


Рисунок Б.31 – Имангулово кур. 3 пог. 3: а – фрагмент передней части капители; б – ромбики от украшения нижней шапочки; в – фрагмент задней детали капители; г – фрагменты ствола (фонд ИЭИ УНЦ РАН КП 603/9)

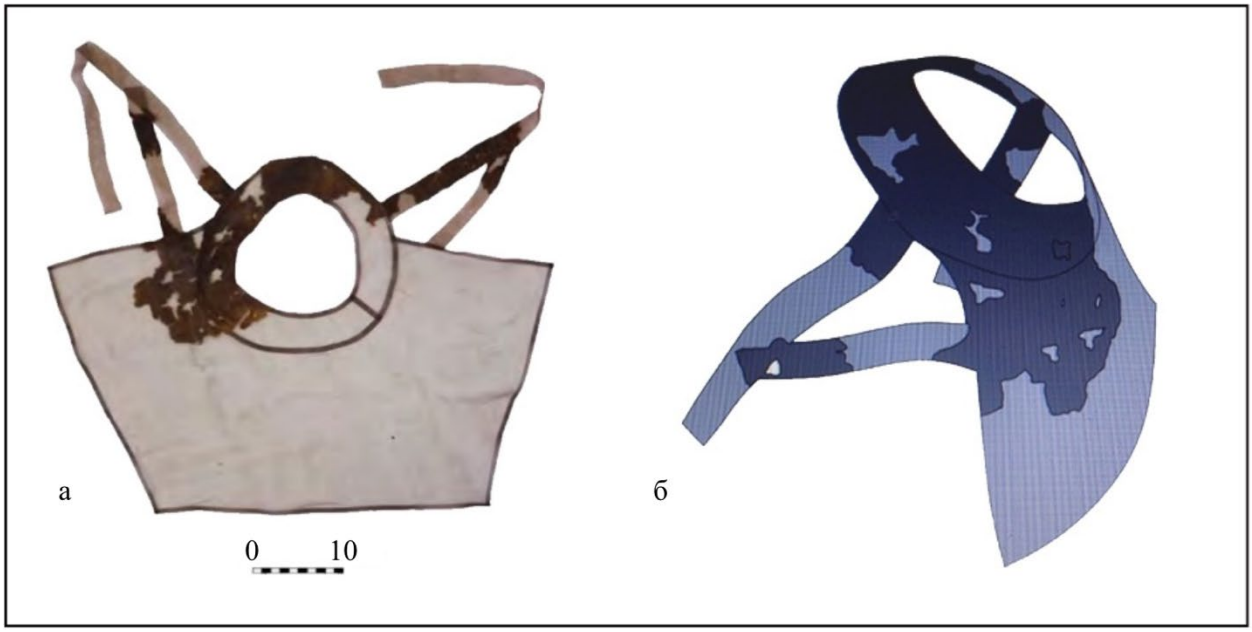


Рисунок Б.32 – Тингутинский I кур. 7 пог. 1: а – реконструкция нижней шапочки по версии З. В. Доде (по: Доде, 2018. С. 341); б – собственная версия реконструкции нижней шапочки

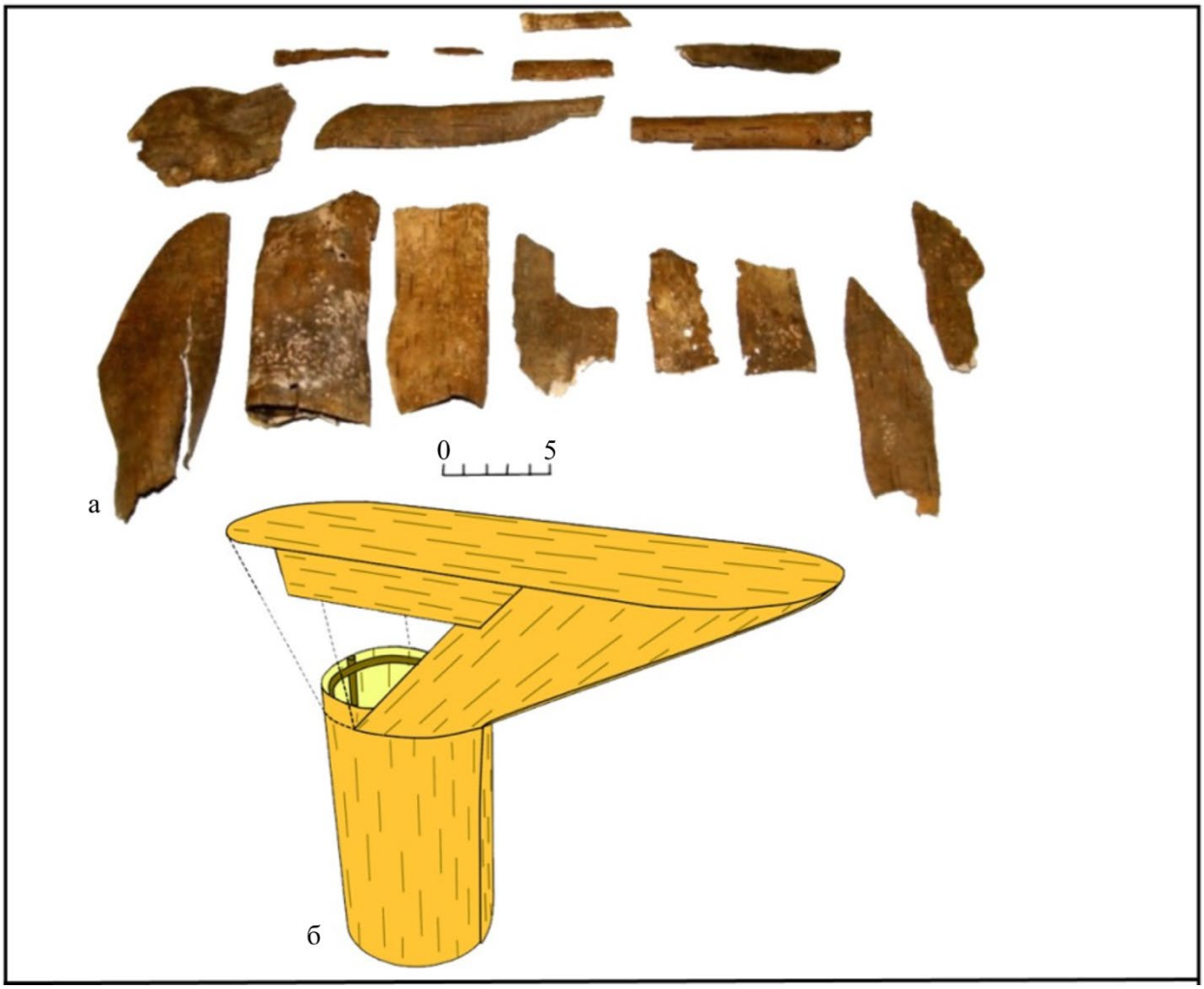


Рисунок Б.33 – Маячный Бугор II пог. 51: а – фрагменты берестяного каркаса (ГИМ 109264/74, Инв. № Оп.В 2706/74); б – графическая реконструкция боктаг

Рисунок Б.34 – Художественная реконструкция Маячный Бугор II пог. 51

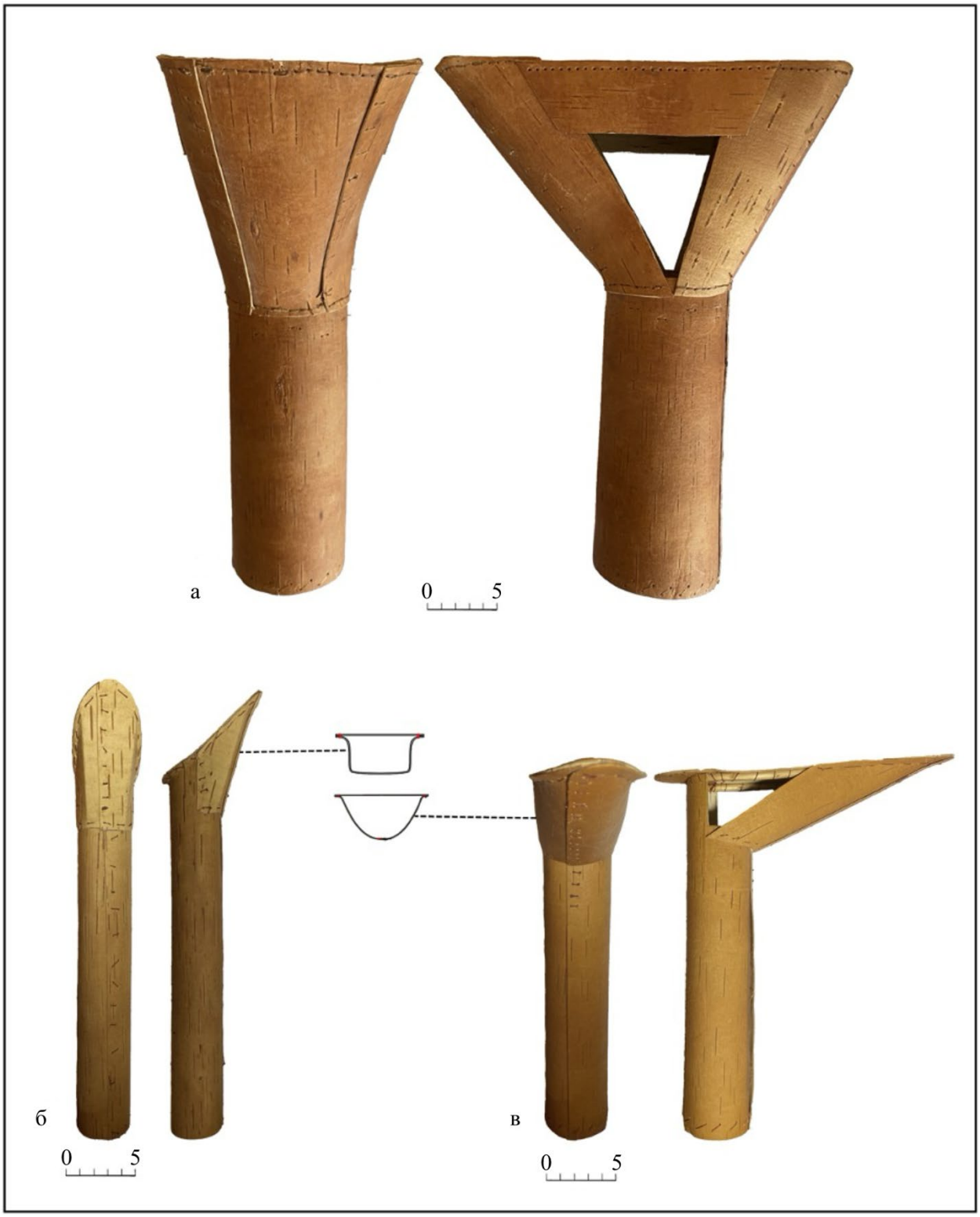


Рисунок Б.35 – Реконструкция берестяных каркасов: а – Буурал Уул пог.2; б – Башкир–Беркутово пог. 2; в – Солодовка I кур. 8 пог. 2

Рисунок Б.36 – Фото реконструкций боктаг: а – Маячный Бугор II пог. 51;
б – Фонд Марджани

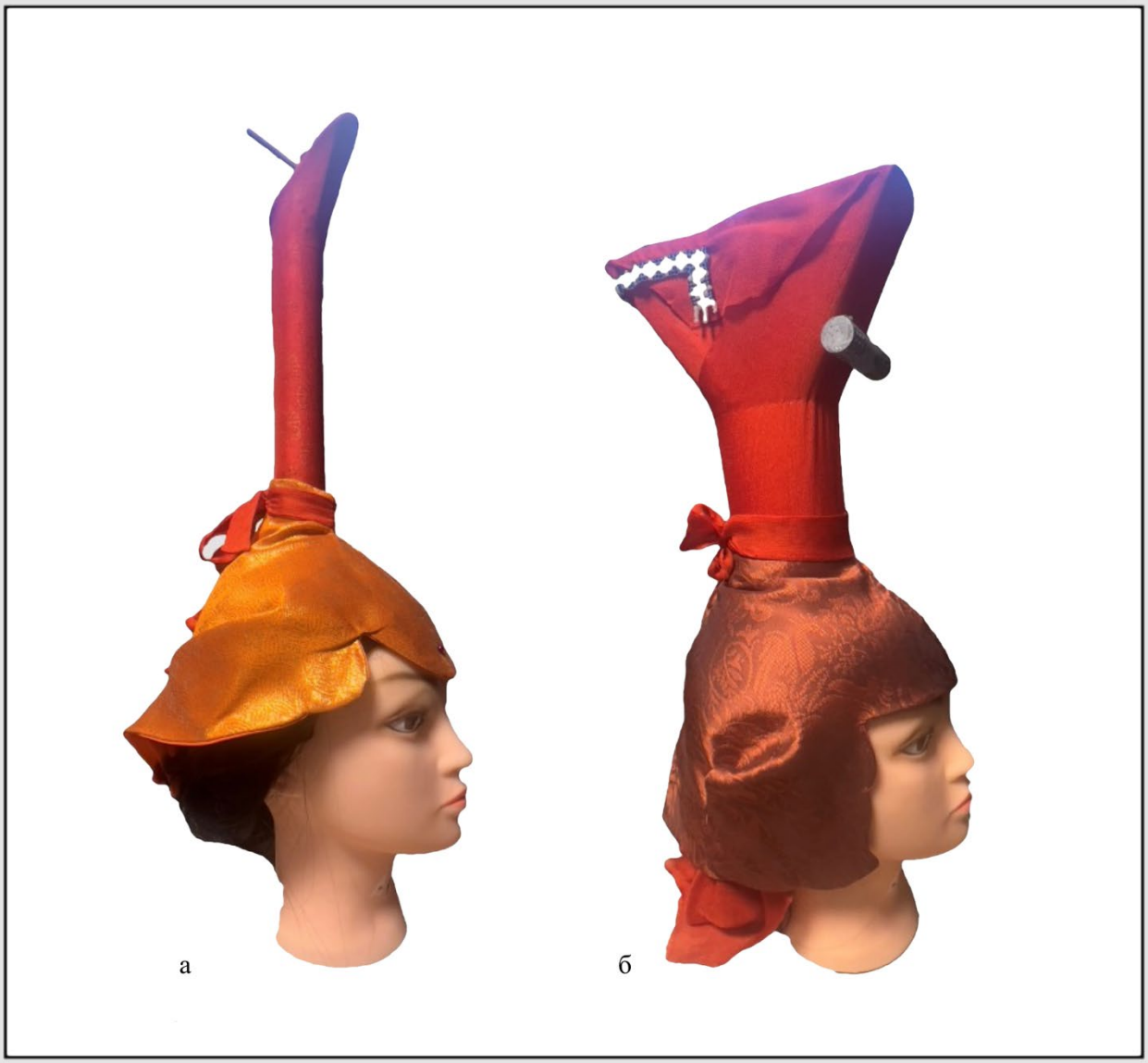


Рисунок Б.37 – Фото реконструкций боктаг: а – Башкир-Беркутово пог. 2;
б – Ушарал-Илибалык пог. 290

Рисунок Б.38 – 3D-модели: а – Ушарал-Илибалык пог. 290; б – Линевский I кур. 15; в – Линевский II кур. 1 пог. 1